

Вестник общественного мнения

Данные. Анализ. Дискуссии

3(105)

Выходит 4 раз в год. Год издания 17-й

Июль—сентябрь 2010

Аналитический
Центр Юрия Левады
(Левада-Центр)

Междисциплинарный
академический центр
социальных наук
(Интерцентр)

Редакционный совет:

Т.И. Заславская
(председатель)
А.Г. Аганбегян
А.Г. Вишневский
Т.Е. Ворожейкина
Л.М. Дробижева
Н.М. Римашевская
Т. Шанин
В.А. Ядов
Е.Г. Ясин

Редколлегия:

Л.Д. Гудков
(главный редактор)
А.И. Гражданкин
Б.В. Дубин
(зам. главного редактора)
Н.А. Зоркая
(ответственный секретарь)
М.Д. Красильникова
Г.А. Стерликова
Л.А. Хахулина
(зам. главного редактора)

Подписной индекс
по каталогу
ОАО «Роспечать»
«Газеты. Журналы»
83193

По Объединенному каталогу
«Пресса России» 87847

СОДЕРЖАНИЕ

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ 3

РОССИЙСКОЕ И ПОСТСОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО, ЕГО ИЗМЕНЕНИЯ

Лидия ОКОЛЬСКАЯ. Ценности и нормы социологической профессии на сайтах факультетов и кафедр 13

Людмила НОВИКОВА. Механизмы психологической защиты личности в условиях тоталитарного режима 28

Юлия ЛИДЕРМАН. Почему концепция перформативного искусства не популярна в современной России? 37

Алексей СИДОРЕНКО. Настоящее и будущее российского Интернета: существующее положение, региональная проекция, перспективы 46

Любовь БОРУСЯК. Чтение как ценность в среде молодых российских интеллектуалов 53

Борис ДУБИН. О чтении и нечтении сегодня (в порядке комментария к статье Л.Борусяк) 66

Володымыр КУЛЫК. Родной язык и язык общения: на что должна ориентироваться языковая политика? 75

Иван ЗАБАЕВ. «Своя жизнь», образование, деторождение. Мотивация репродуктивного поведения в современной России 87

СОЦИОЛОГ: ПРОФЕССИЯ И ПОЗИЦИЯ

О ЛЕВАДЕ. Интервью с Алексисом БЕРЕЛОВИЧЕМ 98

К 80-летию Теодора ШАНИНА 114

РЕПЛИКИ С ПОЛЯ. Публикация Елизаветы ДЮК 115

Авторы номера 116

SUMMARY 117

Ответственный редактор
выпуска Б.В. Дубин

Редактор, корректор
Е. В. Войналович

Компьютерная верстка
Г.И. Самарина

Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр)
109012, Москва, ул. Никольская, 17. Тел.: (495) 229 3810
E-mail: direct@levada.ru

Междисциплинарный академический центр социальных наук (Интерцентр)
119571, Москва, просп. Вернадского, 82. Тел.: (495) 564 8582

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна
Зарегистрировано Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций ПИ № 77981 от 10 декабря 2003 г.

© Левада-Центр, Интерцентр, 2008 ISSN 2070-5107

The Russian Public Opinion Herald

Data. Analysis. Discussions

3(105)

Quarterly

July–september 2010

Analytic Centre
Yury Levada
(Levada-Centre)

**The Interdisciplinary
Academic Centre for
Social Sciences**
(InterCentre)

Members of the Editorial Council

Tatyana Zaslavskaya
(*Chair*)
Abel Aganbeghian
Anatoly Vishnevsky
Tatyana Vorozheikina
Leokadia Drobizheva
Natalia Rimashevskaya
Teodor Shanin
Vladimir Yadov
Yevgenii Yassin

Editorial Board

Lev Gudkov
(*Editor-in-Chief*)
Boris Dubin
(*Deputy Editor-in-Chief*)
Alexei Grazhdankin
Ludmila Khakhulina
(*Deputy Editor-in-Chief*)
Marina Krasilnikova
Galina Sterlikova
Natalia Zorkaya
(*Executive Secretary*)

CONTENTS

MONITORING OF CHANGES: PRINCIPAL TRENDS 3

SOCIOLOGY AND TIME

Values and Norms of Sociological Profession on the Sites
of Departments and Chairs (by Lydia Okolskaya) 13

Personality Psychological Defense Mechanisms under Totalitarian
Regimes (by Ludmilla Novikova) 28

Why is Conception of Performance Art not Popular in Modern Russia?
(by Julia Liderman) 37

The Present and the Future of the Russian Internet
(by Alexey Sidorenko) 46

Reading as a Value among Young Russian Intellectuals
(by Lubov Borusyak) 53

On Reading and Non-reading Today (by Boris Dubin) 66

The Native Language and Language of Everyday Usage:
Which should Language Policy be Guided by? (Volodymyr Kulyk) 75

«Own life», Education, Chilbirth. Motivation of Reproductive Behavior
in Contemporary Russia (by Ivan Zabayev) 87

SOCIOLOGIST AS PROFESSION AND ATTITUDE

About Levada. Interview with Alexis Berelovich 98

Theodore Shanin Jubilee 114

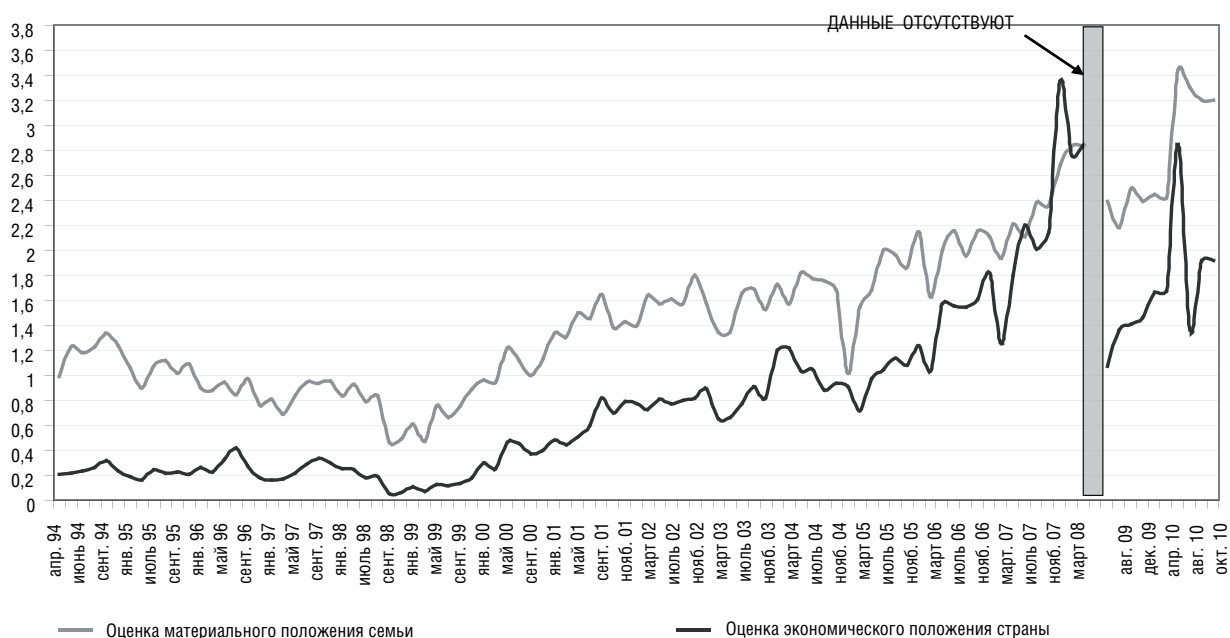
REMARKS FROM THE FIELD (Publication of Yelizaveta Dyuk) 115

Autors of the issue 116

SUMMARY 117

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

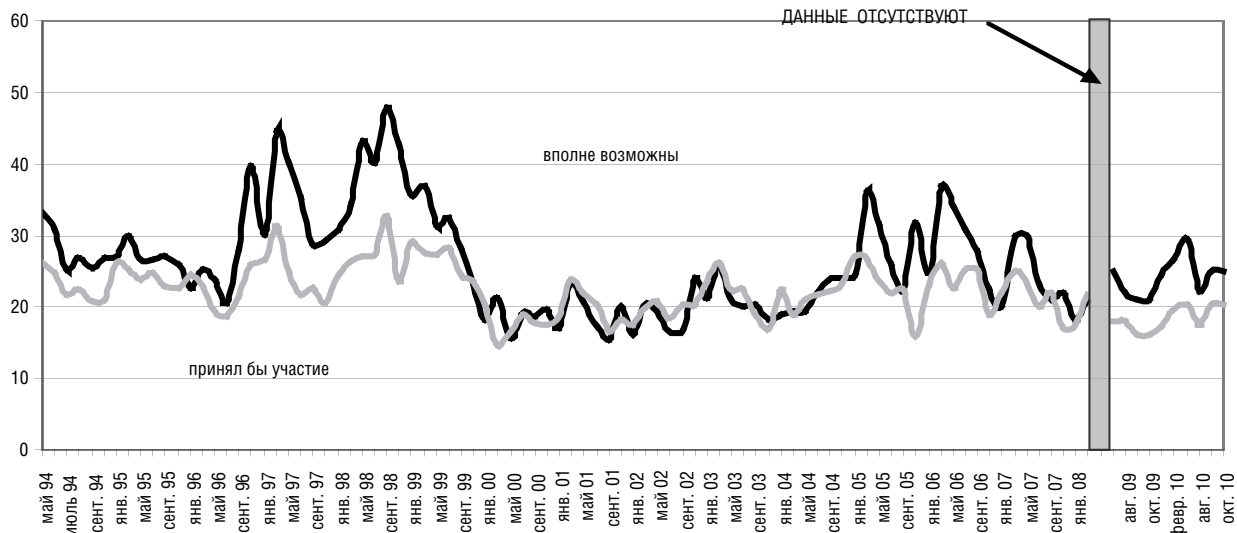
1. ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ СТРАНЫ И СВОЕЙ СЕМЬИ (соотношение давших положительную — «хорошее» и «среднее» — и отрицательную — «плохое» и «очень плохое» оценку; затруднившиеся с ответом не учитываются)

После спада оценок с началом мирового финансового и экономического кризиса в 2008 г. они начали вновь расти в 2009-м. К лету 2010 г. оценки положения в стране поднялись до одной из наиболее высоких точек за все годы замеров, а оценки положения семьи вообще достигли максимума по сравнению со всеми предыдущими замерами. Летние пожары 2010 г. привели к резкому обвалу тех и других показателей, однако, начиная с августа текущего года, они опять стали расти.

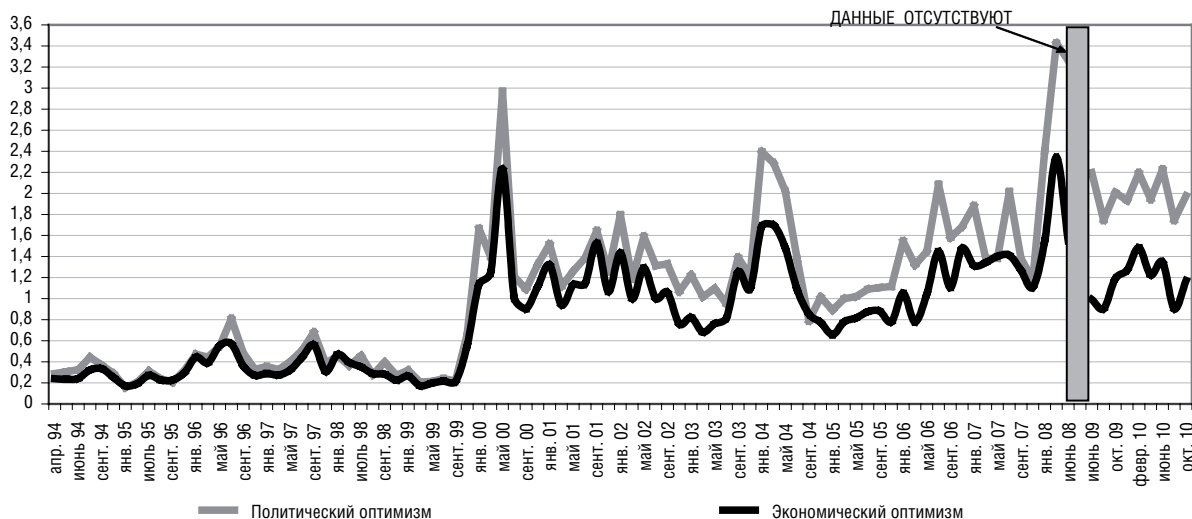
2. ПОТЕНЦИАЛ ПРОТЕСТА

«Насколько возможны сейчас в Вашем городе, сельском районе массовые выступления против роста цен и падения уровня жизни?»; «Если такого рода митинги или демонстрации протеста состоятся, Вы лично примите в них участие?» (в % от числа опрошенных)

Протестные настроения, бывшие в 2008–2009 г. сравнительно низкими, после октября 2009 г. начали расти. Они очень заметно выросли летом 2010 г., затем снизились, но, начиная с августа, вновь растут.

3. ПОКАЗАТЕЛИ ОПТИМИЗМА (соотношение позитивных и негативных ожиданий)

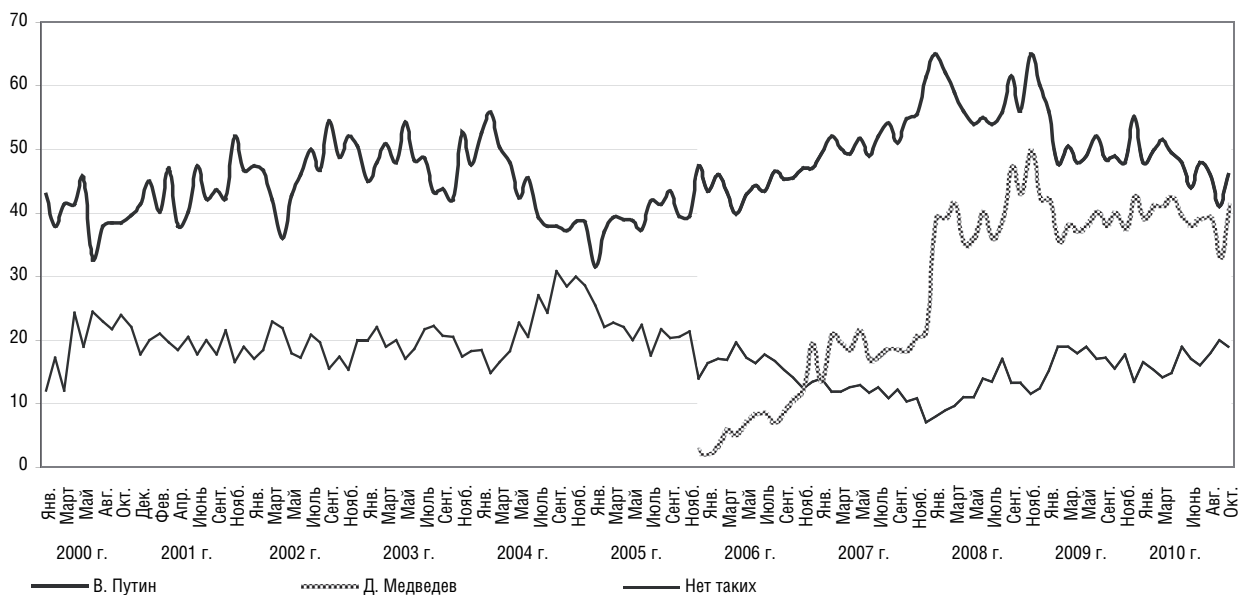
Последний пик политического оптимизма (как и в предшествующие годы) пришелся на год выборов — в данном случае выборов президента 2008 г. В этот период особенно значительным становится типичное для электоральных циклов преобладание политического оптимизма над экономическим. В 2009-м — начале 2010 г. оба индекса держались около среднего уровня всего десятилетия, точно повторяя колебания друг друга. Примечательно, что политический оптимизм, в отличие от всего предшествовавшего периода замеров, стабильно превышает экономический оптимизм. Периоды падения индексов в 2008-2009 гг. могут объясняться поствыборной демобилизацией и реакцией на экономический кризис, а летом 2010 г. — аномальной жарой и пожарами в России.

4. ЧТО ВЫ МОЖЕТЕ СКАЗАТЬ О СВОЕМ НАСТРОЕНИИ В ПОСЛЕДНИЕ ДНИ?

Колебания оценок и ожиданий россиян летом 2010 г. не слишком сказались на доминирующих настроениях россиян: в целом среди них преобладает нормальное, ровное состояние. Можно сказать, что большинство привыкли к окружающей ситуации, на уровне повседневных эмоций адаптировались к ней.

4а. Доверие к Д. Медведеву и В. Путину (в % от числа опрошенных)

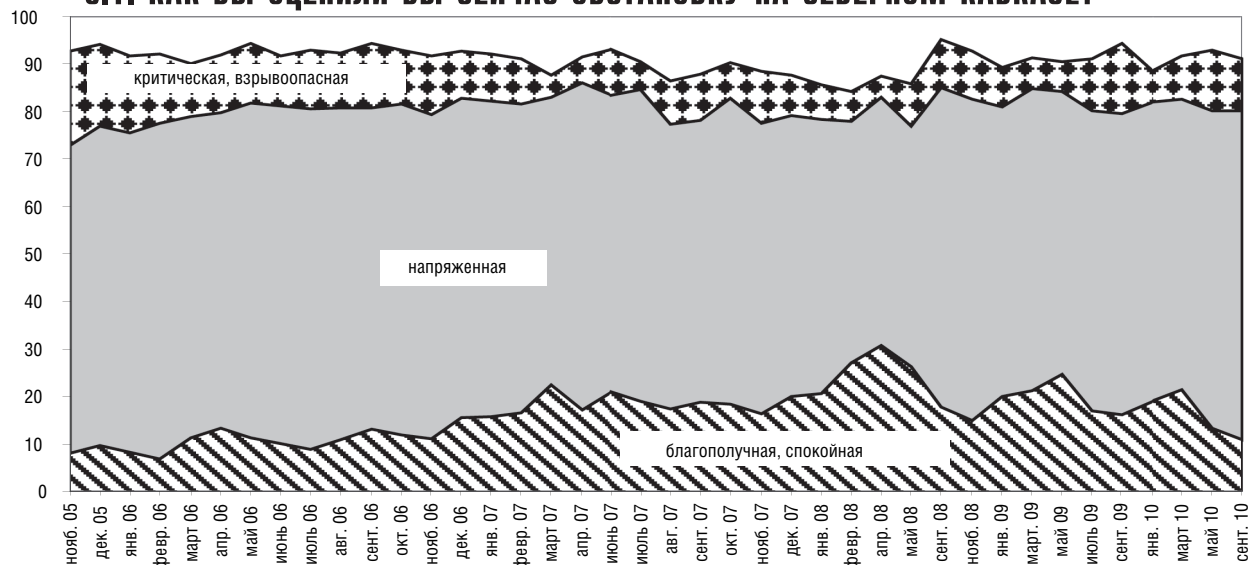

Уровень доверия к двум первым лицам страны, достигнув наиболее высокого уровня осенью 2008 г. (доверие к В. Путину заметно выше, чем к Д. Медведеву), затем снизился и держался на этом более низком уровне до лета 2010 г., когда еще более упал. После августа текущего года доверие В. Путину и Д. Медведеву начало понемногу расти, но одновременно достаточно высокой остается доля россиян, которые не доверяют никому из нынешних политиков и не интересуются политикой.

46. НАЗОВИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, 5–6 ПОЛИТИКОВ, КОТОРЫМ ВЫ БОЛЕЕ ВСЕГО ДОВЕРЯЕТЕ (в % от числа опрошенных, приводятся данные о доверии политикам, собравшим хотя бы в одном замере не менее 3%)

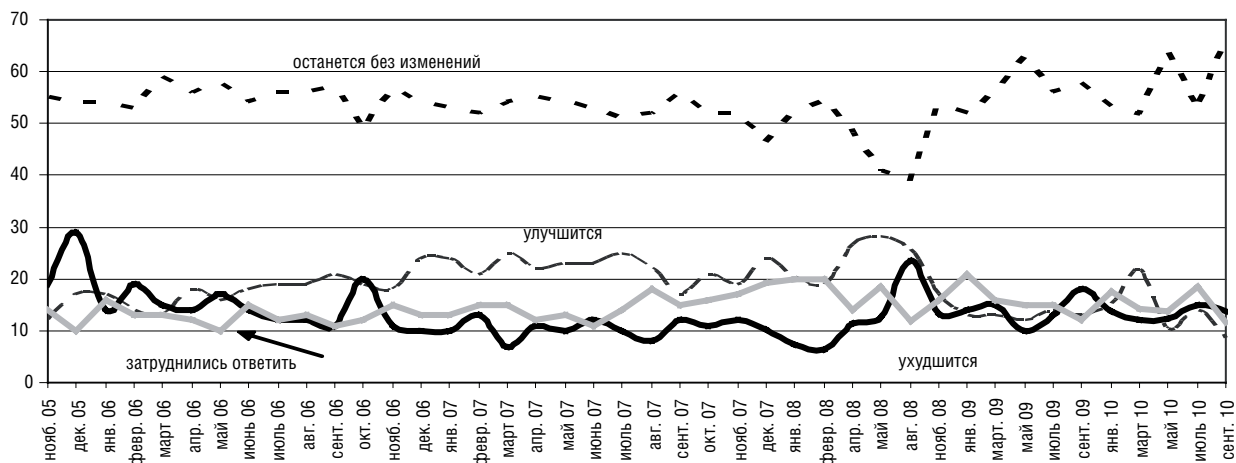
Вариант ответа	2008						2009						2010									
	I	IV	V	VI	X	XII	I	V	VII	IX	XI	XII	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
Грызлов Б.	3	4	4	3	3	4	4	3	3	4	4	4	4	4	4	3	4	4	4	3	4	3
Жириновский В.	10	9	8	7	10	9	10	10	11	10	12	11	9	10	10	13	11	11	10	9	8	9
Зубков В.	14	11	8	6	4	2	2	3	2	3	2	2	2	2	2	3	3	3	3	3	2	3
Зюганов Г.	9	11	9	9	9	7	9	8	9	11	8	10	8	10	10	9	8	9	9	8	8	8
Иванов С.	23	20	11	13	8	7	7	7	6	4	5	4	3	5	5	5	6	3	6	6	4	3
Кудрин А.	1	2	2	1	2	1	1	2	3	3	3	3	2	2	2	2	3	3	3	3	2	4
Лавров С.	2	3	4	3	6	4	6	7	6	4	7	6	4	4	4	4	5	5	6	5	5	4
Лужков Ю.	8	6	7	6	7	7	6	7	8	6	5	5	3	4	4	5	5	4	4	4	2	1
Лукашенко А.	2	2	2	4	3	5	3	4	4	3	3	4	2	4	4	3	3	3	2	2	2	2
Матвиенко В.	3	5	5	4	5	7	4	5	6	4	4	7	3	5	5	3	3	4	3	3	3	3
Медведев Д.	39	35	36	40	43	42	42	38	41	38	37	43	39	41	41	42	39	38	39	39	33	41
Миرون С.	5	3	3	3	3	4	3	3	3	3	4	5	4	4	4	4	4	3	5	3	4	4
Примаков Е.	4	3	3	3	3	3	2	4	3	3	5	5	4	5	5	3	4	5	3	4	3	3
Путин В.	65	56	54	55	56	60	56	49	53	49	48	55	48	50	50	50	48	44	48	46	41	46
Тулеев А.	4	5	4	4	6	5	3	5	4	3	4	5	3	5	5	4	5	4	4	4	2	3
Хакамада И.	2	2	1	2	2	2	2	3	2	2	1	2	1	2	2	2	2	1	1	1	1	1
Шойгу С.	17	18	15	16	16	14	13	14	16	14	13	17	13	15	15	18	18	15	15	16	13	13
Нет таких	8	11	11	14	13	12	15	19	15	17	18	13	17	15	15	15	19	17	16	18	20	19
Не интересуюсь политиками, политикой	10	13	14	12	14	9	14	14	13	16	15	12	14	13	13	16	15	16	17	17	18	16
Затрудняюсь ответить	5	7	7	6	5	6	6	6	6	6	6	5	6	6	6	5	5	8	6	7	7	7

5.1. КАК ВЫ ОЦЕНИЛИ БЫ СЕЙЧАС ОБСТАНОВКУ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ?

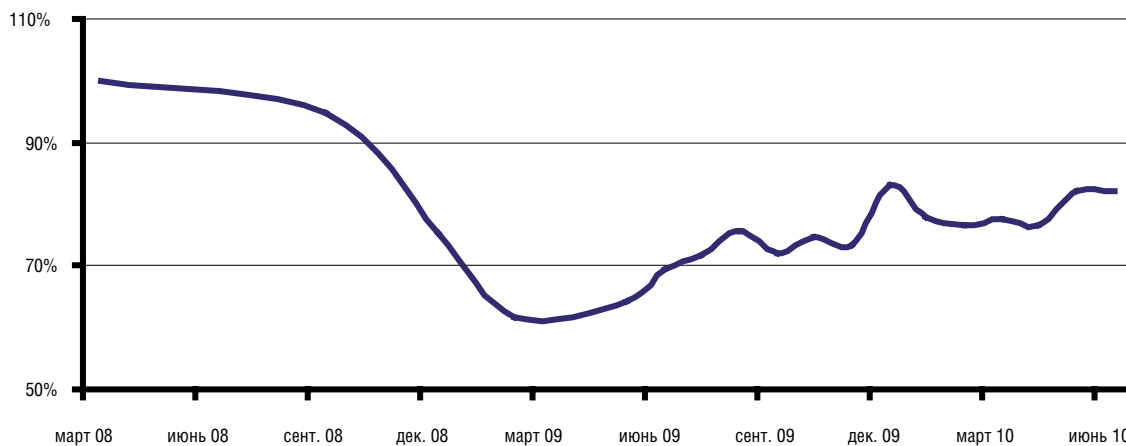
N=1600

5.2. КАК ИЗМЕНИТСЯ В ТЕЧЕНИЕ БЛИЖАЙШЕГО ГОДА ОБСТАНОВКА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ?

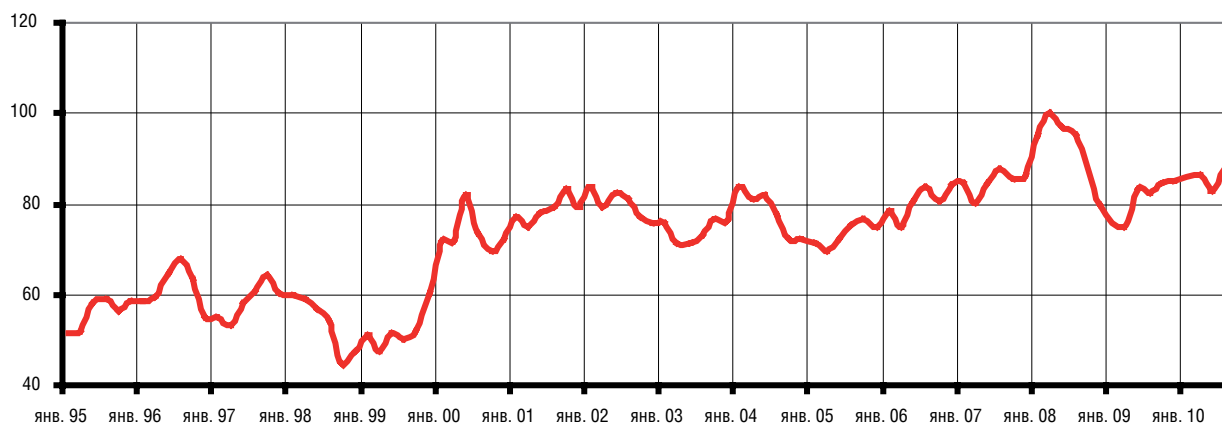
Абсолютное большинство россиян расценивают ситуацию на Северном Кавказе как напряженную и считают, что положение в регионе в ближайший год не изменится. Доля этих последних оценок («ситуация не изменится») наиболее высока за все последние пять лет замеров.

6. ИНДЕКС ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ НАСТРОЕНИЙ (ИПН), март 2008 г. = 100%

В октябре Индекс потребительских настроений заметно вырос по сравнению с сентябрем, отыграв не только сентябрьский провал настроений, но и превысив, пусть немного, уровень, достигнутый к середине лета. Улучшение настроений произошло по всем переменным, составляющим сводный индекс. Октябрьский рост оценок текущего положения дел на потребительском рынке обеспечил продолжение положительной тенденции сегодняшних субъективных настроений — достигнутые значения частного индекса текущего состояния превышают летние уровни. Однако октябрьский прирост перспективных ожиданий на будущее оказался недостаточным для того, чтобы можно было говорить о наличии долговременной положительной тенденции. Такая структура динамики изменений потребительских настроений — признание отсутствия неблагоприятных тенденций в текущий момент и сдержанные ожидания на будущее — позволяет предположить, что октябрьский рост потребительских настроений имеет слабые шансы на то, что эта положительная динамика закрепится в ближайшем будущем.

6.1. ИНДЕКС СОЦИАЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ (ИСН), март 2008 г. = 100%

В начале осени общественные настроения, измеряемые Индексом социальных настроений, остаются на уровне начала лета нынешнего года, и это характеризует нынешнюю ситуацию как выжидательную и настороженную. Продолжается незначительное, но устойчивое улучшение оценок личного положения российских семей. За летние месяцы частный индекс текущего положения семьи вырос на 9% (по сравнению с апрелем), это улучшение показателя пришлось на первую половину лета. И это важная положительная тенденция. С другой стороны, положительная динамика общественных настроений сдерживается практическим отсутствием в этот период улучшения оценок перспектив личного положения семьи, развития ситуации в стране. Отражающий эти оценки частный индекс ожиданий (ИО) в октябре по сравнению с апрелем вырос всего на 1%, и сейчас он даже ниже уровня октября 2009 года. Примерно также обстоят дела с динамикой одобрения действий властей (президента и правительства). В годовом исчислении (по сравнению с октябрём 2009г.) уровень одобрения действий властей практически не изменился.

В целом сложившаяся динамика общественных настроений в стране характеризуется отсутствием явно выраженных тенденций и отражает настороженно выжидательную позицию населения.

7. «ОТСТАВКА ЛУЖКОВА»: МОДЕЛЬ ОТКАЗА ВЛАСТИ В ПОДДЕРЖКЕ

Данные сентябрьского общероссийского опроса 2010 г. (N=1600) приводятся в % к числу опрошенных

ДОВЕРЯЕТЕ ЛИ ВЫ МЭРУ МОСКВЫ Ю. ЛУЖКОВУ?

Полностью доверяю	3
Скорее доверяю	17
Скорее не доверяю	27
Совершенно не доверяю	27
Затруднились ответить	26

В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ ЧАСТО МОЖНО УСЛЫШАТЬ О КОРРУПТИРОВАННОСТИ ЮРИЯ ЛУЖКОВА, О НЕОБСНОВАННЫХ ПРЕИМУЩЕСТВАХ, КОТОРЫЕ ПОЛУЧАЕТ В БИЗНЕСЕ ЕГО ЖЕНА ЕЛЕНА БАТУРИНА. КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, СООТВЕТСТВУЕТ ЛИ ЭТО ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ?

Определенно да	28
Скорее да	38
Скорее нет	8
Определенно нет	3
Затруднились ответить	23

КАКИЕ ЧУВСТВА ВЫЗЫВАЮТ У ВАС ОБВИНЕНИЯ В КОРРУПЦИИ МЭРА МОСКВЫ Ю. ЛУЖКОВА И ЕГО ЖЕНЫ ЕЛЕНА БАТУРИНОЙ?

Возмущение действиями Лужкова и Батуриной	22
Удовлетворение, что публично поднята тема коррупции высших чиновников	25
Беспокойство, что они могут безвинно пострадать в результате безосновательных обвинений	4
Возмущение действиями тех, кто раздувает эти скандалы	5
Не обращаю на это особого внимания	33
Затруднились ответить	11

А. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ВОРОВСТВА, КОРРУПЦИИ И ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЙ В МОСКОВСКИХ ГОРОДСКИХ ОРГАНАХ ВЛАСТИ БОЛЬШЕ ИЛИ МЕНЬШЕ, ЧЕМ В ОРГАНАХ ВЛАСТИ ДРУГИХ РЕГИОНОВ СТРАНЫ?

В. КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ВОРОВСТВА, КОРРУПЦИИ И ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЙ В МОСКОВСКИХ ГОРОДСКИХ ОРГАНАХ ВЛАСТИ БОЛЬШЕ ИЛИ МЕНЬШЕ, ЧЕМ В ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОРГАНАХ ВЛАСТИ?

Вариант ответа	А. В московских органах власти в сравнении с другими регионами	В. В московских органах власти в сравнении с федеральными органами
Больше	42	33
Столько же	44	50
Меньше	3	5
Затруднились ответить	11	13

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, КАКОВА ОСНОВНАЯ ПРИЧИНА НАЧАВШЕЙСЯ КАМПАНИИ ПРОТИВ Ю. ЛУЖКОВА?

Существенные просчеты/неправильные решения, допущенные Лужковым во время руководства городом	7
Коррупция и злоупотребления в окружении Лужкова/руководстве Москвы	26
Лужков своими действиями дискредитирует «партию власти»	7
Недовольство москвичей политикой и действиями Лужкова	6
Расхождения между Лужковым и федеральными властями по ряду политических вопросов, вопросов собственности и т. п.	10
Недовольство Медведева последними выступлениями и заявлениями Лужкова	4
Кто-то хочет занять/кого-то хотят назначить на «хлебное место» мэра Москвы	13
Переназначение Лужкова – это заключительная часть кампании по переназначению «старожил» на постах глав регионов, но без такой	5
Затруднились ответить	22

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ПО ЧЬЕЙ ИНИЦИАТИВЕ БЫЛА НАЧАТА НА ТЕЛЕВИДЕНИИ КАМПАНИИ ПРОТИВ Ю. ЛУЖКОВА?

По инициативе Д. Медведева	6
По инициативе В. Путина	9
По инициативе совместно Путина и Медведева	23
По собственной инициативе телеканалов	16
Другое	2
Затруднились ответить	44

КАКИЕ ЧУВСТВА ВЫЗЫВАЕТ У ВАС ЗВУЧАЩИЕ СЕЙЧАС ПО ТЕЛЕВИЗОРУ ОБВИНЕНИЯ Ю. ЛУЖКОВА В НЕНАДЛЕЖАЩЕМ ИСПОЛНЕНИИ СВОИХ ОБЯЗАННОСТЕЙ И ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯХ СВОИМ СЛУЖЕБНЫМ ПОЛОЖЕНИЕМ?

Возмущение действиями Лужкова	18
Удовлетворение, что Лужкова наконец-то «схватили за руку»	19

Беспокойство, что Лужков может пострадать в результате безосновательных обвинений	4
Возмущение действиями журналистов и тех, кто стоит за ними и раздувает эти скандалы	7
Не обращают на это особого внимания	41
Затруднились ответить	11

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ПОЧЕМУ, НЕСМОТРЯ НА ВСЮ КРИТИКУ Ю. ЛУЖКОВА В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ, ОН ОСТАЕТСЯ НА СВОЕМ ПОСТУ?

Потому что он зарекомендовал себя успешным и эффективным руководителем, при котором город процветает и благополучно живет	12
Потому что его поддерживает население Москвы	12
Потому что он – один из основателей «Единой России», и партия поддерживает его	8
Потому что почти 20-летнее правление Лужкова привело к возникновению в Москве мощной финансово-политической мафии, сломать кото	31
Потому, что Лужков обеспечивает победу на выборах партии власти в Москве и контроль над оппозицией в Москве	5
Потому что Лужкову нет до сих пор полноценной замены	11
Затруднились ответить	21

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ПОСЛЕ ЭТОЙ КРИТИКИ Ю. ЛУЖКОВ ...

уйдет с поста мэра Москвы в ближайшие дни	15
останется на посту мэра Москвы еще год-полтора	40
останется на посту мэра Москвы еще долгое время	22
Затруднились ответить	23

ЕСЛИ Ю. ЛУЖКОВ В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ НЕ ПОДАСТ В ОТСТАВКУ, БУДЕТ ЛИ ПРОТИВ НЕГО ВОЗБУЖДЕНО УГОЛОВНОЕ ДЕЛО ПО ФАКТАМ КОРРУПЦИИ И ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ СЛУЖЕБНЫМ ПОЛОЖЕНИЕМ?

Определенно да / скорее да	22
Скорее нет / определенно нет	52
Затруднились ответить	26

ЕСЛИ Ю. ЛУЖКОВ В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ ПОДАСТ В ОТСТАВКУ, БУДЕТ ЛИ ПРОТИВ НЕГО ВОЗБУЖДЕНО УГОЛОВНОЕ ДЕЛО ПО ФАКТАМ КОРРУПЦИИ И ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ СЛУЖЕБНЫМ ПОЛОЖЕНИЕМ?

Определенно да / скорее да	18
Скорее нет / определенно нет	55
Затруднились ответить	27

ИЗМЕНИТСЯ ЛИ ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ В МОСКВЕ, ЕСЛИ НА СМЕНУ ЛУЖКОВУ МЭРОМ МОСКВЫ БУДЕТ НАЗНАЧЕН ДРУГОЙ ЧЕЛОВЕК, И ЕСЛИ ДА, ТО КАКИМ ОБРАЗОМ?

Значительно улучшится / несколько улучшится	16
Не изменится	43
Несколько ухудшится / значительно ухудшится	14
Затруднились ответить	27

Данные октябрьского общероссийского опроса 2010 г. (N=1600) приводятся в % к числу опрошенных¹

СМОТРЕЛИ ЛИ ВЫ КАКИЕ-ЛИБО ТЕЛЕВИЗИОННЫЕ ПЕРЕДАЧИ, В КОТОРЫХ ГОВОРИЛОСЬ О ЗЛУПОТРЕБЛЕНИЯХ Ю. ЛУЖКОВЫМ СВОИМ ПОЛОЖЕНИЕМ МЭРА г. МОСКВЫ?

Вариант ответа	Россия	Москва
Да, с большим интересом	37	53
Да, но без особого интереса	40	29
Нет, не смотрел	23	18

КАКИЕ ЧУВСТВА ВЫЗВАЛИ У ВАС ЭТИ ПЕРЕДАЧИ? (в % к числу опрошенных, смотревших передачи)

Вариант ответа	Россия	Москва
Удовлетворение, что неприглядные факты из биографии Лужкова «выплыли наружу»	34	30
Возмущение спланированной «антилужсковской» кампании	7	8
Противоречивые чувства	23	29
Никаких особых чувств	33	31
Затруднились ответить		

ЮРИЙ ЛУЖКОВ ПРИНЕС МОСКВЕ БОЛЬШЕ ХОРОШЕГО ИЛИ БОЛЬШЕ ПЛОХОГО?

Вариант ответа	Россия	Москва
Больше хорошего	35	59
Больше плохого	24	17
Затруднились ответить	41	24

КАКИЕ ЧУВСТВА ВЫЗВАЛО У ВАС ИЗВЕСТИЕ ОБ УВОЛЬНЕНИИ ЛУЖКОВА С ПОСТА МЭРА г. МОСКВЫ?

Вариант ответа	Россия	Москва
Удовлетворение	15	4
Одобрение	24	25
Интерес	16	20
Беспокойство	6	28
Возмущение	2	≤1
Никаких особых чувств	35	21
Затруднились ответить	2	2

ЧТО, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ТЕПЕРЬ ДОЛЖЕН ДЕЛАТЬ ПРЕЗИДЕНТ МЕДВЕДЕВ?

Вариант ответа	Россия	Москва
Настаивать на расследовании фактов коррупции и злоупотреблений Лужкова	63	58
Оставить Лужкова в покое	24	38
Затруднились ответить	13	5

КАК, ПО-ВАШЕМУ, ДОЛЖЕН НАЗНАЧАТЬСЯ МЭР В ТАКОМ ГОРОДЕ, КАК МОСКВА?

Вариант ответа	Россия	Москва
Избираться на прямых выборах среди населения города, как это было раньше	47	46
Назначаться Президентом после согласования руководством партии, имеющей большинство в Московской городской думе	14	14
Предлагаться Московской городской думой и утверждаться президентом, как это предполагает нынешний закон	10	8
Избираться депутатами Московской городской думы из своего состава	6	3
Назначаться по единоличному решению Президента	4	5
Мне все равно, меня это не интересует	12	11
Затруднились ответить	7	12

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, С ПРИХОДОМ НОВОГО МЭРА МОСКВЫ ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ В МОСКВЕ УЛУЧШИТСЯ, УХУДШИТСЯ, ИЛИ ВСЕ ОСТАНЕТСЯ ПО-ПРЕЖНЕМУ?

Вариант ответа	Россия	Москва
Улучшится	24	16
Ухудшится	9	6
Останется по-прежнему	45	49
Затруднились ответить	23	28

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, С ПРИХОДОМ НОВОГО МЭРА МОСКВЫ КОРРУПЦИИ И ЗЛУПОТРЕБЛЕНИЙ СРЕДИ МОСКОВСКИХ ЧИНОВНИКОВ СТАНЕТ БОЛЬШЕ, МЕНЬШЕ, ИЛИ ВСЕ ОСТАНЕТСЯ ПО-ПРЕЖНЕМУ?»

Вариант ответа	Россия	Москва
Больше	5	1
Меньше	20	22
Все останется по-прежнему	59	66
Затруднились ответить	16	11

¹ В опросе был сделан «флюс» по Москве, N=500.

КАК, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ОТСТАВКА Ю. ЛУЖКОВА ОТРАЗИТСЯ НА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В РОССИИ?

Вариант ответа	Россия	Москва
Существенным образом	10	10
Несущественно	34	32
Никак, ничего не произойдет	47	44
Затруднились ответить	9	13

КАКИМ ОБРАЗОМ ОТСТАВКА Ю. ЛУЖКОВА ОТРАЗИТСЯ НА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПОЗИЦИЯХ ОТПРАВИВШЕГО ЕГО В ОТСТАВКУ Д. МЕДВЕДЕВА?

Вариант ответа	Россия	Москва
Существенно укрепятся / несколько укрепятся	30	26
Не изменятся	53	62
Несколько ослабятся / существенно ослабятся	5	9
Затруднились ответить	12	4

Данные ноябрьского общероссийского опроса 2010 г. (N=1600) приводятся в % к числу опрошенных

ЧЕМ, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, В ОСНОВНОМ ЗАНИМАЮТСЯ МЕСТНЫЕ ВЛАСТИ И ЧИНОВНИКИ В РОССИИ?

Решением проблем населения своего города/ региона	16
Поддержанием порядка, стабильности в регионе и стране	13
Решением своих собственных материальных вопросов, развитием контролируемого ими бизнеса	63
Затруднились ответить	8

Случай «Лужкова» интересен с социологической точки зрения стремительностью процесса рассыпания пирамиды коррумпированной власти, казавшейся непоколебимой. Популярность Ю.М. Лужкова у москвичей в качестве мэра ни кем не подвергалась сомнению, начиная с 1991 года, когда он весьма решительно выступил на стороне демократов и сторонников реформ. Высокий рейтинг Лужкова в Москве сохранялся вплоть до начала 2000-х годов, и в Москве у Лужкова не было серьезных соперников. Выстроенная им система власти, управления финансовыми потоками, контроля над карманной Московской думой, судебными и правоохранительными органами, избирательными комиссиями повторяла основные черты сложившегося в России режима.

Начиная с середины 2000-х годов, после выборной кампании 2003–2004 годов, Лужков утратил доверие и признание у наиболее образованных и обеспеченных групп москвичей, все более раздраженных его политической и нацио-

налистической демагогией, административным произволом, наглостью и беспределом утраченной следы правового сознания милиции, ростом коррупции, жадностью московской бюрократии. Однако ресурс его поддержки среди москвичей оставался все равно очень значительным, главным образом, за счет беззастенчивого популизма московской власти и подкупа ею малоимущих групп населения, прежде всего — пенсионеров.

То, что московская администрация неэффективна, что злоупотребления московских чиновников, следственных органов, милиции выходят за пределы воображаемого, что масштабы коррупции здесь одни из самых высоких в стране и рост ее уже не сдерживается ресурсами населения, стало известно довольно давно, в том числе и из опросов, проведенных Левада-центром. Однако это мало отражалось на устойчивости безальтернативной и невыбираемой населением власти. Доверие к Лужкову российских граждан в сравнении с ведущими российскими политиками¹ держалось на приличном, хотя и не самом высоком уровне (оно ниже, чем его реальное влияние): в 2006–2008 гг. в среднем он имел от 9 до 7%, в 2009 – 6%, в 2010 – 3.6%. Он стабильно занимал 7-9 место по популярности, после В. Путина, Д. Медведева, С. Шойгу, Г. Зюганова, В. Жириновского, С. Иванова (среди москвичей уровень доверия Лужкову был значительно выше – 15-20%). Тем поразительнее было падение Ю.Лужкова при полном отсутствии сколько-нибудь явного протеста москвичей, никак не проявивших к экс-мэру какой-либо благодарности и сочувствия. То, что московские чиновники «сдадут» своего градоначальника мгновенно, как только под ним зашатается кресло, было ясно и не требовало каких-либо дополнительных разъяснений. Но то, что страна и жители Москвы никак не прореагировали на падение мэра, свидетельствует не просто о полном равнодушии к держателям власти, отчуждении от политики, высокой степени общественной апатии. Этот факт поднимает множество интересных вопросов о характере игры в «доверие» к первым лицам, «одобрении» власти, характеристиках ее легитимности и тем, что стоит за рейтингами политиков.

Согласно сентябрьским опросам Левада-центра (2010 г.), 66% опрошенных россиян разделяют мнение о коррумпированности московского мэра Ю. Лужкова (11% не верят этим

¹ Ответы на регулярно задаваемый в общероссийском ежемесячном опросе открытый вопрос о политиках, которым доверяют россияне.

обвинениям и у 23% опрошенных нет своего мнения на этот счет и они затрудняются ответить). Однако, допускали, что это может стать причиной его отставки всего 15% россиян. И для такого скептицизма были свои основания: как полагают ровно 50% респондентов, «воровства, злоупотреблений, коррупции» в московских органах власти не больше, но и не меньше, чем в федеральных структурах власти (33% полагают, что «больше» и 5% — что «меньше», остальные затруднились с ответом; октябрь 2010 г.). Иначе говоря, больше половины населения России считает, что власти на всех уровнях коррумпированы и в строгом смысле являются «нормальными» преступниками. В этом плане, массовая реакция на известия об отставке Лужкова, должна казаться вполне естественной. Ведь уже после показа нескольких компрометирующих мэра передач на главных российских каналах ТВ (предшествовавшую кампании публикацию доклада оппозиционных политиков Б. Немцова и В. Милова «Лужков. Итоги» власти оставили без внимания) президент должен был бы настаивать на расследовании фактов коррупции и злоупотреблений экс-мэра (так считали 63% опрошенных, хотя 24% россиян полагали, что его надо «оставить его в покое»). Но опять-таки подавляющее большинство (55%, сентябрьский опрос) не верило в то, что это произойдет, и что Лужков будет наказан в соответствии с законом, так как... «ворон ворону глаз не выклюет». Более того, как полагали 59% опрошенных, с приходом нового мэра Москвы злоупотреблений среди московских чиновников «не станет меньше» или что «все останется по-прежнему» (надеялись, что их «будет меньше» — 20%, а пессимисты считали, что «будет больше» — 5%).

Важно отметить при этом, что 52% россиян отнеслись к этим, казалось бы, сенсационным разоблачениям на телевидении без всякого интереса и, по их словам, «не обращали на это никакого внимания»; сообщение об отставке Лужкова с полным равнодушием и безучастностью встретили 37% опрошенных россиян. И дело

здесь не в только в том, что для большинства населения это — далекие от них «московские дела», но и в том, что общественное мнение (если в данном случае правильно употреблять такой термин) сводится к тому, что такого рода злоупотребления среди держателей власти в порядке вещей, что «тайна» о всеобщем казнокрадстве и коррупции властей — это «секрет Полишинеля». Общераспространенным оказывается представление, что такое поведение чиновников — норма.

Объяснение такого равнодушия россиян и москвичей к происшедшему перевороту власти в Москве коренится в глубоком убеждении людей в том, что общественный порядок основан на несправедливом, но неустранимом неравенстве возможностей: что «можно и чего нельзя человеку» зависит от его положения в иерархии власти — что «позволено Юпитеру, то не позволено быку». Здесь нет ничего от фатализма или веры в метафизическое зло или испорченность человеческой природы. Речь идет о вполне конкретном опыте существования в условиях тоталитарного общества, привычке уживаться с репрессивным государством, от которого нельзя увернуться, но которое можно обмануть и купить. Нельзя сказать, что принципы правового государства были бы совсем не известны или не понятны рядовому россиянину. Напротив, абсолютное большинство россиян считает необходимым достижение именно такого положения вещей, когда и президент РФ, и премьер-министр, и вице-президент Лукойла, и чиновник средней руки, и милиционер, обыватель равным образом отвечают пред законом в случае его нарушения. Но почти никто не верит, что это сегодня может быть реальностью. Подобное двоемыслие пронизывает все коллективное сознание российского общества, образуя довольно эластичную систему множественных оценок действий властей, внутренних переключателей и модальных «операторов» с уровня «должного» (как надо было бы) на уровень «так есть».

РОССИЙСКОЕ И ПОСТСОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО, ЕГО ИЗМЕНЕНИЯ

Людия Окольская

Ценности и нормы социологической профессии на сайтах факультетов и кафедр

Явились всюду чудеса,
Рубли раздув, как паруса,
И рыцарские голоса
Смехоподобны, как вериги.
Ю. Визбор. «Деньги»

Экстенсивное распространение социологической специальности в российском высшем образовании на рубеже XX–XXI вв. можно сравнить с распространением грамотности в первые годы советской власти. Социологические кафедры, как и пункты ликбеза, возникли во множестве и начали приобщать людей к новому способу мышления¹. В обоих случаях образовательные показатели взлетели вверх. Однако отсюда не следует, что обученные читать по складам и выводить слова в прописи автоматически стали интеллектуалами и обрели профессию.

В отличие от школ грамоты, снабженных мощным административным механизмом набора учеников, социологические факультеты и кафедры в 1990-е и 2000-е гг. должны были сами популяризовать специальность, не известную толком ни абитуриентам, ни их родителям. Школьный курс обществознания занимает второстепенное место в учебной программе и не дает представления о профессии социолога. Поэтому абитуриенты действительно нуждаются в информации о ней. Подростки могут сделать выбор и «втемную», но тогда он, скорее всего, будет продиктован не содержательными,

а инструментальными мотивами². В интересах преподавателей – совершить первый шаг к профессиональной социализации студентов уже на этапе их конкурсного отбора, ведь работа с заинтересованной в предмете аудиторией гораздо эффективнее и приятнее.

Развитие социологического образования в России совпало с распространением Интернета, подарившего вузам богатый ресурс для самопрезентации и общения с контингентом. Сегодня практически все вузы имеют собственные веб-сайты. В данной работе мы намерены установить, как ценности и нормы профессионального сообщества социологов отображаются в этом информационном поле.

Эмпирической базой нашего исследования стали веб-сайты российских вузов, перечисленные в открытом каталоге федерального портала «Российское образование» (www.edu.ru). Из этого каталога легко узнать, в каких вузах можно получить высшее образование по социологической (и любой другой) специальности³. Опираясь на данные портала, можно сделать количественные оценки приема студентов на

¹ К 1931 г. в СССР работало 2807 школ для взрослых. По данным официальной статистики, с 1922-го по 1931 г. обучение в школах грамоты прошли 38 млн человек – см.: *Костюхина М.С.* Учебники для взрослых: мир в картинках // Учебный текст в советской школе. Сб. ст. / Сост. С.Г. Леонтьева, К.А. Маслинский. СПб.; М.: Институт логики, когнитологии и развития личности, 2008. С. 180–215.

² Л.Д. Гудков и др. показывают, что в целом внутренние и внешние мотивы выбора вуза молодежью соотносятся как 1:1. См.: *Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Леонова А.С.* Образование в России: привлекательность, доступность, функции // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2004. № 1 (69). С. 35–55.

³ Редактор раздела «Абитуриент» в интернет-портале «Российское образование» В.В. Старов сообщил, что представленный каталог является наиболее полным из публикуемых в Интернете.

обучение социологическим специальностям¹ в 2009 г., а также собрать информацию о вузах и социологических подразделениях. Определим сначала масштаб высшего социологического образования в России.

Распространенность социологического образования в России. Информационная база портала «Российское образование» содержит данные о 113 государственных вузах России, имеющих аккредитацию на подготовку социологов. В сравнении с 6 вузами в 1989 г. это впечатляющее число. Генеральная совокупность вузов, по-видимому, еще больше — в частности, за счет негосударственных вузов. К 2008 г. количество выпускающих кафедр и факультетов социологии оценивалось, по одним данным, в 150 единиц², по другим — в 137³; правда, источники и методики расчетов не приводятся. За неимением других данных при расчете численности студентов будем пользоваться вышеприведенными оценками, а также усредненными показателями, вычисленными на основе нашей выборки.

Как и следовало ожидать, предложение социологического образования сосредоточено в Центральном федеральном округе России. Здесь оно на порядок разнообразнее, чем где бы то ни было в стране. Судя по нашей выборке, в Москве социологических факультетов и кафедр в два с лишним раза больше, чем в развитых в социологическом отношении округах — Приволжском, Сибирском и Северо-Западном. Тем не менее высшее образование по этой специальности сегодня можно получить практически во всех уголках России. По сути, выпуск социологов до сих пор не налажен лишь в некоторых кавказских и поволжских республиках, а также в отдаленных северных и северо-восточных округах.

Социология поселилась в классических университетах, но также и в педагогических, технических и даже в сугубо отраслевых вузах. Так, в нашу выборку попал рыбохозяйственный институт, университет железнодорожного транспорта и т. д. Как правило, в структуре спе-

циальностей образовательного учреждения социологии отводится скромное место: самостоятельные, крупные социологические факультеты работают лишь в немногих вузах. Само слово «социология» содержится в названиях менее трети выпускающих факультетов, причем в большинстве случаев оно соседствует с названием еще какой-нибудь социальной науки. Как правило, обучение локализовано в малых подразделениях — на кафедрах. Они входят в состав самых разных факультетов — гуманитарных, исторических, юридических, философских. Встречаются и экзотические варианты: в одном вузе выпускающую социологическую кафедру приютил факультет химии и проблем устойчивого развития, в другом — факультет естественнонаучной и гуманитарной подготовки. Имена многих кафедр тоже включают названия нескольких наук: культурологии, политологии, психологии, социальной антропологии, а также областей прикладного знания (например, социальной работы, PR). Тенденция к созданию многоголовых гибридов позволяет предположить, что администрация вузов готова пробовать новые направления в зависимости от спроса на них (и закрывать, если мода проходит). Однако эта черта выдает отсутствие сложившихся научных школ по социальным наукам в вузах.

В 2009/2010 учебном году на первый курс бакалавриата и специалитета по социологии (всех форм обучения) в среднем зачислялись 43 человека⁴. Если допустить, что число выпускающих вузов может доходить до 137–150 единиц, то количество социологов-первокурсников в 2009 г. составляет **от 6000 до 6500 человек** (при 137 и 150 выпускающих вузах соответственно). Из них половина поступила на платное обучение. Учитывая, что в современных вузах низок уровень отчисления за неуспеваемость, около 90% первокурсников суждено «дожить» до вручения диплома⁵. Можно предположить, что в последнее время рынок труда каждый год пополняют 5500–6000 человек с высшим социологическим образованием.

Что касается общей численности студентов-социологов, то в 2009 г. в вузе учились в среднем 180 человек⁶. Совокупная численность

¹ Имеются в виду две специальности: 1) «Социология», код ОКСО 040200, квалификация — бакалавр социологии, магистр социологии; 2) «Социология», код 040201, квалификация — социолог, преподаватель социологии.

² *Осадчая Г.И.* Заметки о социологическом образовании в России: рефлексия новых требований общества // Социологические исследования. 2009. № 2. С. 102.

³ *Буланова М.Б.* Социологическое образование в России (1960-е годы — настоящее время) // 2008. № 12. С. 14–24.

⁴ При средней стандартной ошибке = 3.

⁵ Например, если грубо сопоставить общую численность принятых в вузы студентов в 2002 г. с численностью специалистов, выпущенных через 5 лет, в 2007-м, получится, что вуз смогли закончить 90% студентов. Источник: Образование в России — 2008. Статистический бюллетень. М.: МГУПИ, 2009.

⁶ Средняя стандартная ошибка = 15.

студентов-социологов в России находится в диапазоне от 24 600 до 27 000 человек (при 137 и 150 выпускающих вузах соответственно). Примерно 40% студентов всех курсов оплачивают свое обучение, и это указывает если не на интерес к специальности, то на желание получить диплом социолога. Однако профессиональными социологами готовы стать лишь 4–5% молодых специалистов¹. Рассмотрим, в каких условиях формируется их профессиональная идентичность и какую программу социализации могут предложить им вузы.

Анализ обращений к абитуриентам на сайтах вузов. Приведенные выше названия социологических кафедр и их специфическое размещение в структуре вуза уже сами по себе дают эскиз социологического образования в России. Анализ текстов, в которых педагогические коллективы рассказывают о специальности, прорисовывает детали этой картины.

Одна из главных задач высшего образования – воспроизводство профессионального сообщества социологов. Этот процесс подразумевает не только усвоение специализированного знания и языка, но и интернализацию профессиональных ценностей и норм, уважение к авторитетам и ориентацию на определенные референтные группы². Понятно, что тексты на сайтах кафедр сами по себе не в состоянии решить задачу профессиональной социализации. Они могут лишь знакомить абитуриентов и студентов с профессией социолога. Однако по содержанию этих текстов можно судить о «программе социализации», которая реализуется на факультете. При изучении сайтов нас интересовало, что преподаватели могут рассказать о социологической профессии, а именно:

- что изучает социология, для чего она нужна, какие ценности поддерживает?
- каковы характеристики профессионального социолога, где работают социологи, какие нормы регулируют их профессиональную деятельность?

Поскольку наше исследование носило разведывательный характер, формализованный контент-анализ мы не проводили, огра-

ничившись отбором релевантных текстов и внимательным их прочтением. Мы обращали внимание на повторяющиеся высказывания, группировали их по смыслу и затем анализировали получившиеся смысловые группы³ – узловые точки образовательного дискурса.

Из 113 вузов, которые вошли в нашу выборку, 111 имели доступные для чтения веб-сайты. Во внутренней структуре сайтов обнаружили несколько мест размещения релевантной информации. Во-первых, это специальный раздел для абитуриентов, где часто публикуются списки специальностей с аннотациями. Во-вторых, страница социологического факультета или кафедры тоже могла быть источником данных по нашей теме. Обращения к абитуриентам были главным объектом поиска, но помимо них мы изучали и общую информацию о факультете или кафедре, о судьбе их выпускников. Изложим результаты анализа всех этих текстов.

Стили самопрезентации и обращений к абитуриентам. Во всем множестве презентаций социологических кафедр можно условно выделить три стиля. Самый распространенный из них походит на парадный портрет. Этот стиль характеризуется непрозрачным для аутсайдеров научно-бюрократическим языком, близким к языку права. Он активно использует профессиональную терминологию и ссылки на нормативные акты. Бюрократический стиль предполагает подробное перечисление достижений сотрудников факультета или кафедры: названия опубликованных работ, исследований, диссертаций, выигранных грантов. Фотографии студентов на таких сайтах публикуются редко. Отчеты о достижениях предназначены скорее для коллег по цеху и ревизоров, нежели для абитуриентов и родителей. Эти стилевые черты выполняют функцию рогов, закрывая тот мир, в который абитуриент только готовится войти. Ключевая информация, которую он может почерпнуть на сайте, касается экзаменов, т. е. правил входа в профессиональное сообщество, но не пребывания в нем.

Другой, менее распространенный стиль напоминает рекламный плакат. В нем используются идиомы и художественные образы российской рекламы: лаконичные фразы, восклицательные лозунги, профессионально выполненные фотографии. Социологические коллективы (или

¹ См.: Родовая травма российской социологии. Интервью с Воронковым В.М. / Интервью провела Демина Н.В. // Полит.ру. 08.05.2007 [online]. URL: <http://www.polit.ru/science/2007/05/08/voronkov.html> (дата обращения 27.09.2010); Константиновский Д.Л., Овсянников А.А., Лукровский Н.Е. Тенденции развития социологии и социологического образования в России // Мир России. 2005. № 1. С. 100.

² Greenwood E. Attributes of a profession // Social Work. 1957. Vol. 2. P. 45–55.

³ Одним из методологических образцов для качественного анализа послужило классическое исследование В. Проппа. См.: Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки / Сост., науч. ред., текст. комм. И.В. Пешкова. М.: Лабиринт, 2005.

скорее вузы), избравшие данный стиль, чаще предъявляют абитуриентам их сверстников в качестве ролевых моделей. Они уделяют много внимания студенческой жизни и праздникам, используют легкий, доступный для школьников и родителей язык. Этот открытый стиль указывает на клиентелистский подход к обучению. Образование представлено в нем как потребляемая услуга. Рекламный стиль больше характерен для молодых кафедр и вузов; вероятно, им часто пользуются негосударственные вузы, не попавшие в нашу выборку. В обращениях данного стиля барьеры входа в профессиональное сообщество приуменьшаются.

Третий вариант сочетает элементы первых двух стилей: довольно строгий, он использует профессиональную и бюрократическую терминологию в умеренных дозах, детально описывает образовательный процесс на социологическом отделении или факультете. По стилю и содержанию тексты данного типа адресуются молодежи, а не руководителям системы образования или заказчикам исследований. Данный тип уделяет значительное внимание профессиональной этике. Это стиль «общего дела», сотрудничества, приглашающий абитуриента войти в социологическое сообщество на определенных условиях и приоткрывающий перед ним кулису профессионального мира.

Основной предмет нашего интереса — рассуждения о поле трудовой деятельности социолога и ценностях профессии — встречается в текстах всех трех стилей, хотя, пожалуй, бюрократическому стилю они свойственны в меньшей степени. При этом развернутые (хотя бы на полстраницы) сообщения, за которыми угадывается стремление объяснить абитуриенту суть специальности и вызвать к ней интерес, опубликовала примерно половина вузов нашей выборки. Остальные лишь кратко коснулись данной темы: например, сообщили, что социологи обычно работают там-то и там-то. 15% кафедр вообще не сообщают молодежи каких-либо сведений о профессии.

С одной стороны, «скупость», закрытость некоторых педагогических коллективов можно интерпретировать как преднамеренный отказ от обсуждения профессиональных ценностей с неспециалистами. Это согласуется с утверждением У. Дж. Гуда о том, что профессиональные сообщества предпочитают «не выносить сор из избы», не афишировать корпоративные интересы и ценности¹. С другой стороны, мож-

но предположить, что преподаватели социологии затрудняются ответить на вопросы юношества потому, что не знают ответа или не могут его сформулировать. В этом случае «молчание» кафедр можно понимать как дисфункцию социологического сообщества.

В данной работе мы не занимаемся оценкой конкретных педагогических коллективов, а рассматриваем их во всей совокупности — как выборку анонимных «респондентов», которые все вместе и составляют профессиональное сообщество с его особым ценностным «духом».

Массовые установки по отношению к специальности и профессии социолога. Межпрофессиональный универсализм (тезис о широте). Представления педагогических коллективов о социологической специальности можно условно разделить на *массовые* и *редкие* смысловые группы. Они представляют кардинально разные установки по отношению к специальности; за ними стоят разные ценности. Логика дальнейших рассуждений состоит в противопоставлении этих двух групп и их сопоставлении с выделенными выше стилями.

Наиболее типичный, часто встречающийся элемент дискурса — тезис о *широте* социологического образования, о его универсальном характере. Этот тезис встречается в основном в обращениях, выполненных в рекламном и бюрократическом стиле. В текстах говорится, что учебная программа по социологии включает курсы по всем социальным наукам, благодаря чему выпускники смогут работать в самых разных сферах — в маркетинге, управлении персоналом, связях с общественностью, практической психологии и т. д. Преподаватели утверждают, что социологи могут легко переqualificироваться в «соседние» специальности, так как обладают базовыми знаниями по ним. Таким образом, палитра предъявляемых студентам-социологам жизненных — или, по Р. Мертону, — культурных целей оказывается очень богатой². Вот как принято писать об этом:

«Социолог обладает уникальным синтезом знаний, позволяющим найти себе применение почти в любой сфере, будь то политика, экономика, информатика, маркетинг, журналистика, PR, реклама, культура, туристический бизнес» (Пермский край);

«В рамках специализации “Экономическая социология” изучаются <дисциплины>, которые

¹ Goode W. J. Community within a community: the professions // American Sociological Review. 1957. Vol. XXII. P. 194–200.

² Merton R. K. Social structure and anomie // American Sociological Review. 1938. Vol. 3. No. 5. P. 672–682.

позволяют социологу занимать рабочее место не только социолога, но и маркетолога» (Свердловская область);

«Актуальность подготовки определяется высокой потребностью в данных профессионалах в социологических, кадровых, социальных и маркетинговых службах, а также возможностью быстрой переквалификации в смежные специальности: журналистика, маркетинг, логистика» (Самарская область);

«...Ведь выборы — это в значительной мере социология» (Приморский край).

Обращаясь к абитуриентам на сайтах, преподаватели дают понять, что сумма знаний и умений, полученных на социологическом факультете, — достаточное средство для достижения разных профессиональных и карьерных целей, для устройства взрослой жизни в целом. Это, несомненно, притягивает подростков, которые еще не решили, какой работе хотят себя посвятить. В этом случае обучение на социологическом отделении вуза становится «заготовкой» ресурсов для достижения пока еще неопределенных целей. Это удобный вариант психосоциального моратория¹, позволяющего молодежи примериться к работам разного рода, прежде чем остановиться на одной из них. Преподаватели заверяют молодежь, что гибкий подход не нанесет вреда их будущему (хотя, судя по текстам, осознают, что такая гибкость несколько противоречит формальной задаче факультета — воспроизводству профессионального сообщества):

«Абсолютное большинство выпускников, формально работающих не по специальности, не рассматривают сложившуюся ситуацию как проблемную и отмечают адекватность и пригодность знаний, полученных во время обучения по специальности, в своей профессиональной деятельности» (Ростовская область);

«Интересно, что за 13 лет существования факультета ни один студент не изъявил желания перевестись на другой факультет, сменить специальность» (Удмуртская Республика).

С позиции межпрофессионального универсализма социологическое образование является ресурсом для достижения разнообразных целей на рынке труда, и, получив диплом социолога, человек может двигаться куда угодно в зависи-

мости от своих интересов. С одной стороны, эта стратегия кажется предусмотрительной, поскольку позволяет адаптироваться к изменчивой ситуации на рынке труда. Кроме того, предложение социологических вакансий явно недостаточно для трудоустройства всех выпускников. Транслируя универсалистскую установку, преподаватели на первый взгляд готовят студентов к реальной жизни, что позволит им избежать разочарований после выпуска из вуза. С другой стороны, следует понимать, что универсалистская установка на «образование без профессии» еще на этапе вступительного отбора находит отклик среди абитуриентов, у которых инструментальная мотивация преобладает над содержательной, а профессиональные притязания невысоки. Поступив, эти молодые люди, скорее всего, будут слабо интересоваться специальностью и в дальнейшем оставят ее. Л.Д. Гудков и его коллеги утверждают, что внешняя мотивация в выборе вуза и специальности характерна для молодежи из семей с небольшим объемом культурного капитала². Таким образом, межпрофессиональный универсализм способствует негативному отбору контингента на социологических факультетах.

Мы считаем, что межпрофессиональный универсализм также девальвирует ценность социологической специальности и затрудняет постановку профессиональных и карьерных целей у студентов. Он обесценивает и промежуточную цель — учебу, которая в глазах молодежи теряет статус средства достижения успеха в профессии. С одной стороны, социологическое образование — это средство, заготовленное впрок, но с другой — оно может не подойти для тех целей, которые начинают привлекать студентов в ходе обучения в вузе. Молодые люди словно возвращаются в школьные времена, когда они точно знали, что большая часть учебной программы им не пригодится. Ощущение дежавю может переключить студентов на знакомую им роль школьника средних классов — более детскую, менее ответственную. Это, несомненно, сказывается на качестве образовательного процесса и квалификации выпускников. Я.И. Кузьминов утверждает, что около трети всех студентов российских вузов учатся лишь формально, социализируясь, но не получая профессиональных компетенций³. Мы видим, что в случае с социоло-

¹ Термин, введенный Э. Эриксоном и обозначающий институционально закрепленный интервал между подростковостью и взрослостью, позволяющий молодежи отложить выбор профессии и других ролей. См.: Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. Основные положения, исследования и применение / Пер. С. Меленевской и Д. Викторовой. СПб.: Питер Пресс, 1997. Гл. 5.

² Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Леонова А.С. Цит.соч. С. 50–52.

³ Кузьминов Я.И. Капитализация личности. Состояние и перспективы российских университетов // Пермский экономический форум. 2010. URL: <http://www.hse.ru/video/23462222.html> (дата обращения 24.10.2010).

логией эта социализация носит довольно специфический характер.

Таким образом, принимая позицию межпрофессионального универсализма, преподаватели не только не способствуют воспроизводству социологического «цеха», но и действуют в обратном направлении, снабжая молодыми кадрами другие сектора российской экономики.

Прагматизм. С вопросом о практической применимости социологического знания приходилось сталкиваться еще Макс Веберу столет назад¹. Общество продолжает задавать социологам этот вопрос и сегодня. Для большинства современных россиян чрезвычайно актуальны вопросы достижения богатства, власти и личного успеха², и образование рассматривается ими как средство получения высокооплачиваемой работы³. Поэтому, выбирая специальность при поступлении в вуз, абитуриенты и их родители в первую очередь оценивают ее экономическую привлекательность. Как мы показали выше, вузы удовлетворяют этот запрос, демонстрируя абитуриентам доступные профессиональные и карьерные цели. В большинстве изученных нами текстов обсуждение профессиональной идентичности социолога сводится к вопросу его востребованности на рынке труда. Наряду с универсалистской установкой прагматизм является одной из узловых точек массового образовательного дискурса.

Сегодня социологическим кафедрам значительно легче отвечать на прагматичные вопросы абитуриентов и их родителей, чем, например, двадцать лет назад. В 1989 г. в России работало всего 6 социологических факультетов и отделений, и социологи были «штучными», редкими и в глазах широкой публики «странными» специалистами. Массовизация специальности была встречена людьми недоуменно: социологию постоянно путали с социальной работой, статистикой, философией и даже сексологией⁴.

¹ Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 707–735.

² Магун В.С., Руднев М.Г. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2008. № 1 (93). С. 33–58.

³ Петренко Е.С., Галицкая Е.Г., Шмерлина И.А. Ценность высшего образования. Мнения представителей семей, в которых есть дети, о важности высшего образования. Опрос фонда «Общественное мнение» // Вопросы образования. 2010. № 2. С. 192.

⁴ Об этой путанице свидетельствует и наш собственный опыт, и высказывания социологов на форумах и в интервью. См., напр.: Лаутова Л.А. Профессия в вопросах и ответах: Социология // Портал «Экономика. Социология. Менеджмент». 2010. URL: <http://www.ecsocman.edu.ru/text/33309477.html> (дата обращения 13.10.2010).

Кроме того, социология несла на себе стигму схоластичности, которая, вероятно, передавалась ей от близкой соседки, философии, и усилилась из-за массового перехода теоретиков марксизма-ленинизма в социологию во время реформ. Эта стигма травмировала профессиональную идентичность социологов. Долгое время вопрос о применении социологического знания был болезненным как для преподавателей, так и для студентов. В текстах обращений на сайтах обнаруживаются защитные реакции профессионального сообщества, стремление избавиться от стигмы.

Основной способ защиты от нападений прагматиков – это акцент на прикладном характере учебной программы по социологии. Крылатая фраза декана одного из столичных социологических факультетов: «Мы готовим не ученых, которые будут сидеть в кабинетах и рассуждать о превратностях бытия», – тиражируется на сайтах региональных вузов. Эти слова выражают желание отмежеваться от стиля социологических доктрин – близкого к метафизике дискурса, о котором Г.С. Батыгин писал, что он сосредоточен на «последних истинах бытия», абстрактных мыслительных построениях и пророчествах⁵. В описании специальности принадлежность к иному стилю подчеркивается при помощи таких эпитетов, как «реальный», «конкретный», «практический», «актуальный». Прагматический подход к образованию выдают и следующие высказывания:

«Вам дадут базовое академическое образование и одновременно – ремесло, т. е. навыки практического исследователя» (Томская область);

«В тематике выпускных квалификационных работ учтены реальные потребности государственных организаций и промышленных предприятий г. Курска и области» (Курская область);

«Студенты должны освоить и осуществить все операции конкретного эмпирического социологического исследования на базе участия в реальном, практическом социологическом исследовании» (Нижегородская область).

Спустя некоторое время после начала массового выпуска дипломированных социологов в обществе накопилось знание об их типичных трудовых траекториях. Тогда преподаватели получили на руки еще один козырь, которым можно отбивать выпады прагматиков. Сегодня на витринах социологических факультетов

⁵ Батыгин Г.С. Три типа социологического дискурса: исторический очерк // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1. № 2. С. 245–263.

выставляются судьбы благополучных выпускников в качестве ролевых моделей (и жизненных целей). На видном месте обычно красуются имена самых успешных людей, ставших директорами каких-нибудь совсем не исследовательских компаний. Для молодежи это несомненный вызов — высокая планка притязаний, до которой престижно дотянуться, даже жертвуя специальностью. (Следовательно, преподаватели тоже оценивают вертикальную мобильность в общей системе стратификации выше достижений внутри профессионального сообщества.) Однако примеры выдающегося успеха, демонстрируемые на сайтах, единичны; в основном выпускники занимают более скромные должности руководителей отделов и рядовых специалистов в области маркетинга, рекламы, управления персоналом и т. д. Некоторые преподают в вузах, другие работают в муниципалитетах, еще не совершив значительного карьерного роста. Социологическая специальность встраивается в общую для российского образования тенденцию, отмеченную Л.Д. Гудковым и его коллегами: она рассматривается как гарантия пусть не очень высокого, но стабильно оплачиваемого социального статуса¹. Вот типичные варианты приложения социологического образования:

«Профессиональная карьера наших выпускников складывается достаточно успешно. Среди выпускников специальности “Социология” многие работают в сферах образования, политики, маркетинга, рекламы, PR в различных коммерческих компаниях и государственных учреждениях г. Новокузнецка и других городов» (Кемеровская область);

«Выпускники отделения успешно работают в системе образования; в научно-исследовательских учреждениях; в бизнес-структурах (консультанты); в представительных органах государственной власти; в административных структурах и правоохранительных органах» (Магаданская область);

«Уважаемые абитуриенты, если Вы хотите ... без проблем выстраивать деловые и коммерческие контакты в сфере бизнеса, ... у Вас есть уникальная возможность пройти обучение на кафедре социологии». (Москва).

Из приведенных цитат видно, что в общественном мнении и в образовательном дискурсе сделана нормативная маркировка некоторых видов трудовой деятельности как «достойных»

точек приложения социологического образования².

Надо заметить, что на сайтах вузов рассказывается не только о занятости выпускников «в коммерческих структурах», но и о молодых ученых и преподавателях. Публикуются названия исследовательских проектов и научных работ сотрудников факультета или кафедры, в том числе аспирантов и молодых кандидатов наук. Эти фигуры должны служить ролевыми моделями для тех студентов, которые действительно собираются заниматься социологией после окончания вуза. Ссылки на интеллектуальные результаты устанавливают планку достижений, к каким, по идее, должна стремиться молодежь.

Тем не менее утилитаризм пронизывает и этот фрагмент дискурса. Из названий многих публикаций и особенно исследований видно, что это коммерческие проекты, мотивированные скорее спросом со стороны заказчика, чем научным интересом. «Социологическим» может называться даже исследование рынка мебели (хотя это скорее исключение, чем правило). Некоторые кафедры рекламируют себя в качестве субподрядчиков на рынке аналитических услуг, причем в единичных случаях эта их роль изображена на сайте более выпукло, чем образовательная. Упоминание грантов, которые удалось выиграть сотрудникам кафедры, подсказывает читателям, что деятельность профессиональных социологов тоже конвертируется в денежные знаки, как и любая другая работа.

В целом обращения к абитуриентам подтверждают, что доходы у социологов не хуже, чем у других людей, т. е. достигают среднего регионального уровня. Интересно, что преподаватели иногда приукрашивают экономические возможности выпускников-социологов, оценивая специальность как одну из самых популярных и высокодоходных:

«Данная специальность является одной из наиболее востребованных и высокооплачиваемых» (Москва);

«Получив социологическое образование, Вы обретете прекрасный шанс устроить свою профессиональную жизнь. Социологи входят в пятерку

¹ Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Леонова А.С. Цит. соч. С. 35–55.

² Существуют представления и о неудачных вариантах трудоустройства, но о них не принято писать на сайтах вузов. Мы встречали такие «антимодели» на социологических интернет-форумах, где студенты и выпускники соцфаков обсуждали сферы применения социологического образования. Например, работа менеджера по продажам, администратора в детском клубе оценивалась как неудачный вариант трудоустройства. К работе интервьюера молодые специалисты относятся негативно, но допускают такую занятость в качестве временной практики для овладения профессией.

наиболее востребованных специалистов на рынке труда, как в зарубежных, так и в ведущих российских компаниях» (Москва);

«Подавляющее большинство выпускников работают по специальности, а их заработная плата в течение 1-го года по завершении обучения составляет 20–50 тыс. рублей» (Москва).

Таким образом, несмотря на то, что выпускники в основном занимают скромные или средние позиции в организациях и учреждениях, социологическая специальность иногда изображается на сайтах чуть ли не синекурой. Здесь кроется интересный нормативный нюанс. Приподнимая доходы выпускников-социологов в глазах абитуриентов, педагогические коллективы следуют нормам, предписывающим человеку иметь высокий уровень запросов. В исследовании жизненных притязаний старшеклассников В.С. Магун и М.В. Энгватов зафиксировали, что такие нормы сформировались в России еще в 1990-е гг.¹ По-видимому, для успешной демонстрации специальности кафедрам необходимо задать не только нижнюю (реалистичную), но и верхнюю («звездную») планку достижений; в противном случае специальность будет восприниматься как удел неудачников. Поэтому преподаватели считают нужным хотя бы намекнуть на возможность красивой жизни после выпуска из вуза.

Принцип удовольствия. Мы установили, что интернет-страницы социологических кафедр выполняют функцию витрин, на которых выставлен широкий ассортимент профессиональных и карьерных целей. По наблюдению Ю.А. Левады, культуре свойственно скрывать за «витриной» свою «фабрику», не обсуждая, какой ценой достаются привлекательные цели, чем нужно пожертвовать, чтобы достичь успеха². В нашем случае роль «фабрики» играют описания учебных курсов и требований к ним. Иногда они бывают довольно подробными. Однако в большинстве случаев кафедры ограничиваются лишь перечнем дисциплин, который сам по себе не проясняет объем усилий, необходимых для превращения в квалифицированного социолога. Таким образом, «фабрика» социологических карьер преимущественно остается в тени. Ее маскировка особенно характерна для

¹ Магун В.С., Энгватов М.В. Динамика притязаний и изменение ресурсных стратегий молодежи (1985–2005 годы) // Отечественные записки. 2006. № 3. С. 76–96.

² Левада Ю.А. «Человек ограниченный»: уровни и рамки притязаний // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2000. № 4. С. 12.

обращений в рекламном стиле, следующих принципу удовольствия³. Они в основном подчеркивают радость от процесса обучения на факультете и общения с однокурсниками. В этих случаях поговорка о горьком корне учения уступает место своему антониму в буквальном смысле слова. На сайте одной социологической кафедры мы нашли описание ежегодного праздника-ритуала, где студенты-социологи сообща съедают красивый торт в форме книги. Сладкий символ учебы является одним из атрибутов массового образования.

Сами студенты предлагают еще одну любопытную метафору образовательного процесса – компьютерную игру. На странице факультета социологии и социальной работы одного из региональных вузов мы обнаружили любительский видеоролик, в котором показано продвижение студента-персонажа по уровням игры, символизирующей учебу в вузе. Выполняя незатейливые комичные трюки, молодой человек движется к финальной цели – получению диплома. Его успехи и неудачи маркируются звуковыми сигналами, типичными для компьютерной игры. Чтение учебников, корпение над задачами и вообще какие-либо интеллектуальные усилия, даже символические, в этом процессе не показаны. Например, во время семинара студент спит на парте и атакуется рассерженным преподавателем, но это не снижает его шансов на победу. К поражению в игре может привести лишь нарушение формального вузовского распорядка – столкновение с деканом в коридоре во время занятий. (Впрочем, игру всегда можно начать заново.) Юноша успешно справляется с большинством задач, и в заключительном кадре декан пожимает ему руку со словами: «Ну, <имярек>, несмотря ни на что, вы все-таки заслужили диплом».

Данный эпизод свидетельствует, что студенческий опыт по взаимодействию с системой образования обобщен в виде правил и передается младшему поколению. Главное правило гласит: взрослые заинтересованы в том, чтобы пропустить молодежь через всю систему высшего образования, и потому склонны предоставлять ей «скидки» при аттестации. Зная это, молодежь ожидает от преподавателей снисходительного отношения. Д.Л. Константиновский, А.А. Овсянников и Н.Е. Покровский обращают внимание на эти студенческие ожидания

³ По З. Фрейду, ориентация, при которой требуется немедленное удовлетворение всех желаний и потребностей, невзирая на требования или ограничения действительности. См.: Хьелл Л., Зиглер Д. Цит. соч. Гл. 3.

в статье о тенденциях развития социологического образования¹. Исследователи считают, что студенчеству свойственно стремление к «красивой жизни» и отстраненность от политических и социальных проблем. Заметим, что такая установка характерна для дискурса глянцевого журналов — к которому студенты, несомненно, приобщены. Согласно нашим исследованиям, данный анклав коллективного знания предъясняет читателям тезис, что ценность любого человека рано или поздно становится очевидной обществу и вознаграждается им, особенно если человек предпринимает хоть что-нибудь для раскрытия своих талантов². Заимствуя нормы рекламного языка и «глянцевого» дискурса, высшее образование укрепляет в студентах такое представление о жизни.

Инженеризм. По мнению У. Дж. Гуда, каждая профессия должна управлять особым типом общественных отношений — болезнью или смертью, свободой или собственностью, проблемой зла и войной, строительством и производством³. Общество должно понимать, чем занимается группа профессионалов; лишь тогда эта группа может рассчитывать на привилегии и вознаграждения. В России общественное мнение о том, каким сегментом управляет социология, находится еще в стадии формирования. Оно успело выработать некоторые стереотипы — например, что социолог — это «человек с анкетой». Понимание россиянами того, что делает этот человек и зачем это нужно, определяет статус социологии как науки и профессии.

На основе накопленного за последние десятилетия опыта социологические кафедры формулируют ответ, вполне понятный широкой публике: социология нужна, чтобы управлять обществом в целом и отдельными его группами. Этот ответ претендует на высокую общественную и государственную значимость социологии. Чаще всего он встречается на сайтах с бюрократическим языком. В обращениях к молодежи говорится, что социологи предотвращают принятие неоправданных решений, повышают уровень эффективности менеджмента и конкурентоспособности предприятия или даже страны. Социологическое сопровождение управления предъясняется как инновация:

¹ Константиновский Д.Л., Овсянников А.А., Покровский Н.Е. Цит. соч. С. 89–119.

² Об этом см. нашу статью: Окольская Л.А., Комогорцева М.В. Жизненные проекты и правила для девушек в российских глянцевого журналов // Социологический журнал. 2010. № 2. С. 68–91.

³ Goode W.J. Op.cit. P. 194–200.

«Обучение по специальности “Социология” определяется растущей потребностью общества в квалифицированном управлении сложными социальными процессами, структурами и системами» (Пермский край);

«В условиях демократии и рынка выработка успешных управленческих решений невозможна без достоверной информации о характере социальных действий людей и формирующих их факторах» (Орловская область).

Данная смысловая группа конструирует собственно профессиональную идентичность социолога в массовом дискурсе (в отличие от идентичности «специалистов широкого профиля»). Она состоит из нескольких элементов. Прежде всего, для конструирования идентичности используется метафора **инженера**, имеющая глубокие исторические корни. Г.С. Батыгин и И.Ф. Девятко в статье «Социология и власть» указывают, что в 1920-е гг. советская социология развивалась благодаря идеалам технической рациональности, широко распространенным в кругах приближенной к власти интеллигенции⁴. Эти идеалы продолжают воспроизводиться, и не случайно ими оперирует именно бюрократический стиль самопрезентации, в наибольшей степени сохраняющий преемственность с советской социальной мыслью. Согласно этим идеалам, социолог выступает в роли инженера, способного отладить человеческий коллектив наподобие часового механизма. В описаниях навыков, которые должен приобрести молодой специалист, часто встречается понятие «моделирования социальных процессов» (иногда — математическое моделирование, прогнозирование и даже программирование). Какой именно продукт работы студента-социолога под этим подразумевается, не совсем ясно. Тем не менее данный термин указывает на существование нормы технико-рационального склада мышления у профессионального социолога. «Моделирование» служит реквизитом роли социального инженера, наподобие циркуля и линейки. Способность социолога к какому-либо моделированию является средством для участия в разработке социальной политики — желанной цели для данного сегмента массового дискурса.

Инженерная установка содержит еще одну презумпцию — занятость на крупном промышленном предприятии. Наличие социологической службы в административном аппарате

⁴ Батыгин Г.С., Девятко И.Ф. Социология и власть: эпизоды советской истории // Тоталитаризм и посттоталитаризм (Статьи и подготовительные материалы). Кн. 2. М.: ИС РАН, 1994. С. 174–201.

какой-либо организации оценивается как элемент прогрессивного и новаторского мышления, а ее отсутствие — как отсталость и залог неуспеха:

«Многие организации и коммерческие структуры начинают осознавать необходимость социальных исследований для успешной деятельности и выживания в условиях конкуренции, а также более эффективного управления» (Удмуртская республика);

«Практически каждая организация, фирма, завод повысит уровень результативности своей работы, если будет иметь социологическую службу, аналитический отдел или социолога, включенного в другие службы» (Курская область);

«Те организации и страны, которые принимают важные решения наобум, без соответствующего изучения, автоматически пополняют число аутсайдеров» (Новосибирская область).

Таким образом, из представления о социологии как о науке для управления следует вхождение социологов во властные структуры — в качестве *помощников* или *консультантов*. На сайтах факультетов и кафедр говорится об участии социологов в разработке социальной политики, причем с использованием инженерного подхода. Подчеркивается, что такой помощник очень полезен для менеджмента:

«Уже сегодня становится все более и более понятным, что ни одна властная структура не может качественно исполнять управленческие функции без опоры на социологические службы, конечно, при условии, что сама работа последних построена на научной основе» (Свердловская область);

«Растет потребность общества в специалистах в области социальной политики, как социологах-исследователях, так и социологах — социальных технологах (социальная сфера — объект социальной политики)» (Самарская область);

«Социологическое образование связано с овладением практическими навыками социальной инженерии» (Волгоградская область).

Рассказывая абитуриентам о трудоустройстве выпускников, администрация кафедр практически всегда упоминает органы муниципальной и региональной власти, иногда подчеркивая, что социологи занимают в них руководящие позиции. Некоторые кафедры специально сообщают, что их работа направлена на производство кадров для молодежной политики региона, что студенты-социологи проходят практику в администрации территориального подразделения. Из обращений к абитуриентам

видно, что между социологическими кафедрами вузов и органами местной власти налажены солидарные отношения и сотрудничество. Таким образом, трудоустройство в государственные структуры является одной из целей, выставленных на витринах соцфактов, и эта цель должна вполне удовлетворять прагматичные запросы студентов. Установка на межпрофессиональный универсализм тоже соответствует роли помощника-консультанта, которому могут поручать не только исследования, но и другие задачи. Однако если прагматизм и универсализм, как мы установили выше, сами по себе не работают на воспроизводство профессионального сообщества социологов, то инженеризм, несомненно, выполняет эту функцию. Допустимо предположить, что те немногие молодые специалисты, которые социализировались в массовом дискурсе и решили работать социологами после окончания вуза, являются носителями именно инженерно-управленческой профессиональной идентичности и разделяют связанные с ней ценности.

Альтернативные установки по отношению к специальности и профессии социолога. Внутри-профессиональный универсализм. В общем хоре социологических кафедр различимы и другие голоса, в которые, мы считаем, важно вслушаться. Они в значительно большей степени ориентированы на профессиональную социализацию молодежи и на то, чтобы выпустить именно социологов, а не кого-то еще. Мы выделили несколько узловых точек альтернативного дискурса, вокруг которых группируется небольшое число кафедр — как столичных, так и региональных. Одна из этих точек — интерпретация структуры учебной программы по специальности.

Распространенное представление о социологическом образовании состоит в том, что оно дает универсальный набор знаний, владелец которых становится специалистом «широкого профиля» и может гибко подстраиваться под требования рынка труда. Однако у «тезиса о широте» существует и другая трактовка. Она иначе объясняет включение в учебную программу по социологической специальности ряда смежных дисциплин. Согласно немассовой трактовке, социологическое познание опирается на достижения других наук о человеке и невозможно без базовой компетентности в этих науках. Квалифицированным социологам необходимо располагать значительной суммой знаний из истории, экономики, психологии и других об-

ластей. Выпускники соцфаков должны быть математически грамотны, уметь работать со статистическими пакетами для обработки данных и обладать рядом социальных компетенций. Социологическое образование представляет собой синтез гуманитарного знания и методов точных наук; профессиональным идеалом является человек, освоивший оба этих направления — но не для легкого перехода в другую сферу, а для квалифицированного решения своих, социологических задач. Этот идеал внутрипрофессионального универсализма вполне ясно формулируется на страницах вузовских сайтов:

«Для научного изучения общества необходимо уникальное сочетание гуманитарных и математических знаний» (Москва);

«Студентам-социологам стараются дать разносторонние знания о жизни общества. Студенты знакомятся с разными научными школами, осваивают методы подготовки и проведения социопросов, анализа полученной информации, учатся работать с базами данных, электронными таблицами, статистическими пакетами» (Ульяновская область);

«Мы увидим, что его (социолога. — Прим. Л.О.) работа весьма разнообразна и требует очень разных навыков. Что прежде всего отличает социолога от всех остальных — это определенный стиль мышления» (Санкт-Петербург; скопировано в Липецкой области, Приморском крае).

Внутрипрофессиональный универсализм, несомненно, работает на воспроизводство сообщества социологов. Такой подход предлагает студентам цель — стать квалифицированными социологами — и разворачивает ее на конкретные задачи: изучить социальную теорию, освоить основы статистики и т. д. Его презумпция — студенты смогут найти работу по специальности, и эта работа многого от них потребует. Принципиальное отличие данного подхода от принципа «широкого профиля» — в нормативизме. Если межпрофессиональная установка предлагает студентам неопределенные цели (жизненное благополучие как таковое), то внутрипрофессиональная установка ставит конкретную цель и, как будет показано далее, дисциплинирует в соответствии с этой целью. Сладкий образ учебы здесь был бы неуместен.

Рефлексивная и терапевтическая установки.

Массовый дискурс объясняет, что социология нужна для эффективного управления обществом и используется прежде всего государственными институтами. Немассовый дискурс также не обходит стороной тему управления, одна-

ко представляет ее иначе. Преподавательское меньшинство полагает, что социология есть социальная рефлексия, которая распространяется на широкие слои общества, а не только на управленцев, и исподволь изменяет поведение людей. Эта точка зрения близка к мнению Макса Вебера о том, что социальная наука главным образом содействует людям в обретении ясности, выявляет связь между мировоззрением и практическими установками людей, а также их следствиями¹. На сайтах говорится, что социологическое знание позволяет увязать между собой частные элементы социальной жизни, что не всегда можно сделать на основе одного лишь здравого смысла. Социология диагностирует состояние общества и предугадывает дальнейшие направления его развития. Таким образом, преподавательское меньшинство считает, что главный мотив деятельности социолога — принесение пользы обществу, самоотдача ради общественного блага. В современной России этот «рыцарский» мотив довольно редок². Как мы видим, даже в специализированном сообществе его поддерживает меньшинство членов. Преподаватели формулируют эту позицию следующим образом:

«По мере того как наше общество взрослеет и все больше задумывается о самом себе, профессия социолога становится все более востребованной» (Санкт-Петербург; скопировано в Липецкой области и Приморском крае);

«На плечах социолога лежит непростая, но чрезвычайно важная задача — быть зеркалом общества, уметь предсказать реакцию на действия политических, экономических деятелей, привлечь внимание людей к общим проблемам, апеллируя неопровержимыми данными, полученными опытным путем» (Москва);

«Работу социолога можно образно сравнить с составлением puzzle, когда, собрав воедино тысячу разрозненных кусочков, мы выявляем целостное видение того, что было разрозненно» (Новосибирская область).

Сравнение социологии с **зеркалом** заставляет вспомнить фламандского фольклорного героя Уленшпигеля³. Установив свое «социальное зеркало» на ярмарке, он предлагал прохожим распознать их социальный тип и дать ему аллегорическое толкование — обычно в сопровождении безжалостной критики в адрес как типа, так и его конкретного носителя. В отличие от

¹ Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. С. 707–735.

² Магун В. С. Руднев М. Г. Цит. соч. С. 33–58.

³ Костер Ш. де. Легенда об Уленшпигеле. М.: Правда, 1983. С. 47–48.

Уленшпигеля, социологи не относятся к своему предмету столь жестоко. Педагогические коллективы, имеющие альтернативный взгляд на профессию, считают, что социологические открытия могут быть катализатором модернизации, могут обратить внимание общества на важные проблемы с тем, чтобы люди сами выработали пути их решения. Г.С. Батыгин замечает, что такая позиция типична для дискурса социальных обследований. Анализируя данный стиль, он не упоминает метафору зеркала, но приводит сходный вариант: понимание роли социолога как высококомпетентного репортера, который вызывает общественный резонанс своими открытиями¹. Вот пример такой точки зрения в обращениях к абитуриентам:

«Переход к демографическому развитию невозможен без обретения россиянами новой психологии, связанной с само- и взаимопомощью. Необходимы живые, творческие поиски самими людьми новых “моделей своей жизни”» (Самарская область).

На сайтах кафедр изредка встречается и другая метафора — роль **социального врача**, которая подразумевает терпимость и сочувствие по отношению к «пациенту», но при этом — переход от диагностики к терапии. Один из вариантов обнаруженной в текстах реформистской идентичности принадлежит студенту, которого еще нельзя считать профессиональным социологом. Тем не менее решение кафедры опубликовать его попытку профессиональной самоидентификации свидетельствует о желании транслировать студентам сходный взгляд на специальность. Приведем данное высказывание целиком:

«Все-таки, кто ты, социолог? Это вопрос к себе. Каждый из нас и строитель, и художник, кто-то нас называет хирургом. Но когда социолог задумывается о том, кто же он, в голову приходит, как бы это пафосно и даже странно ни звучало, фраза из “Мастера и Маргариты”: “Для того, чтобы управлять, нужно, как-никак, иметь точный план на некоторый... срок”. Вот социолог и помогает составить этот план как можно точнее и реалистичнее, чтобы Вам было завтра где жить, как жить, а главное — быть!» (Алтайский край).

Если массовая установка транслирует в основном технико-рациональный взгляд на общество, то меньшинство, отнюдь не отказываясь от рациональности, придерживается скорее романтической позиции. Для него общество

остается своего рода волшебным, бесконечно сложным и увлекательным предметом. Социология, которая все-таки позволяет приподнять скрывающий его подлинное устройство занавес, приобретает статус особого, более высокого знания. Она утверждает свое превосходство по отношению к другим наукам о человеке:

«Изучая процессы в обществе, социолог свяжет в своем анализе экономику и культуру, политику и искусство, право и бизнес. Ни экономист, ни юрист, ни психолог не раскроют тайн социального взаимодействия. Это может сделать только социолог!» (Астраханская область);

«Методы и инструментарий <социологии> берут на вооружение другие науки об обществе: экономика, право. Среди них социология начинает играть примерно ту же роль, которую выполняет математика в естественных науках» (Новосибирская область);

«Несколько лет назад “Нью-Йорк таймс” написала в передовице, что на смену экономике, которая была царицей общественных наук в прошлом веке, в XXI в. приходит социология» (Москва);

«Социология... нередко указывает другим наукам на границы их возможностей, призывая их вернуться к реальности и умерить свои неоправданные амбиции» (Санкт-Петербург).

За данными установками стоит не утилитарный интерес к профессии, но содержательная мотивация: увлеченность предметом, гордость своим особым знанием и даже ощущение элитарности. В основном они высказываются в стиле делового сотрудничества, но также встречаются и в рекламном стиле, что не вполне укладывается в нашу классификацию — ведь рекламный стиль в основном воспроизводит ценности массового дискурса. Это можно объяснить стремлением кафедр, разделяющих рекламный стиль, облечь в красивую упаковку не только студенческую жизнь (что, как мы писали выше, достигается за счет рассказов о факультетских праздниках и т. д.), но и учебную программу.

Как бы там ни было, данная позиция подразумевает значительно более высокие требования к содержанию труда, не сводящиеся к тому, чтобы устроиться на работу «около специальности» и получать небольшой гарантированный доход. Заинтересованное отношение к работе, высокие интеллектуальные притязания характерны для студентов, происходящих из семей с высоким культурным капиталом². Кафедры,

¹ Батыгин Г.С. Цит. соч. С. 245–263.

² Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Леонова А.С. Цит. соч. С. 50–52.

которые уделяют внимание профессиональной социализации, по всей видимости, ориентируются на таких студентов, которые имеют больше шансов остаться в профессиональном цехе после выпуска из вуза. В данном случае оправдывается предположение Т. Веблена о том, что образование в области гуманитарных наук предпочитают высокоресурсные слои общества¹. Такая победоносная идентичность социологов может возникать либо на почве идеализма, либо от ощущения роста общественного внимания к социологической науке.

Корпоративный нормативизм. Выше мы уже упоминали, что массовый образовательный дискурс – в том сегменте, который мы изучаем, – практически не предъявляет студентам нормативных ограничений. Немассовый дискурс, напротив, уделяет внимание нормативной регуляции профессиональной деятельности. На сайтах некоторых факультетов и кафедр можно найти нормы, касающиеся профессионального и даже гражданского поведения социолога. Если массовый дискурс практически ни в чем не стесняет молодого специалиста, то немассовый стремится нагрузить его обязательствами. Обращения к абитуриенту, в которых содержатся профессиональные нормы, чаще всего написаны в соратническом (а не бюрократическом или рекламном) стиле.

Согласно немассовой установке, важнейшей профессиональной нормой для социолога является *честность*. Роль субподрядчика и исполнителя, которую обычно приходится играть социологу, нередко вступает в конфликт с этой нормой, и исследователю нужно выбирать между желанием угодить заказчику и стремлением дать адекватную оценку изучаемому явлению. Социолог должен сохранять *независимость* суждений, *беспристрастность* и *непредвзятость* даже в ситуации финансовой и корпоративной зависимости и уметь отстаивать свое мнение публично. Эти нормы утверждаются в «Кодексе социолога», разработанном в одном из академических институтов в 1991 г. и найденном нами на сайте социологической кафедры в Тюменской области. Сходные нормы постулируются и в «Клятве социолога», вывешенной на сайте одного из столичных социологических факультетов:

«Что бы при исследовании – а также в жизни – я ни увидел или ни услышал касательно жизни людской, я буду отстаивать свои взгляды, идеи

и концепции, невзирая на конъюнктуру и авторитеты, вступить в спор с общепринятыми взглядами на то или иное явление общественной жизни, с авторитетами в науке» (Москва).

В «Клятве социолога» говорится о том, что социолог должен стремиться установить истину и отвечать за достоверность полученного результата. Профессиональной обязанностью считается изучение общественно значимых проблем даже при отсутствии коммерческого заказа на такие исследования. Социолог должен быть готов к тому, что общество, увидев свое нелюбимое отражение, будет пенять именно зеркалу, а не самому себе. Для этого ему требуется быть *смелым и целеустремленным*:

«...Но есть еще третий вид исследований – академические, у которых нет сиюминутного заказчика. Например, непредвзятое исследование мафии не решится вам оплатить ни бизнес-структуры, ни государственные органы, ни тем более сама мафия. Им всем есть чего бояться: могут вскрыться и детали преступлений, и связь бизнесменов с мафиози, и неэффективность работы госструктур. Но общественности знать о таких вещах полезно. ... Такая работа требует от социолога определенного гражданского мужества» (Санкт-Петербург);

«Не менее важно для современных массовых обществ наличие развитого критического мышления, способного разоблачать опасные социальные мифы и затруднять манипулирование массовым сознанием. <Социолог> предлагает ... способы борьбы со злоупотреблениями властью – политической, экономической, информационной и др.» (Санкт-Петербург).

В обращениях к абитуриентам встречается норма *критицизма*. Она предписывает социологам сохранять статус независимых экспертов. Согласно типологии Г.С. Батыгина, часть этих норм относится к дискурсу социальных обследований (гражданский активизм, мужество), часть – к дискурсу социологических исследований (стремление к достоверности, непредвзятость, бескорыстие). Так или иначе, эти нормы являются признаком действующего профессионального сообщества и условием его воспроизводства. Цитирование региональными социологами норм и этических кодексов, разработанных коллегами, указывает на то, что преподаватели чувствуют потребность в профессиональной социализации студентов и ищут культурные эталоны, которые можно было бы им предъявить.

Помимо «высоких» ценностей и норм, характеризующих общественную позицию социоло-

¹ Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. Гл. XIV.

лога, в обращениях к абитуриентам встречаются, так сказать, «малые» нормы, регулирующие повседневную деятельность специалиста. Они не затрагивают отношений с властью и не рассматривают социологию в глобальном контексте, а скорее предписывают, как исследователь должен взаимодействовать с респондентами и заказчиками, а также акцентируют моральные качества, отличающие хорошего социолога — *инициатива, терпение, ответственность*. «Малые» нормы встречаются в основном на сайтах региональных вузов:

«Инициатива — это качество, которое ценится среди социологов» (Омская область);

«<Социолог> должен буквально излучать обаяние, отличаться коммуникабельностью, иметь аналитический склад ума, а главное — проявлять сочувствие к проблемам людей, уметь слушать и понимать их» (Новосибирская область);

«В профессии социолога очень важны усидчивость и терпение, но не менее важно уметь анализировать и брать на себя ответственность за принятые решения» (Ростовская область).

Получается, что альтернативный дискурс четко обрисовывает моральный портрет социолога, регламентирует его поведение в разных секторах профессиональной деятельности. При этом вознаграждения, которые описаны в текстах, в основном носят моральный, а не материальный характер, как-то: интересное содержание труда, высокая общественная значимость работы, принесение пользы обществу. По-видимому, альтернативному дискурсу присуща вера в справедливый мир — феномен, описанный американским психологом М. Лернером¹ — и это позволяет людям рассчитывать на устройство своей материальной жизни, несмотря на то, что их помыслы и усилия не направлены напрямую на решение этой задачи. Социологи, разделяющие эту позицию, верят, что общество отблагодарит их за самоотдачу.

Заключение. Обращения к абитуриентам на сайтах социологических факультетов и кафедр позволяют составить представление о ценностной атмосфере в вузовской социологии как крупном сегменте профессионального сообщества. Из обращений вычитываются типы установок по отношению к социологической специальности, профессиональные ценности и нормы. Большинство педагогических коллективов знакомит абитуриентов с основами профессиональной идентичности; 15% не работают

¹ Lerner M. J. The belief in a just world: a fundamental delusion. N. Y.: Plenum Press, 1980.

в этом жанре — возможно, испытывая дефицит профессиональной культуры.

По своему языковому и художественному стилю презентации подразделяются на бюрократические, рекламные и соратнические. По содержанию и частоте встречаемости — на массовые и относительно редкие. И те и другие встречаются как у коллективов с именем, так и у малоизвестных кафедр.

С точки зрения массового образовательного дискурса предназначение социологии заключается в содействии институтам, реализующим управление обществом. Сформировалось устойчивое мнение, что серьезные решения нужно принимать после проведения социологических исследований; подразумевается, что социология может быть источником технологий для реализации той или иной политики. Социолог уподобляется инженеру или технологу, а общество или отдельные его группы сравниваются с механизмом, который нужно настроить на определенный режим. В обращениях к абитуриентам подчеркиваются тесные связи социологического сообщества и власти, а также возможность трудоустройства социологов в органы управления.

Среди массовых установок наиболее типичной является межпрофессиональный универсализм — отношение к высшему социологическому образованию как к набору разносторонних знаний, позволяющих человеку легко переходить в смежные области и адаптироваться к запросам рынка труда. Универсалистская установка поддерживает психосоциальный мораторий на взросление, позволяя молодежи отложить выбор трудового поприща. В дискурсе уже накоплено знание о типичных трудовых траекториях выпускников, и их переход в некоторые сферы деятельности (маркетинг, управление персоналом) рассматривается как нормальное явление, не противоречащее содержанию образования. Данная установка заранее готовит студентов к тому, что они не будут работать по специальности, и, таким образом, не способствует воспроизводству профессионального сообщества. С ней связано прагматичное отношение к образованию как к способу извлечения пользы для себя — в частности, гарантированного дохода в будущем. Преподаватели поддерживают инструментальную мотивацию в студентах и акцентируют прикладной характер образования, которое дает факультет или кафедра.

Массовый образовательный дискурс предлагает абитуриентам и студентам набор карьерных целей, подразумевающих уход из специаль-

ности. Однако усилия и жертвы, необходимые для достижения этих целей, практически не обсуждаются. Напротив, учебный процесс представляется как удовольствие, как приятное времяпрепровождение в компании веселых сверстников. Подразумевается, что образовательным требованиям смогут удовлетворить все студенты, а если они будут немного недотягивать до установленной планки, преподаватели могут ее понизить.

Особенность массового дискурса состоит еще и в том, что он не предъявляет абитуриентам нормы, регулирующие профессиональную деятельность. Он не накладывает обязательств по отношению к обществу, не запрещает использовать те или иные средства для достижения профессиональных целей.

Альтернативные, относительно редкие установки в социологическом образовании демонстрируют во многом противоположное отношение к специальности. Универсальный характер учебной программы по социологии трактуется как набор разносторонних требований, которым должен удовлетворять квалифицированный социолог. Данный подход ориентирует студентов на то, чтобы стать профессиональными социологами, и ставит перед ними множество промежуточных задач на пути к этой цели. Он

в значительно меньшей степени акцентирует ценность прагматизма, а фокусируется на ценностях самоотдачи, принесения пользы обществу и бескорыстия. Для немассового дискурса социолог — это общественное зеркало или врач, исцеляющий болезни общества. В отличие от инженерного подхода, предполагающего внешнее вмешательство в социальные процессы, презумпция немассового подхода состоит в том, что рефлексия, вызванная социологическим знанием, способна изменить общество изнутри.

Немассовый дискурс формулирует ряд ценностей и нормативных ограничений, в нескольких случаях — в виде целого свода правил, которыми должен руководствоваться социолог в профессиональной деятельности. Среди этих ценностей — ответственность, стремление к поиску истины и к получению достоверных результатов исследований, честность, беспристрастность и непредвзятость. Предъявляются конфликтные модели поведения, связанные с открытой критикой и проявлениями гражданского мужества. Немассовому дискурсу свойственно ощущение высокой общественной значимости социологической профессии и гордость по отношению к ней. Он, несомненно, более эффективен для профессиональной социализации студентов и способствует принятию идентичности социолога.

Людмила НОВИКОВА

Механизмы психологической защиты личности в условиях тоталитарного режима

В этой работе я пытаюсь рассмотреть те особенности человеческой психики, которые помогли сформироваться «советскому человеку», продолжали действовать при тоталитарном режиме и позже, уже после распада СССР.

Я подхожу к проблеме с психологической точки зрения, а не как социолог или историк. Хотя в обычной жизни на человека влияет много факторов — экономических, политических, культурных — здесь рассматривается в основном действие «защитных механизмов психики» человека (далее ЗМП). В психологии это понятие обозначает те механизмы, которые помогают ослабить психологическое давление в критической ситуации, когда оно становится чрезмерным. Важно отметить, что эти механизмы действуют подсознательно. Они не решают проблему, а обеспечивают лишь временное облегчение. Часто это играет положительную роль, например когда дает человеку время и возможность собраться с силами для принятия верного решения. Но иногда человек привыкает действовать определенным образом, и, когда ситуация меняется, он по-прежнему использует старые, уже недейственные способы. Короче говоря, ЗМП не решают основную проблему, а отсрочивают ее решение, маскируют ее или уводят в сторону и в итоге часто порождают новые проблемы.

Разновидностей ЗМП ученые обнаружили довольно много: «отрицание», «вытеснение», «слияние», «регрессия» и т. д. Я подробнее остановлюсь на них дальше. Пока же скажу только, что психологи рассматривают ЗМП внутри психологической науки. Здесь же речь пойдет о том, как они действуют в истории.

Я также смотрю на тип «советского человека» в целом, обобщенно, т. е. обращаю внимание на общие особенности человеческой психики, одинаковые для всех людей, хотя в каждом конкретном человеке они проявляются по-разному.

Тоталитарная среда влияет на каждого. Человек вынужден приспосабливаться к ней, ведь в жесткой тоталитарной атмосфере нет выбора.

Приспосабливаясь, он сам меняется со временем.

Если условно можно представить, что на одном «краю» общества находятся «герои», личности, которые сопротивляются тоталитарной среде, то на другом ее краю находятся «авторитарные личности», которые полностью ей подчиняются. Э. Фромм писал о них так: «Такой человек восхищается властью и хочет подчиняться, но в то же время он хочет сам быть властью, чтобы другие подчинялись ему»¹. «В авторитарной философии нет понятия равенства... Мир состоит из людей, имеющих или не имеющих силу и власть, т. е. из высших и низших»².

Хотя, как уже было сказано, тоталитарная среда влияет на всех, я здесь в основном не рассматриваю эти крайние «полюса». Особого внимания заслуживает поведение обычных людей, у которых тоталитаризм хотя и усилил «авторитарные черты», но не смог сделать их преобладающими.

И еще одно замечание. В статье приведены примеры не только из сталинского, но и из более поздних времен, так как многие ЗМП продолжали действовать и позже.

Защитные механизмы психики. Сначала рассмотрим отдельные ЗМП и их роль в тоталитарной среде. Они расположены в порядке частоты их использования в советском обществе.

1. «Рационализация» и «морализация». «Рационализация» — логическое объяснение непонятного события и оправдание своего поведения, часто направленное на сокрытие истинных причин собственных поступков. «Морализация» — то же самое, но здесь важно доказать моральную необходимость того, что происходит.

Посмотрим на примере. В сталинское время после ареста или ссылки друга многие отказывались помогать его семье, прерывали все контакты. Н. Мандельштам вспоминает: «От семьи ссыльного отказываться неудобно — лучшие

¹ Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990. С. 142.

² Там же. С. 149.

среди нас искали для своего отказа приличный предлог. Чаще всего они объясняли свое отступление тем, что им стало не интересно с загнанным потому, что он поблек, стал другим»¹. Семья пострадавшего становилась опасной, страх и чувство самосохранения заставляли отворачиваться от нее. Но признаться себе и другим в своем страхе сложно, да и чувство вины не оставляет. И тогда на помощь приходит «рационализация», логическое объяснение: «С ними просто стало скучно, неинтересно». Это возвращает самоуважение и уменьшает чувство вины. В такой ситуации срабатывает еще один ЗМП — «изоляция аффекта», но об этом — позже.

«Рационализация» и «морализация», можно сказать, любимые ЗМП в тоталитарном обществе, они используются очень часто. При ужасах террора можно успокоить себя такими известными фразами, как: «У нас невинных не сажают», «Раз посадили — значит виноват», «Лес рубят — щепки летят». Как можно увидеть, многие «рационализации» идут сверху, как бы «подбрасываются» властью. А общество их принимает и активно использует.

Но у людей были и собственные «рационализации» в каждом конкретном случае, часто очень экзотические. Д.Д. Гойченко пишет о теории, которая возникла среди заключенных: надо называть на допросах как можно больше фамилий, и, когда все окажутся виновными, власти поймут, что это бред и всех выпустят. Это оправдывало дачу собственных показаний².

И еще несколько примеров широко распространенных фраз, которые используются как «рационализация»: «Мы во вражеском окружении» (при Сталине при оправдании жестокостей, в том числе собственных), «У меня — семья, дети» (во все времена), «Жертвы при Сталине были неизбежны в то суровое время» (глядя из нашего времени в прошлое), «Политика — грязное дело» (при отказе участвовать в ней).

2. «Смещение» — другой, тоже часто используемый ЗМП. «Смещение» — это перенесение внимания с одного действительно важного объекта на другой, менее важный. Часто это происходит тогда, когда сила, с которой человек сталкивается, слишком огромна, он заранее знает, что не может победить. И тогда свои негативные чувства к этой силе человек переносит на другой объект.

Хороший пример можно найти в уже упоминавшихся воспоминаниях Д.Д. Гойченко. Он пишет, как проходила коллективизация. Тех уполномоченных, которые плохо сдавали хлеб, объявляли подкулачниками и исключали из партии. Уполномоченные ходили день и ночь по дворам, уговаривая сдать хлеб, постепенно «дурели» от страха, начинали ненавидеть крестьян и озлоблялись³. На самом деле их ненависть должна была бы направляться на власть, которая заставляет их делать это и угрожает репрессировать их самих. Но государство — слишком мощная сила, даже помыслить невозможно сказать что-то против него, и ненависть неосознанно направляется на крестьян.

В таких случаях вера в идеологию тоже играет большую роль. Н. Адлер в книге «Трудное возвращение» приводит слова «верующей» в коммунизм женщины, отсидевшей восемь лет в лагерях как вдова «врага народа». Она видит, что после реабилитации государство не дало реабилитированным все, что обещало. Но ее вера в партию не дает ей направить недовольство на главного виновника — государство. И она обвиняет самих реабилитированных: отношение государства изменилось из-за «нескромности и критиканства некоторых товарищей», после чего «партия и правительство помогли нам, но уже не с такой готовностью, как вначале»⁴. Недовольство сместилось с правительства на репрессированных.

Власть, со своей стороны, тоже поучаствовала в использовании ЗМП «смещение», направляя все недовольство людей тяжелыми условиями жизни на внешних и внутренних врагов. Ведь «это враги виноваты, что нет товаров в магазинах», их «вредительство».

Приведу некоторые примеры «смещения» из разных времен: «Хороший царь, плохие бояре», «Сталин ничего не знает» (здесь «смещение» связано с «идеализацией»). Прибегая к тактике «хорошего» и «плохого» следователя, на допросах власть подталкивает к использованию «смещения». «Смещением» объясняется ненависть к тем, кто выступает против строя, в том числе к правозащитникам. В Интернете, высказываясь о Маршах несогласных, многие обвиняли «несогласных», а не власть: «Знали ведь, что будут бить, зачем пошли? Сами виноваты». Милиция обвиняла правозащитников, что они вышли на митинг 31 декабря 2009 г. и не дали милиции нормально отпраздновать

¹ Мандельштам Н. Вторая книга. Воспоминания. М., 1990 (на сайте: www.belousenko.com).

² Гойченко Д.Д. Сквозь раскулачивание и голодомор. М., 2006

³ Там же.

⁴ Адлер Н. Трудное возвращение: судьбы советских политзаключенных в 1950–1990 годы. М., 2005. С. 255.

Новый год. Власти часто искренне считают, что во многих проблемах виноваты журналисты, которые о них пишут.

3. «Слияние» и «идентификация с агрессором». «Слияние» — отождествление себя с другим человеком или группой людей. В тоталитарном обществе, когда человек оказывается перед мощной силой государства, стремление к «слиянию» очень сильно. Легче слиться с этой могучей силой, чем противостоять ей. Многие зависело от того, насколько авторитарна была сама личность (см. Э. Фромма выше). Авторитарная личность «сливалась» полностью. Ср., например, признание Г.Л. Пятакова: «Чтобы быть в партии, участвовать в ее рядах в грядущих мировых событиях, я должен отдать ей без остатка самого себя, слиться с нею, чтобы во мне не было ни одной частицы, не принадлежащей партии, с нею не согласованной. И еще раз скажу, если партия для ее побед, для осуществления ее целей потребует белое сделать черным, я это приму и сделаю это моим убеждением»¹. У обычных людей сама тоталитарная обстановка усиливала авторитарные черты.

Здесь важно отметить два качества, которые глубоко заложены в человеке:

1) потребность в значимости, в самоуважении. Она удовлетворяется через самореализацию (что при тоталитаризме часто затруднено) или через ЗМП (в том числе «слияние»). Даже если ты ничего не сделал, но являешься рабочим или членом партии — ты уже привилегированный класс.

2) Человек — общественное существо. Очень трудно быть отверженным, выброшенным из общества. Это то, что так ярко выразила китаянка Грэйс, находясь в коммунистическом Китае: «Я поняла, как тяжело в одиночку противостоять всему миру, который оказался по другую сторону баррикад. Если ты не примешь их сторону, то окажешься чужой в собственной стране»². Власть, со своей стороны, делала все, чтобы помочь «принять их сторону»: спланировала всех перед лицом «вражеского окружения», устраивала собрания, митинги, демонстрации, где действуют свойства толпы.

Вся обстановка подталкивала людей к «слиянию». И особенно сильно хотели «слиться» с системой многие из тех, кто уже был выброшен из нее. Здесь часто можно говорить об еще одном ЗМП — «идентификация с агрессором». Это включение в свой внутренний мир взгля-

дов, мотивов, установок угнетателя. Но об этом немного подробнее — ниже.

«Слияние» и «идентификация с агрессором» «помогали» людям в их конкретных ситуациях. Когда в сталинское время на партийном собрании человек вдруг вставал и начинал резко обличать своего друга, персональное дело которого разбиралось, это могло быть проявлением «слияния», когда он в страхе стремился слиться с карающей силой, чтобы спастись самому.

Вообще тоталитарный страх — это большая сила, которая толкает на «слияние». На практике это может быть полное восприятие правительственной идеологии или написание хвалебных речей, пьес и стихов, в том числе теми, кто находится в группе риска (бывшие дворяне и т. д.). При этом, когда человек «искренне» принимает правящую идеологию, он не только избегает опасности, но и снимает с себя чувство вины за свою «измену».

К «слиянию» можно отнести также активный поиск и разоблачение «вредителей» (как бы символическое подкладывание вместо себя другой жертвы). Украинский партийный руководитель П. Постышев, которого считали умеренным, в начале 1937 г. был снят со своего поста после критики, но не арестован, а переведен на новую работу в Куйбышевскую область. Там он стал везде искать «врагов народа», арестовал 66 районных чиновников и распустил 30 райкомов партии за разложение³.

Как мы видим, в тоталитарном обществе много разных факторов толкают человека к «слиянию». И чем слабее личность (а тоталитаризм сам по себе ее ослабляет), тем труднее ей устоять. Когда человек не чувствует себя уверенно, в безопасности, он «сливается» с силой и в том числе с ее олицетворением — лидером, который всемогущ и благосклонен, может помочь и спасти. И здесь мы переходим еще к одному ЗМП — «идеализации».

4. «Идеализация» — восприятие другого как идеального и всемогущего. В какой-то степени склонность к «идеализации» встречается у многих и проявляется в детстве в идеализации родителей, потом в молодости — во влюбленности, в поклонении кинозвездам и другим известным личностям. Но в тоталитарном обществе, когда человек не чувствует безопасности, не уверен в себе, он ищет кого-то могучего, кто защитит и спасет. И ЗМП «идеализация» применяется очень широко. Здесь, как и в других случаях, соединяются векторы с двух сторон: власть

¹ Валентинов Н. Разговор с Пятаковым в Париже // Слово. 1989. № 1. С. 24–25.

² Лифтон Р.Д. Технология промывки мозгов. М., 2005. С. 409.

³ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. М., 2001. С. 246–247.

сверху дает культ личности Сталина, того могучего человека, которого ищет население снизу.

В обычной жизни часто происходит крушение идеала, и чем сильнее была идеализация, тем большая ненависть возникает при крушении. При этом все прежние заслуги идеала отбрасываются, бывший кумир становится сразу только «отрицательным персонажем». У нас в обществе сначала восхищались, а потом сбрасывали с пьедестала многих, например Солженицына, Ельцина и др. Интересно задуматься, почему же Сталин для многих остается на пьедестале, несмотря на ставшую известной информацию? Думаю, дело в том, что Сталин является теперь уже не просто кумиром, а символом эпохи, его невозможно оторвать от того времени, когда жили поклоняющиеся ему люди. Он связан с их жизнью. Продолжая ему поклоняться, они оправдывают свою жизнь и действия.

5. «Изоляция» — уход от реальности, от страшного мира террора и подавляющей идеологии в какое-то «лучшее» место. Это пьянство, наркотики, уход из политики в советское время и отказ возвратиться в нее, даже когда это уже можно было сделать. Но чаще всего уход из общественной жизни — в науку или искусство, в любительские занятия, наконец, в семью. Тогда человек чувствует, что он хозяин только в своем маленьком мире, который отделяет его от большого страшного и непонятного мира.

В сталинские годы всеобщий страх толкал к тому, чтобы спрятаться, стать незаметным. Такое желание усиливала и реальная опасность тесно общаться с другими людьми, так как любой потом мог оказаться «врагом», а ты — «пособником». Во времена тоталитаризма при разрушении всех гражданских организаций у человека остается семья и он надеется только на нее.

Страх проявляется и в бытовом отношении. Еще совсем недавно, видя наши грязные улицы и подъезды, иностранцы говорили, что русские ленивы. Но дело не в лени. В советские годы обычно нельзя было без согласований и проблем обустроить свой двор или подъезд самим. И инициатива уходила в семью, на то, что люди бросались доставать хорошую мебель или покупать красивые занавески. Контраст между квартирой и лестничной клеткой был большой, так как все, что за дверями квартиры, было «не мое».

6. Очень интересный ЗМП «изоляция аффекта», удаление эмоций из сознания в определенных ситуациях. Часто это помогает выжить: на войне («если не ты — то тебя», и в момент боя

нет сострадания), в сталинском лагере. Но если потом при изменении ситуации продолжает применяться тот же ЗМП многими людьми, то мы имеем жестокое, циничное общество.

Вспомним пример из сталинского времени с арестом близкого друга. Отказываясь помогать его семье, человек должен неосознанно задавить, спрятать поглубже чувство сострадания. «Рационализация» помогает в этом, как мы видели раньше. Но сострадание невозможно спрятать до конца, оно остается в человеке. Человеку надо чувствовать себя добрым, сострадающим. Власть удобно подсовывает негров в Африке, испанских детей, челюскинцев, сейчас — русских в Прибалтике. Действует тот же тоталитарный принцип: «Мы будем сочувствовать и спасать, но все вместе и тех, кого мы вам укажем». А в голове у человека не соединяется предательство близкого друга и сочувствие далекому африканцу потому, что включается еще один ЗМП — «раздельное мышление». Но о нем — ниже. «Изоляция аффекта» предлагалась и от власти сверху, распространяясь на все общество в виде известных слов: «не надо драматизировать», «отдельные недостатки» и т. п. Из общественного сознания вытравливали ощущение трагизма происходящего в стране, а спускали вниз оптимизм.

Примеров «изоляции аффекта» в нашей обычной жизни очень много: равнодушие к старикам и инвалидам, к людям в тяжелых ситуациях. С этим механизмом связаны такие высказывания, как: «В терракте погибло всего 5 человек». Люди, которые доказывают, что Сталин убил «всего» 8 млн, а не 20, уходят в цифры и статистику от реальных людей, а когда считаешь абстрактные цифры, легче «забыть», что эти цифры измеряют, легче подавить чувства. В истории с Магницким нас потрясает бездушие врачей и тех, с кем он сталкивался в тюрьме. Но очень может быть, что дома врач, которая его осматривала, ведет себя как заботливый, отзывчивый человек. Просто, приходя на работу, она «убирает» сострадание, считая, что заключенные — люди второго сорта: они «чужие», недостойные сострадания. Оговорюсь: во-первых, я привожу этот случай как характерный пример, хотя ничего не знаю лично про этого врача. А во-вторых, если это так, я ни в коем случае не оправдываю ее. Вообще, наблюдателя со стороны часто удивляет бессмысленная жестокость. Допустим, почему под международные гарантии не выпустить арестованного «лимоновца», чтобы он смог проститься с умирающим отцом? Но в большинстве случаев нет цели причинить

другому боль специально. При «изоляции аффекта» об этом вообще не думают, если, конечно, не хотят отомстить специально.

7. «Отрицание». Обычно при описании ЗМП начинают именно с него, так как он кажется самым простым. Это когда человек «отрицает», не видит реальные факты, которые могут его травмировать. «Отрицание» используется и чтобы спастись от страха (многие «не видят» террор, аресты и т. д.), и чтобы сохранить веру в идеологию («отрицают» противоречащие ей факты), и чтобы избежать чувства своей вины в разных ситуациях.

Рассмотрим только один пример из многих. В 1990-е гг. А. Приставкин после выхода повести «Ночевала тучка золотая» получал письма от сталинистов. В одном из них написано: «Моя юность и молодость – 40-е – 50-е гг. Я не кукушонок, не знающий правды о своем прошлом. Мы жили интересами страны, мужали и крепили вместе с ней, строили социализм, Урал, Воронеж, Киргизия, Кубань – никакой атмосферы страха, никакой вражды людей разной национальности, полнокровная нормальная жизнь. До каких же пор будут эти оскорбительные намеки, клевета на народ, до каких пор будут лить грязь на товарища Сталина?»¹ Еще раз хочу подчеркнуть, что это написано в 1990-е гг. Вероятнее всего, автор «не замечала» целый ряд фактов в сталинские годы, несомненно, «отрицала» хрущевскую «оттепель» и всю информацию, которая была с ней связана, и, наконец, «отрицание» направлено на информацию, обнародованную в 1990-е гг., т. е. оно действовало здесь многократно.

8. «Вытеснение» – вытеснение из сознания, «забывание» неприятных вещей. При тоталитаризме человек может «забывать» арестованных друзей, вытеснять из памяти собственные (в том числе сделанные под давлением системы) нехорошие поступки. Кроме того, со временем из памяти часто вытесняются тяжелые события и моменты (например, стояние в очередях, длинные и скучные партсобрания), и люди, вспоминая прошлое, ностальгируют по советскому времени. На это влияет не только «вытеснение», но и оно тоже. Есть еще один механизм, который связан с «вытеснением». Я бы назвала его эффектом «мудреца и козы». Есть такая притча: пришел один человек к мудрецу и стал жаловаться, что ему очень тяжело и тесно жить, так как слишком много людей в его доме. Мудрец посоветовал ему привести в дом еще и козу из хлева. Человек удивился, но послушался.

¹ Приставкин А. Письма сталинистов // Апрель. 1989. № 1. С. 238.

В следующий раз он пришел к мудрецу совсем удрученный: жить стало невыносимо. Теперь мудрец посоветовал отвести козу в хлев. Спустя некоторое время мудрец встретил очень довольного человека, который поблагодарил его, радуясь, как свободно и хорошо стало в доме. Под влиянием сильных теперешних переживаний вытесняются прошлые.

Теперь посмотрим, что было в сталинские годы. С.П. Подлубный, сын «раскулаченного» крестьянина, после постановления правительства о том, что в институте могут учиться лица независимо от своего прошлого, пишет в дневнике: «Это так ценно, я так благодарен за постановление, что не могу прямо выразить благодарность в коротких словах»². И в другом месте по подобному поводу: «Мысль о том, что меня сделали таким же гражданином СССР, как и все, обязывает меня относиться к тем, кто это сказал, любовно»³. Т. е. С.П. Подлубный уже испытал на себе, что значит чувствовать себя изгоем, быть ограниченным в том, что для других естественно. Эти мучительные переживания вытеснили мысли о том, почему его было так тяжело. Осталось только чувство благодарности к освободителю от мучений. Простая мысль, что эта же самая власть, проведя раскулачивание, и заставила его так мучиться, не приходит в голову.

То же самое можно увидеть, ознакомившись с документами В.И. Едовина⁴. Его отца «раскулачили» в 1930 г., семья уже сушила сухари и готовилась к ссылке. Но после статьи Сталина «Головокружение от успехов» отец был реабилитирован. В.И. Едовин потом искренне любил Сталина и стал партийным работником. Его подвели к краю пропасти, показали эту пропасть, а потом вернули обратно. Отсюда – искренняя любовь к «спасителю», и нет даже мысли о том, что этот «спаситель» и создал саму «пропасть».

Эффект «мудреца и козы» шире простого «вытеснения», так как человек пережил ужас нового состояния, для него это не абстрактное понятие, как раньше, он уже побывал в этой новой реальности.

9. «Раздельное мышление» – когда две противоположные установки не соединяются и противоречие между ними не осознается.

По воспоминаниям М. Германа в ноябре 1941 г. в деревне под Пермью в школе для эвакуированных детей и дети, и воспитатели

² Козлова Н. Советские люди. Сцены из жизни. М., 2005. С. 234.

³ Там же. С. 233.

⁴ Там же. С. 149, 157.

смотрели с просветленными лицами фильм «Если завтра война»¹. То, что показывают в фильме, не соединяется с действительностью, которая их окружает. Это происходит еще и потому, что так хочется уйти в сказку, где враг сразу разбит, отделиться от окружающей действительности.

Причины применения ЗМП «раздельное мышление» могут быть разными, но, как и все ЗМП, оно направлено на временное облегчение неприятных явлений, противоречий и т. д. Палачи в обычной жизни часто бывают «добрыми людьми», а когда смотрят фильмы, то часто сочувствуют жертвам и не отождествляют себя с преследователями. Многие сотрудники КГБ в советские годы слушали дома песни Высоцкого и читали «Архипелаг ГУЛАГ», продолжая сажать диссидентов.

К «раздельному мышлению» близко такое явление, как двоемыслие и двойная жизнь. Но они происходят осознанно, поэтому с точки зрения психологии их нельзя назвать ЗМП. Все же скажу несколько слов об этом. Двойная жизнь помогает выжить, спасти себя, свои мысли и личность. Но здесь есть и свои опасности: прежде всего привычка ко лжи, ее принятие и умение действовать в ее рамках. Например, преподаватель марксизма-ленинизма пишет книгу, анализирует, мыслит в границах официальной пропаганды, проводит обсуждение со студентами и т. д.

Если у человека нет партнеров по двоемыслию, то ему приходится нести на себе чувство одиночества и противопоставления себя всем. Есть и более опасный момент в двойной жизни. Двойная жизнь — это не только двойное мышление, но и двойная нравственность и поведение (например, дома — не обманывает, на работе — врет; дома — заботливый, помогающий, на работе — легко отворачивается от опасных людей; дома — ответственный, на работе — на многое наплевать и т. д.). Т. е. существует не одна нравственная норма, а несколько в зависимости от ситуации.

Если человек отдает себе отчет в своем двойном поведении, понимает, что в одной из своих ролей он ведет себя вопреки своим принципам до какой-то границы, которую он твердо держит, ему легче сохранить свою личность. Если же не думать об этом, то границы между двумя образами жизни постепенно размываются, «плавают» (тем более что тоталитарная власть стремится их разрушить), нравственные нормы

размываются тоже, и их нарушения переносятся и в частную жизнь. Т. е. личности помогает сохраниться осознание и сохранение четких границ.

10. «Расщепление» — черно-белое восприятие мира, без полутонов. Во время боя это может быть необходимо для быстрой оценки обстановки и четких военных действий, спасающих жизнь. В мирной жизни это дает кажущееся облегчение, так как когда все ясно — жить проще. Но, как все ЗМП, «расщепление» порождает много новых проблем, не решая старые. Это ведет к конфликтам (в том числе поэтому их было так много в СССР), к жестокости, к простым, насильственным решениям вопросов (привычке «рубить узлы»).

Власть сверху, как и в других случаях, помогает использовать ЗМП, не только поддерживая состояние вечной борьбы и военной истерии в обществе, но и прямыми лозунгами. Ставший популярным в советские времена принцип «Кто не с нами — тот против нас» — хороший пример «расщепления».

А вот несколько примеров этого ЗМП внизу, на бытовом уровне: «Вас много, а я — одна» (классические слова продавщицы в СССР), «Все они такие». Особенно обидно наблюдать примеры «расщепления» в среде тех, кто считает себя демократами. Стоит кому-то из публичных людей сделать что-то, что не вписывается в картину мира остальных, его тут же зачисляют в подонки, предатели. Не возникает мысли, что человек может ошибаться, что он неоднозначен, что у него есть прежние заслуги. В 2008 г. Н. Белых, бывший лидер партии СПС, соглашается на назначение губернатором в Кировскую область. Вот некоторые комментарии к этому в Интернете: пользователь i691: «Не устоял перед соблазном, нам такие не нужны», rubin: «Мне стыдно, что когда-то его поддерживал. Предательство и позорище².»

Здесь важна не сама оценка поступка (оценивать можно по-разному), а моментальная убежденность, не подтвержденная какими-то фактами, что человек продался за деньги, предал, а следовательно, негодяй... «Презумпция виновности», чуть отклонился от «оппозиционной линии», значит, «не с нами», а «кто не с нами — тот против нас».

11. «Самоограничение». Этот механизм возникает тогда, когда человек и не пытается действовать в тех областях, где он, как ему кажется, не может преуспеть. В советское время

¹ Герман М.Ю. Сложное прошедшее. СПб., 2000.

² См.: www.echo.msk.ru/blog/oreh/558536-echo/page/2.html

был целый ряд закрытых зон для многих (поступление в определенные вузы, поездки за границу и т. д.). Зная, что это недоступно, многие даже и не пытались преодолеть такие барьеры. «Самоограничение» мешает развитию личности, когда появляются (или не замечаются) реальные возможности осуществить то, от чего человек отказывается. В советские годы было много недостижимого, но все-таки было и то, чего при определенных усилиях можно было достичь. Однако часть людей, при общем чувстве бессилия перед системой, отказывалась и от этого. Например, «некоторые отказывались принимать повышение в должности из-за связанных с ним большей ответственности и большей опасности»¹. Известно, что директорам промышленных предприятий, чтобы достать сырье, запчасти, выполнить план, приходилось рисковать и нарушать правила. Но выжить легче всего было человеку, который «не высывался», оставался пассивным. Тоталитарная система в целом приучает к пассивности.

12. «Компенсация» — прикрытие своих слабостей в одной сфере за счет подчеркивания сильных сторон в другой.

Возьмем для примера такое известное утверждение: «Да, при Сталине были репрессии, но зато мы стали индустриальной страной». Человек через это «зато» как бы компенсирует репрессии. И он не видит, что индустриализация не может компенсировать репрессии, так как это вещи из разных областей (индустриализация — экономическое развитие страны, а репрессии — это черта политической системы).

Приведу еще несколько примеров «компенсации». При Сталине: «Да, есть трудности, и живем мы в бараке, но зато строим коммунизм». Сейчас: «Да, мы расстреляли тысячи поляков в Катыни, зато они убили тысячи наших красноармейцев в 1920 г.»; «Да, у нас ужасная коррупция и много плохого, зато нас уважают и боятся в мире».

13. «Проекция» — перенесение своих плохих качеств на другого. Тогда, если все вокруг плохое, то и ты можешь быть с ними плохим, твои плохие поступки оправданы. Например, люди, которые сами никогда бы не вышли на митинг из-за убеждений, уверены, что правозащитники выходят на митинги только потому, что им за это платят. Утверждения, что США хотят всех завоевать, что россиян ненавидят и обижают, часто принадлежат людям, которые чувствуют себя униженными. Их униженность как бы

получает оправдание, если все вокруг руководствуются низкими мотивами, живут «применительно к подлости».

14. «Автоагрессия» — перенаправление негативных чувств с внешнего объекта на самого себя, например когда с внешним объектом ничего нельзя сделать. Обычно это действует, когда внешний объект несопоставимо сильнее, чем конкретный человек.

Известно, что при Сталине люди с «пятнами» в биографии, с «плохим» происхождением оказывались людьми «второго сорта», они были лишены многих возможностей, доступных другим. Это особенно тяжело для того, кто искренне верил в официальную идеологию, ведь, согласно этой идеологии, он и является врагом. При этом негативные чувства, вызванные собственным происхождением, направляются на самого человека. Ш. Фицпатрик приводит слова одной убежденной девушки, которую из-за происхождения не приняли в комсомол. Она не сомневалась в справедливости решения и стала чувствовать, что в ней есть что-то «неполноценное, недостаточно твердое. Я была интеллигенткой и обязательно должна была с этим бороться»².

«Автоагрессия» проявляется и в масштабах всего общества. Жизнь в СССР была тяжелой и в духовном плане, и в бытовом, что вызывало раздражение и возмущение, спрятанные глубоко внутрь. Уровень агрессии в обществе был высок, но он не мог быть направлен на власть, и агрессия направлялась на само общество, друг на друга (в транспорте, очередях и т. д.).

15. «Регрессия» — бессознательное возвращение в прошлое, когда, кажется, было хорошо. Сюда относится ностальгия по СССР у многих людей. Если говорить в целом об обществе, то его развитие не идет по прямой. Брежневский и путинский периоды с их стремлением вернуться в прошлое можно назвать «регрессией» в масштабе общества.

Взаимодействие ЗМП в обществе. Общество — целостная система, в которой все части взаимодействуют друг с другом. Власть сверху и люди снизу как будто играют в одну и ту же игру. Власть поддерживает ЗМП, не только создавая условия, способствующие их применению, но и часто напрямую («подбрасывая» лозунги для «рационализации», направляя недовольство на внутренних и внешних врагов и т. д.). Делает она это в основном неосознанно.

¹ Фицпатрик Ш. Цит. соч. С. 263.

² Там же. С. 167.

Отчасти потому, что люди, которые оказываются у власти при тоталитаризме, сами являются наиболее авторитарными личностями. Отчасти потому, что когда тоталитарный режим построен, он уже сам требует для своего функционирования определенных действий от правителей. Люди снизу, оказавшись в жесткой тоталитарной среде, сами используют ЗМП, которые помогают выжить.

Помимо этого разные ЗМП взаимодействуют друг с другом, одни часто усиливают другие. Я очень кратко остановлюсь на некоторых самых главных взаимосвязанных процессах.

Террор — черта тоталитаризма, которая сразу же бросается в глаза. Террор порождает страх. Вообще страх говорит об опасности, следовательно, естественная реакция — спастись. Но здесь невозможно спастись. И страх дает чувство беспомощности, ослабляет личность. Если такое состояние продолжается долго, оно становится невыносимым. А значит, включаются ЗМП: «отрицание», «вытеснение», «рационализация», «идентификация с агрессором», «слияние», «изоляция», «самоограничение», «изоляция аффекта».

Идеология и идеологическое насилие — другая, не менее важная черта тоталитаризма, которая искажает личность. В согласии с собой находятся только те, кто искренне верит в идеологию. Но это согласие с собой разрушается, когда их вера и идеалы сталкиваются с действительностью, которая им не соответствует. Тогда одни начинают бороться за свои идеалы, за правильный социализм (например, Рютин) и их уничтожают. А у других срабатывают ЗМП: «отрицание», «рационализация», «морализация», «раздельное мышление». Кажется, что в гармонии с собой находятся люди, которые изначально не верят идеологии и сознательно живут двойной жизнью. Но мы уже видели, что здесь тоже есть свои сложности и опасности.

Состояние вечной борьбы, которое поддерживается в обществе, ведет к черно-белому восприятию мира (ЗМП «расщепление»), к агрессии, к жестокости, подозрительности.

Идея классовой борьбы разжигает чувство мести у тех, кто раньше был угнетен. У «наблюдателей» возникает страх и чувство вины. А чувство вины ослабляет личность, даже если не осознается до конца. Облегчают положение ЗМП («рационализация», «морализация» и «смещение»).

Несколько слов об «отверженных» и потенциальных жертвах (детях дворян, священников и т. д.). Часть из тех, кто в группе риска, сами

становятся активными гонителями. Здесь действуют ЗМП «слияние» (стремление перейти на сторону преследователей со стороны жертв), «идентификация с агрессором». Страх переходит в агрессию, которая перенаправляется на преследуемых (ЗМП «смещение»).

Но большинство потенциальных жертв не идут по этому пути. Они вынуждены скрывать свое происхождение, врать в анкетах и все время бояться разоблачения. Этот постоянный страх и чувство вины ослабляют личность, тогда включаются ЗМП «автоагрессия», «рационализация», «смещение». Помимо комплекса неполноценности и приниженности, которые развивались у человека, страх разоблачения часто вел к огромному желанию вписаться в общество. Оказавшись в подобном положении, личность либо сближалась с властью, либо слабела, в обоих случаях укрепляя саму власть.

Тоталитаризм стремится всех повязать преступлением (вынужденное стукачество, работа в партийных органах, выступления и голосования на собраниях, доносы ради карьеры и т. д.). Это приводит к возникновению у людей чувства вины, за исключением может быть тех, кто свято верит в официальную идеологию. Чувство вины — один из самых сильных факторов, который ослабляет или разрушает личность. Оно разрушает самоуважение, снижая этим способность к сопротивлению и увеличивая зависимость. Неудивительно поэтому, что так много ЗМП действуют, чтобы снять или снизить чувство вины: «отрицание», «рационализация», «морализация», «вытеснение», «слияние», «смещение», «проекция». Эти же ЗМП, кроме того, выполняют и другие функции. Например, при «слиянии», когда человек принимает полностью идеологию не сомневаясь, он получает не только оправдание своего предательства или других непривлекательных поступков, но и сами эти поступки становятся для него хорошими, у них появляется «достойный» смысл. Например: «не людей убиваю, а освобождаю Родину от врагов» и т. д. При этом появляется чувство собственной значимости, повышается самооценка.

Кроме того, предав или донеся на кого, человек психологически оказывается на стороне тех, кто заставлял его совершить это. К тому же, защищая систему, он защищает и свои действия тоже. И у него возникает большая ненависть к тем, кто не согнулся, сопротивлялся, поскольку они разрушают все его ЗМП, его картину мира. Они — укор, пример, что можно было сделать иначе. При этом у человека с совестью иногда ненависти больше, так как ему требуется боль-

ше ЗМП, и он за них больше цепляется. Но тут все зависит от степени, и если совести еще больше, то человек может найти правильный выход и покаяться, тем самым отделившись и от своего преступления, и от системы. Понятно, что чем больше человек совершил преступлений, тем труднее покаяние и тем больше он будет защищать систему.

При тоталитаризме запрещено все, что не разрешено, следовательно, запретов много, в том числе и в бытовом плане. Большинство людей что-то вынуждены были нарушать, просто чтобы жить. Люди с «пятнами» в биографии писали неправду в анкетах, дети сосланных крестьян бежали из спецпоселений, работники делали приписки, чтобы выполнить план и т. д. Выработывалась привычка нарушать и не уважать закон, в том числе использовать обходные, не прямые пути. Возникла пассивность (ЗМП «самоограничение»), уход в семью (ЗМП «изоляция»), подавленная агрессия (ЗМП, которые помогали справиться с ней, — «смещение», «автоагрессия», «изоляция»).

Теперь посмотрим на патернализм, свойственный советскому строю. В людях он вызывает ту же пассивность, веру, что ничего не можешь изменить (ЗМП «рационализация»), они часто завывают от обстоятельств («самоограничение», «изоляция»), переносят ответственность с себя на других, начинают завидовать.

Как можно увидеть, разные черты тоталитаризма действовали комплексно, усиливая друг друга. Например, к «слиянию» толкали и страх перед террором, и идеология, и чувство вины, и

положение «отверженных». Агрессию вызывали и террор, и тяжелые условия жизни, и идеология. Пассивность была следствием и патернализма, и террора, и запретов.

И еще одну особенность хочется отметить. Когда мы рассматриваем человека в обществе, нельзя забывать, что на то, как он использует ЗМП влияет не только его личность, но и поведение массы других людей. Пример других очень важен. Но тоталитаризм не только уничтожал лучших, тех, кто пытался сопротивляться, но и уничтожал их втайне. У общества не было положительных примеров сопротивления системе в сталинское время. Человеку очень трудно быть одному, быть первым героем. Если он видит достойный пример поведения — разрушается изолированность личности, хочется подражать, быть рядом. Пример позволяет преодолеть давление массы, найти другую «массу», пусть даже из одного-двух человек. Когда нет положительного примера, то можно подумать, что сопротивление невозможно в принципе, т. е. увеличивается чувство бессилия.

Подводя итог, можно сказать, что человек с помощью ЗМП пытается сохранить и защитить свою личность перед огромной машиной государства, приспосабливается жить в тоталитарных условиях. Но применение этих ЗМП имеет свои последствия: они изменяют человека, который привыкает к ним и продолжает их использовать и после падения тоталитарного режима, когда необходимость в этом отпала. А это создает большие проблемы уже в других условиях.

Юлия ЛИДЕРМАН

Почему концепция перформативного искусства не популярна в сегодняшней России?*

Социальные условия современного искусства в России, 2000-е гг. Дефицит межгрупповых коммуникаций и отсутствие символических и социальных ресурсов для выработки компромиссных решений, ограничение распространения информации и репрессивное поведение российской власти, подчинившей судебную систему своим интересам, привели к появлению прецедента в российской правовой практике — уголовному преследованию куратора за экспонирование изображений. Я имею в виду судебный процесс над выставкой «Запретное искусство 2006», проведенной в 2007 г. в Музее и общественном центре им. А. Сахарова. В 2010 г. по отношению к куратору выставки А. Ерофееву и директору центра Ю. Самодурову суд вынес обвинительный приговор по статье 282 УК РФ (разжигание религиозной розни)¹.

* «Перформативное искусство (искусство перформанса, performance art) — публичное создание артефакта <...> не претендующее на долговечность. Его сердцевина — жест. Эпатаж, провокационность — органич. свойства П. Его эстетич. спецификой является акцент на первичности и самодостаточности творч. акта как такового (по аналогии с «искусством для искусства» за П. закрепились характеристика «акт ради искусства»); худож. сверхзадачей — утверждение идентичности творца». Перформанс // Культурология: энциклопедия: В 2 т. / Гл. ред. и авт. проекта С. Я. Левит. М.: РОССПЭН, 2007. Т. 2. С. 27 (Summa culturologiae). Электронный доступ <http://yanko.lib.ru/books/encycl/cultXXall1&2volumes.htm#BM14006>

«Перформатив (от ср.-лат. *performato* — действую) — высказывание, эквивалентное действию, поступку. Перформатив входит в контекст жизненных событий, создавая социальную, коммуникативную или межличностную ситуацию, влекущую за собой определенные последствия (например, объявления войны, декларации, завещания, клятвы, присяги, извинения, административные и военные приказы и т. п.). Произнести «Я клянусь» — значит связать себя клятвой. Соответствующее перформативу действие осуществляется самим речевым актом. Так, присяга невозможна без произнесения ее текста. В этом смысле перформативы автореферентны: они указывают на ими самими выполняемое действие. В перформативе язык реализует функцию, близкую к магической (ритуальной), ср. такие акты, как присвоение объектам имен, провозглашение республики и т. п. Перформатив — одно из центральных понятий прагматики и теории высказывания <...> Тем самым понятие перформатива получает расширительную интерпретацию, нивелирующую различие между коммуникативным актом и социальной акцией». — Перформатив // Лингвистический энциклопедический словарь. 2-е изд., доп. М.: Большая российская энциклопедия, 2002. Электронный доступ: <http://tapemark.narod.ru/les/372c.html>

Сам проект, вызвавший к жизни такой серьезный конфликт, в отличие от других выставок современного искусства, проводящихся в Москве, имел камерный характер: 23 произведения 1970-х — 2000-х гг. (графика, мелкая пластика, коллажи), в период работы А. Ерофеева заведующим отделом в Государственной Третьяковской галерее (ГТГ) подвергавшиеся цензуре со стороны Министерства культуры и руководства ГТГ, были собраны в рамках одного показа. Сразу после открытия выставки перед Музеем и общественным центром им. А. Сахарова был устроен пикет с требованиями закрыть выставку, позднее «Народный собор» взял на себя ответственность за это мероприятие. После подачи нескольких десятков жалоб в прокуратуру, организованной «Народным собором», в 2008 г. было принято решение о возбуждении уголовного дела. Этот инцидент спровоцировал несколько публичных дискуссий. Например, сразу же во время выставки в Музее и общественном центре им. А. Сахарова прошла дискуссия «Табу в современном искусстве», в которой, в частности, принимали участие и организаторы подачи жалоб², несколько позже — в 2008 г. — Государственным центром современного искусства была проведена международная научная конференция с тем же названием. Процесс имел общественный резонанс, он освещался СМИ, в 2010 г. в Москве была проведена демонстрация в поддержку Ю. Самодурова и А. Ерофеева, но эта реакция российской общественности, поддержка художественного сообщества, международное осуждение возбуждения уголовного дела никак не повлияли на решение суда. Обвиняемые оправданы не были.

В процессе этого дела еще раз стало очевидно, что (квази)элитарные группы, в данном случае — группы представителей художественного,

¹ Подробнее об обстоятельствах дела можно прочитать на сайте Музея и общественного центра им. А. Сахарова: <http://www.sakharov-center.ru/museum/exhibitionhall/forbidden-art/>

² Стенограмма этой дискуссии выложена на сайте Музея и общественного центра им. А. Сахарова: <http://www.sakharov-center.ru/museum/exhibitionhall/forbidden-art/tabu-art/texts/>

академического, журналистского, правозащитного сообществ, активно и довольно консолидированно принимавшие участие в заседаниях суда и в публичной дискуссии, не имеют механизмов влияния не только на решение суда, но и на характер ведения подобного дела. По завершении процесса адвокаты подсудимых отметили игнорирование судьей аргументов защиты, что зафиксировано в приговоре, где для защиты отведена всего одна страница шестидесятистраничного текста.

Несмотря на серьезную активность художественного сообщества, о публичном обсуждении этого сюжета говорить сложно. Согласно данным опроса, проведенного Левада-Центром в начале июля 2010 г., только 2% респондентов были хорошо знакомы с происходящим, а 76% слышали о деле впервые. Информация и отчеты о заседаниях суда, обсуждения обстоятельств судебного разбирательства имели место исключительно в электронных СМИ и лишь в виртуальных сообществах. Телевизионные программы с участием осужденных прошли по государственным каналам уже после вынесения приговора¹.

Когда уголовному преследованию и наказанию подвергается современная культура за черты, присущие ей как таковой, важно разобраться с социальным контекстом, в котором эта культура развивается, или, лучше сказать, определить, что сдерживает развитие современной культуры в России.

В описании этих рамочных условий я остановлюсь на анализе социальных и технических условий существования визуального образа. Т. е. предмет моего исследования станут институциональные и медийные обстоятельства социальной коммуникации в современном российском обществе.

Мои рассуждения строятся на рассмотрении современного искусства как авангардной площадки культурной жизни. Наблюдение за институциональным устройством современной российской культурной жизни позволяет говорить, что, несмотря на обилие культурных событий, отражаемых, например, в новостях канала «Культура», существуют серьезные дефициты базовых ценностей современного общества.

В 2000-е гг. одним из первостепенных факторов появления новых имен и произведений стал внутренний рынок искусства. Возникла совершенно новая ситуация, поскольку до этого спрос диктовался исключительно «дипломатами». В конце 1970-х — начале 1980-х гг. обо-

значилась перспектива выхода российского искусства на международный рынок. Условием формирования внутреннего рынка 1990-х гг. стала капитализация, способная влиять на цену и обеспечивать признание и успех художника. Основными агентами на рынке стали выступать не художники, а галереи и аукционы. Сегодня эта площадка в России появилась, есть и сеть галерей, и капитал, который заставляет их работать, есть консультанты, пополняющие коллекции, влияющие на работу галерей, а через несколько инстанций — и на стратегии художников. Но в силу условий, в которых существует в России крупный бизнес, информация о процессе коллекционирования и интересе к искусству тщательно скрывается от публики. Коллекционирование и приобретение искусства (так же, как недвижимости и прочих товаров потребления категории люкс) остается внутренним делом представителей крупного бизнеса.

Кроме обладания и обмена произведениями современного искусства, некоторую значимость в системе социальных отношений в России обрела и осведомленность о нем. Интерес к современному искусству помогают маркировать внутри групп субкультурного характера «своих», имеющих соответствующие представления и лояльных к художественному сообществу, т. е., как правило, людей, тем или иным образом связанных с художественной жизнью (как художников, так и коллекционеров и покупателей). Об этом свидетельствуют специализированные сообщества в социальных сетях, а также характер печатных и электронных СМИ, обслуживающих и рынок, и сам факт наличия субкультурных сообществ. Как следствие, вопросы современного искусства возникают в СМИ в связи с новостями мира моды, потреблением товаров категории люкс, подробностями бытовой и публичной жизни знаменитостей.

Однако в структуре современного искусства в России нет институций, обеспечивающих другие, или собственно культурные, коммуникации, предоставляющих площадки для демонстрации интереса к искусству представителей критических (художественных) сообществ. Таких, как академические, артистические, литературные группы, с одной стороны, и зритель, публика (центральный адресат культуры эпохи современности) — с другой. *Тем самым понимание искусства как автономной зоны эксперимента художника и понимание искусства как рефлексии современности по-прежнему существуют в России лишь в статусе дополнительных, непризнанных свойств искусства, не имеющих институциональной поддержки.*

¹ Данные опроса об отношении к суду над организаторами выставки «Запретное искусство» опубликованы на сайте Левада-Центра: <http://www.levada.ru/press/2010070704.html>

Разверну этот тезис подробнее. Современное искусство (его состояние, его представители, его институты, его этика, его события) — это квинтэссенция культуры современного общества. Современность — это не столько указание на сиюминутность, сколько утверждение определенных общественных характеристик. Под «современным искусством» я подразумеваю не изобразительное искусство «новейших течений», часто выполняющее роль символа современной культуры, а *экспериментальные формы выразительности*, существующие поверх ранее существующих типологий, делений на виды или жанры искусств (танец, театр, изобразительное искусство, кино, словесность и т. д.). Новые формы отменяют не только прежние классификации и каноны, но и оказываются возможны только в постоянном перемещении границы между искусством и неискусством. В этом состоянии культуры, которое называют модернистским или постмодернистским, центральным культурным символом, сменившим манипуляции с визуальным образом, становится *асоциальное* поведение художника, выражающееся намеренным риском поступков, абсурдным характером поведения, непроясняемыми целями его действий и другими вариациями, которые служат механизмом перенаправления внимания публики с интерпретации «текста» (того, как строится произведение) на интерпретацию социальной реальности, где состоялся жест художника, и сопереживание художественному событию.

Нарушение нормативных или привычных ожиданий (а именно такому механизму восприятия служит «эксперимент») — это прием, который устраняет для публики барьер между опытом, полученным при созерцании «прежнего» искусства, и реальным опытом жизни. А неожиданное поведение художника, нарушившего жанровые конвенции, предъявившего то, что ранее не предъявлялось в статусе искусства, позволяет актуализировать для публики вопросы, решаемые каждым человеком в современном обществе. Например, такие: как в современном обществе переопределяется граница дозволенного для каждого, какие инстанции защищают автономность каждого, а какие ограничивают ее, как, в каких формах, возможна/невозможна автономность художника, кто и на каких основаниях ограничивает право на мнение или действие, идущее вразрез с мнением большинства и т. п.

Эти вопросы (и варианты ответов, которые дает искусство) обеспечивают современному искусству внепрофессиональный, т. е. публичный интерес. Именно вопросы, связанные

с условиями существования человека в обществе, в постоянно меняющейся реальности, а не свойства демонстрируемой «вещи» или демонстрируемого текста (сохраняемого произведения, которое в истории искусства после концептуализма интерпретируется как документация), как раз и указывают на актуальность ценностей, связанных с непосредственным человеческим опытом современного существования в обществе, где так или иначе обсуждается или воспринимается новое искусство. Иначе говоря, современное искусство утверждает эксперимент как повторяющуюся, воспроизводящую форму, что «отражает» постоянные риски и пробы человека в условиях современного общества, в котором перестали быть эффективными традиционные, сословные и другие «готовые» сценарии. Перформанс оказался наиболее подходящим жанром, обнажающим символическое значение самого акта эксперимента, сам жест художника в качестве социального действия. В истории искусства этот жанр связан с поиском в культуре XX в. новых уникальных свойств произведения искусства, когда тиражирование дискредитировало идею совершенства художественной формы, которая ранее гарантировала уникальность произведения.

Что же касается профессионального интереса представителей «понимающего сообщества» к современному искусству (выше я называла его критическим), то здесь значимыми для интерпретации становятся различные обстоятельства, сопровождающие жест художника, сам его эксперимент: тема, место, время, свойства производимого им «текста», выбранный для коммуникации медиум и др. В профессиональном восприятии (т. е. в восприятии тех, чья прагматика — это «понимание», претензия на полноту, исчерпаемость смысла) перечисленные элементы обретают свойства метафор «современности», а именно: средств передачи того непосредственного опыта реальности, который представляет художник. Для профессионального интереса в процессе появления новых символических форм означающими оказываются совершенно другие по отношению к публичному интересу элементы наблюдаемого потока образов и свойств событий, проживаемых художником. Здесь обстоятельства поведения художника, обретающие в аналитическом плане статус метафоры, определяют ход интерпретации и выводы, понятия, посредством которых производится описание. За практикой современного искусства скрываются ценности современного общества, необходимость которых

и вызывает интерес к искусству со стороны различных групп. Современное искусство, с одной стороны, выступает площадкой для автономного, экспериментального поведения художника, чьи действия важны для публики как символ индивидуального поведения (а соответственно его рисков, его безнадежности или его величия), права и даже, может быть, принуждения к выбору, сопровождающих человека в сегодняшнем обществе. А с другой стороны, современное искусство поставляет интеллектуальным сообществам метафоры для критической дистанции, устанавливаемой художником по отношению к конвенциям современного общества, современной культуры. Т. е. оно выступает экраном, на который проецируются фрагменты реальности, обретающие статус критических оценок современности.

Обе эти функции искусства — назовем их *публичной* и *экспертной* — имеют ничтожное значение для системы аргументации в комментариях российских критиков и рецензентов современного искусства, поскольку в российском культурном контексте они не обладают институциональным воплощением, а соответственно не обсуждаются и не имеют представительства или защиты.

Исследуя культурный ландшафт российской современной культуры, приходишь к выводу о почти полном отсутствии современных культурных институций. Положение специализированных журналов, где можно было бы найти аргументы экспертного (в вышеизложенном смысле) интереса к искусству в России, крайне печально. Из аналитических изданий можно назвать лишь «Художественный журнал»¹, в котором порой бывают представленными групповые установки, но и здесь нет настоящей полемики — она невозможна без наличия других журналов. В журналах же других интеллектуальных сообществ искусство очень редко становится поводом к обсуждению, что демонстрирует отсутствие заинтересованности в нем у групп, не занятых в производстве художественной продукции. Так же как и журналы, в единственном числе осталась частная коллекция современного искусства — музей ART4.ru Игоря Маркина, после кризиса 2008 г. работающий для публики лишь раз в неделю. Иными словами, в стране не появилось площадок, на которых бы происходило сопоставление различных версий истории современного искусства в СССР и России.

¹ Выходит с 1993 г. Главный редактор Виктор Мизиано, в 1990-е гг. один из влиятельнейших деятелей художественной культуры. Электронный доступ: <http://xz.gif.ru/>

В идеологии работы ГТГ настолько мало качественных критериев и настолько силен компонент советской традиционности в представлении истории искусства (представлении изобразительного и пластического, а не современного искусства), что ГТГ сложно считать активным участником в конкуренции за более объемную и динамичную картину современного искусства. В выставочных проектах Третьяковской галереи ни комментарии, ни принципы экспонирования не указывают на желание организаторов конкурировать с другими интерпретациями острых теоретических вопросов об искусстве XX в., будь то новейшие исследования или другие экспозиции. Они всегда анонимны (или подписаны именем директора И. Лебедевой, что, в общем, не многим отличается от анонимности), хотя научный штат галереи насчитывает сотню специалистов. Экспонирование коллекции или произведений из других собраний в Третьяковской галерее не предполагает работы в публичной сфере, для которой острые, актуальные вопросы провоцировали бы дискуссии между различными группами. Третьяковская галерея не ведет научной работы в современном смысле, не проводит междисциплинарные конференции, не выпускает сборники трудов, не участвует в международных проектах и т. д., что приводит, в частности, к методологической непроработанности условий приобретения, хранения и экспонирования образцов. Рубрикация коллекции (иконы, живопись, скульптура, графика), доставшаяся Третьяковской галерее на Крымском валу от советского времени вместе с собранием русского искусства XX в., при столкновении с новыми материалами и реалиями не была отброшена, а была всего лишь дополнена рубрикой «Иное»², куда оказались свалены все формы современного искусства XX в., вне зависимости от жанра или типа носителя.

Итак, у нас есть один журнал, предоставляющий свои страницы дискуссиям о современном искусстве, и одна публично открытая частная коллекция (ART4.ru). Остальные, может быть, более репрезентативные или крупные, для публики не открываются. У нас есть государственный музей современного искусства, основой которого тоже стала частная коллекция (З. Церетели), — это Московский музей современного искусства, которому принадлежат несколько важных выставочных площадок. Его предпочти-

² Электронный доступ к рубрикации коллекции на официальном сайте Государственной Третьяковской галереи: http://www.tretyakovgallery.ru/ru/collection/_show/categories/_id/42

тельным интересом является выставочная, а не теоретическая деятельность. С недавнего времени создается еще один государственный музей современного искусства, ПЕРММ – Пермский музей современного искусства. Его создание – тоже очень интересный для социологического анализа случай. Коллекция этого музея началась с выставочного проекта 2008 г. «Русское бедное» (куратор М. Гельман), где экспонировались почти исключительно произведения 2000-х гг. Иными словами, современное искусство в версии ПЕРММ начнется 2000-ми или, как их еще называют, «нулевыми» годами. Есть также Центр современной культуры «Гараж», у которого нет своей коллекции, но имеются ресурсы для того, чтобы быть включенным в современный мировой выставочный контекст и проводить выставочную и просветительскую деятельность в России. Есть несколько десятков галерей, биеннале современного искусства, несколько фестивалей так называемого молодого искусства и государственная система управления современным искусством (sic!) – я имею в виду Государственный центр современного искусства, его филиалы и его премию «Инновация».

Казалось бы, достаточно разветвленная сеть, в которой тем не менее интересным образом оказались не представлены те ценности, которые позволяют современному искусству быть важным культурным символом и которые были проигнорированы в ходе судебного разбирательства по делу А. Ерофеева и Ю. Самодурова. Прежде всего, в работе перечисленных музеев и инициатив, связанных с современным искусством, почти не представлены исторические контексты неконвенционального, «безумного» жеста художника. Именно комментарии такого плана позволили бы реконструировать ту среду, по отношению к которой художник ставил свои вопросы, а также позволили бы зрителю увидеть более чем столетнюю историю художественных провокаций, их повторяющийся характер. Также можно сказать, что в описанной ситуации не поддерживается конкуренция интерпретаций произведений, которой можно было бы достигнуть издательской и экскурсионной деятельностью музеев. Т. е. визуальные и пространственные метафоры, найденные в искусстве, не переводятся на языки других интеллектуальных сообществ.

Если внимательно посмотреть на систему, связанную с производством культурных значений, сложившуюся на российской территории, то можно увидеть, что в ней возникают время от времени инициативы по развитию, обучению, продаже, организации искусства, но так и не появилось постоянных институций, фиксирую-

щих в текстах, событиях, хронике нерыночные ценности современного искусства. Безусловно, этими институциями могли бы быть музеи, специализированные библиотечные коллекции, специализированные издательства (книжные серии и периодические профессиональные или тематические, кому как больше нравится, издания), специальности или направления, кафедры, семинары в системе высшего образования. Только возникновение устойчивых «непередвижных», стационарных институтов обозначало бы для российского общества признание актуальности ценностей современной культуры, о которых шла речь ранее.

Однако в намеченной мной пунктиром сети институций нет конкурирующих между собой музеев современного искусства, а именно такая конкуренция отвечает свойствам современности и обеспечивает ситуацию, когда вместо Истории в культуре появляются истории во множественном числе. Также нет специальных аналитических журналов по вопросам современности, чья полемика обеспечивала бы жизнь ценностям современной культуры, а именно представляла в культуре воспроизводимую ситуацию, в которой бы существовало множество различных интерпретаций вместо интерпретации в единственном числе. Отсутствие публичной конкуренции коллекций означает невозможность фиксации событий символической жизни, которыми могли бы стать появление новых художников в пространстве истории искусства (или культуры), забвение только что прославившихся художников (и дискуссии с этим связанные), судьба незаслуженно забытых или обойденных славой вещей и имен и т. п.

Не случаен здесь и такой дискретный характер экспонирования искусства. Третьяковская галерея, отстранив А. Ерофеева от должности заведующего отделом новейших течений, поставила крест на его коллекции, в которой произведения конца 1950-х соседствовали с совсем новыми. Коллекция Л. Талочкина, хранящаяся в РГГУ, не участвует (или почти не участвует) в проектах других музеев. Организаторы новых музеев интереса к другим коллекциям также не проявляют и т. д. Все вместе это не позволяет увидеть, как современные формы культуры реализовывались в советском и российском культурных контекстах.

Конечно, можно по-разному объяснять отсутствие музеев современного искусства и условий для публичной демонстрации частных коллекций. Важнее всего здесь отсутствие доверия одних групп к другим, отсутствие заинтересованности одних групп (демонстрирую-

ших) в других (приглашенных), опасения, что такими жестами открытости будут спровоцированы недоверие, подозрительность, агрессия и ненависть. Парадоксальным кажется такое положение вещей, при котором и художники и коллекционеры находятся в ситуации закрытого субкультурного потребления, не испытывая дискомфорта и не мечтая о публичном признании. А ведь демонстрация сокровенных, спорных, «непонятных», провокативных и прочее мыслей есть акт открытости. Обеспечивать его должна система, защищающая право на демонстрацию таких проявлений и умонастроений, которая в российском современном обществе также находится, как принято говорить, «в кризисе».

Отсутствие экспозиций и самих музеев современного искусства и, к слову сказать, музеев кино — синематек как системы автономных, но взаимосвязанных институций в России оборачивается стерилизацией самой идеи истории «независимого искусства» или «искусства кино». Для моего изложения эта форма институционализации искусства крайне важна. Она существует на протяжении ста лет, показывая условия относительной, но все же реализуемой независимости искусства от индустрии и рынка. Скандалы вокруг Музея кино, инициированные председателем Союза кинематографистов, сегодня уже несколько позабытые, также можно рассмотреть как вытеснение из российской жизни независимых институций, устранение для российской публики самой возможности восприятия истории кино как искусства — во имя монополии рынка и рыночных критериев оценки кинопродукции. С точки зрения исследований культуры, для которых конфликт ценностей только и создает живой культурный процесс, эта политика довольно наивна: устранив институциональные условия нерыночных ценностей в представлениях о кино, рынок безусловно пострадал не меньше, чем любители или сотрудники закрытого, фактически устраненного со сцены московского Музея кино. Я имею в виду, что создание (благодаря показам образцов разных кинематографий, разного времени, разных типов) сложного контекста позволяет публике располагать и новую продукцию на шкале собственных предпочтений, не просто соглашаясь с единственным критерием «нравится — не нравится», а в более сложно устроенном «культурном поле» ожиданий, где собственные пристрастия зависят не только от потока телевизионной продукции и продукции массовой глянцевого прессы.

Подавление условий для возникновения новых институций лишает общество возможности

вписывать спорные события и их интерпретации в контекст истории искусства, понимаемой как история отвоевывания субъективной автономии в споре с (и между) различными группами и сообществами. Из этого следуют другие, дополнительные обстоятельства, облегчающие манипуляции и интерпретациями, и судьбами людей в рамках межгрупповых конфликтов.

Иначе говоря, нерыночные ценности (в данном случае ценности современной культуры) существуют в обществе, когда есть их представители и защитники и когда, если говорить об искусстве, они могут быть воплощены в музеях, исследовательских инициативах вокруг этих музеев, в сообществах критиков, связанных с профессиональными журналами, в инициативах и работе академического сообщества.

Дело вокруг выставки «Запретное искусство 2006» показало, что, оставшись один на один с представителями националистических и консервативных взглядов, объединенных в общественные организации, искусство в России 2010 г. оказалось бессильным не в последнюю очередь именно потому, что ценности современной культуры не представлены в системе отношений между культурными институциями и группами, а остаются «мерцающими», имплицитными, неявными, замалчиваемыми, провоцирующими к их игнорированию. Ценности, о которых говорила сторона защиты на процессе по делу о выставке «Запретное искусство 2006», никак не представлены в культурной топографии российского ландшафта.

Возможность обсуждать нерыночные ценности в музейном, библиотечном, академических сообществах также сведена в российском контексте к нулю. Не нужно питать иллюзий, будто бы дело о выставке — это маргинальный, крайний случай из чужой практики. Такое положение дел — следствие воспроизведения принципов советского понимания культуры как объекта управления, где и культурные институции, и их руководители мыслят себя зависимыми от распоряжений администрации, а не от смысла культурного развития и культурного процесса.

Условия медиа и проблема появления новых образцов. Еще один комплекс обстоятельств, влияющих на современную культурную ситуацию, — это появление и распространение в России новых средств коммуникации. Они затрудняют или почти блокируют ротацию или появление новых имен в художественном сообществе. Ситуация в этом поле довольно критичная, хотя группы, обновляющие процесс, и называются в российском контексте «молодое

искусство» и «молодые художники», для них организуются галереи и фестивали¹.

Я имею в виду, что обновление художественного сообщества происходит по возрастным параметрам, а не в связи с уникальностью опыта и способов его упорядочения, осмысления и предъявления. Этот механизм кажется крайне неудачным для культуры вариантом, потому что появление в символическом поле новых работников низшего звена, более лояльных и готовых на многое ради социального продвижения, не может заменить появление в искусстве новых языков и новых способов рефлексии, а значит — обеспечить современной культуре интерес общественности и профессионалов. Институты, осуществляющие сейчас посреднические услуги между желающими войти на рынок искусства и собственно рынком, по большей части играют роль инстанций отбора, фильтров, отсеивающих перспективных кандидатов из потока желающих. Тогда как другой способ — поиск искусства в неискусстве, который могли бы практиковать только институциональные формы, иные по своей природе по отношению к рыночным (музей, исследовательская, кураторская группа, причастная к музею, журналу и т. д., не буду повторяться), представлены в российской культуре гораздо слабее. Субститутутом поиска «искусства в неискусстве» выступает сегодня популярность, которая фактически, в контролируемой властями нынешней медийной ситуации, эквивалентна медиапродвижению или успеху в СМИ.

Вернемся к рассуждению о качествах современного искусства и к значению для понимания его свойств такого жанра, как перформанс. Искусство как перформанс — форма, в которой именно действие художника означает как символ. Устойчивое воспроизведение этой формы в мировой художественной практике на протяжении полувека является доказательством саморефлексии современного искусства и признания дискурса автономии, признания независимого социального действия как одного из центральных символов для современной культуры².

¹ В числе галерей молодого искусства, можно назвать галерею «Старт» на Винзаводе. В Москве проводится фестиваль, организованный ГЦСИ «Стоит! Кто идет?», в медиапространстве известны и художники-активисты, провозглашающие обновление искусства за счет политических идей (я имею в виду заявку на создание профсоюза группы воронежских художников с безусловным лидером А. Жилиевым, деятельность группы «Что делать?», художников, сгруппировавшихся вокруг галереи «Жир» на Винзаводе, и безусловных лидеров по популярности — группу или, лучше сказать, проект «Война»).

² В американской и европейской историографии существуют несколько попыток перформанс или действие художника сделать цен-

Поскольку данный текст — это комментарий к приговору, оглашенному 19 июля 2010 г. и к комментариям прессы по делу «Запретное искусство 2006», рассмотрим еще один медиаповод, сопровождающий репортажи о вынесении приговора. Вообще, заседания суда по этому делу вызвали не только некоторую гражданскую, но и художественную активность. Художница В. Ломаско фиксировала происходящее в зале Басманного суда в жанре комикса³. Несколько художников (группа «Война» и Андрей Кузькин) провели в зале суда и во дворе здания суда художественные акции. Самым популярным в прессе художественным событием, проведенным в зале суда, стала акция группы «Война» в день оглашения приговора. Художники пронесли и выпустили в здание суда несколько тысяч породистых тараканов (размер одного насекомого от 20-80 мм). Впоследствии в одном из интернет-блогов был выложен отчет о проделанной работе⁴.

Анализируя перформативное искусство 1990-х, документация которого была собрана А. Ковалевым в выпуске журнала WAM⁵, становится ясно, что к концу 1990-х гг. дискурс массмедиа полностью исчерпывает эффект воздействия художественных жестов, оставшихся в новейшей истории российского искусства в качестве известнейших перформансов. Я имею в виду тот факт, что сложные отношения документации (образа) и акции (действия) по результатам деятельности русских художников конца 1990-х решились как победа массовой коммуникации, а не архива. Память о самых скандальных перформансах новой России осталась в истории как цепь знаменитых образов, а не цепь знаменитых свидетельств, что обозначало бы акцент на семантической важности произошедшего, а не на его изображении, знаке. Таковы «Черный верх, белый низ» группы «Радек», таков портрет Осмоловского

тральным принципом истории современного искусства или искусства XX в. См., например, публикации и проекты американского историка искусства Роз Ли Голдберг (Rose Lee Goldberg), а также другие публикации, в частности: *Ursprung Ph. Performative Kunstgeschichte// Die Anti-Ästhetik der russischen Moderne*. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2006. S. 213–226. Выставочный проект «100 лет перформанса», в котором искусство XX в. представлено как непрерывная цепь художественных актов (куратор Роз Ли Голдберг) была показана и в Москве в арт-центре «Гараж» 19 июня — 26 сентября 2010 г.

³ Работы В. Ломаско о деле «Запретное искусство 2006» можно посмотреть на сайте конкурса «Рисуем суд»: <http://www.risuemsud.ru/processes/4/works/>

⁴ Официальный отчет об акции: <http://wisegizmo.livejournal.com/34053.html>

⁵ World art музей (WAM). 2007, № 28-29: Российский акционизм, 1990-2000 / [авт.-сост. Андрей Ковалев]. 2007.

на плече памятника В. Маяковскому на Триумфальной площади, многожды демонстрировавшиеся и на российских выставках и за рубежом. Причем нельзя сказать, что в искусстве советского времени не было практик, означающих действия — индивидуальных или скорее в соответствии с названием группы «КД» («Коллективные действия») коллективных. Отчеты об акциях группы «КД» можно увидеть на сайте Сергея Летова¹, также они были опубликованы в виде книг². По меньшей мере с середины 1970-х гг. действие как жанр практиковалось в искусстве советской эпохи. Группа «КД» до сих пор проводит свои акции. Искусство коллективных действий группы «КД» могло бы дать совсем иное направление русскому искусству, однако формулу, которая по сей день остается очень востребованной и актуальной, явным образом породил синтез художника и журналиста или даже — художника и публициста, а не соединение художника и мыслителя, художника и писателя (поэта). Различие между этими ролями можно было бы описать через различие в том, как ощущается художником поле действия. Для журналиста и публициста поле ограничивается рамками репортажа, его интересуют отношения созданного текста и его сегодняшнего понимания реальности, тогда как у художника — другого типа цепь его автономных действий формирует художественную стратегию, а впоследствии и включается в творческую биографию, также приобретающую символический статус.

Переходя собственно к вопросу, какова стратегия группы «Война» и в чем причина ее популярности, а также почему популярность группы «Война» свидетельствует о непопулярности перформативного искусства, заявленной мной в названии статьи, позволю себе сказать еще несколько слов о том, как могла бы выглядеть история искусства современной эпохи с точки зрения «истории действий» художников в XX в. Одна версия сейчас представлена в «Гараже», это выставка «100 лет перформанса», где выставки современного искусства с начала XX в. развернуты как серия спектаклей, зрелищ. Другую версию предлагает швейцарский искусствовед Филип Уршпунг³, это возможность

¹ Рубрика Коллективные действия на сайте Сергея Летова // <http://wiseigzmo.livejournal.com/34053.html>

² Монастырский А., Панитков Н., Алексеев Н., Макаревич И., Елагина Е., Кизевальтер Г., Ромашко С., Хэнсен С. (группа «Коллективные действия»). Поездки за город. М.: Ad Marginem, 1998; Монастырский А., Панитков Н., Макаревич И., Елагина Е., Ромашко С., Хэнсен С. (группа «Коллективные действия»). Поездки за город. 6-11 том. — Вологда: Герман Титов, 2009.

³ Ursprung Ph. Op. cit.

истории искусства как истории рискованных действий и решений. Еще одна версия истории могла бы быть историей биографий и автобиографий художников XX в., историей их асоциальных действий, где ценным для истории искусства становятся решения, игнорирующие «здоровый смысл», экономическую прагматику или «выбор большинства».

Что же произошло с перформансом как жанром в России 2000-х гг.? Меня прежде всего интересуют символические формы тех смещений, которые перформанс как художественная форма обрел в российском контексте, и их значения. Говоря об активности группы «Война», не нужно забывать, что главным источником информации о ней является интернет-контент: фотографии, репортажи, видеозаписи, произведенные для интернет-сервисов. Моя критика искусства, как его понимает группа «Война», состоит в том, что не критичность по отношению к массмедиа рождает поведение, определяемое законами средств массовой коммуникации, а это вступает в противоречие с ценностью автономного действия, актуализируемой перформансом. Самой известной акцией группы «Война» было изображение 60-метрового фаллоса на пролете моста напротив здания ФСБ, которое медленно поднималось, когда мост ночью разводили⁴. Действие «Войны» не автономно, оно в некотором смысле представляет собой эффект условий коммуникации в Интернете. Цель этого действия — создание новостного повода, события в ленте новостей и образа, иллюстрирующего ленту и готового для тиражирования в других средствах массовой коммуникации. С этой точки зрения можно проинтерпретировать произведенные образы и слоганы этой арт-группы, имеющие широкое хождение и высокие рейтинги просмотров в Сети. Отсюда и такая приверженность группы производству неприличных картинок. Нарушение табу как механизм современной культуры, актуальный на протяжении последних ста лет, в случае российского искусства 2000-х гг. превратился в нарушение изобразительных канонов и нормирования методов изображения. Пространство современного искусства в России снова воспринимается не как открытое пространство действия, а как стена для предъявления альтернативных способов репрезентации.

В 2000-е гг., если судить по отчетам и изображениям, произведенным группой «Война», актуальной является борьба за изображение пу-

⁴ Подробнее с деятельностью группы можно познакомиться в дневнике ее «продюсера» Алексея Плущера-Сарно // <http://plucer.livejournal.com>.

бличного пространства. Отчеты об акциях вызывают вопросы не о том, что происходило в связи с действиями художника, а о том, можно ли в средствах массовой информации или в музейном пространстве так изображать музей, супермаркет, мост, переход, суд и т. д., и где средства массовой коммуникации, в отличие от музеев, такое право получают. То, что делают художники группы «Война», с точки зрения Уголовного кодекса является мелким хулиганством, а с точки зрения изобразительных практик — покушением на каноны патриотического или идеологического изображения социальной реальности. Парадокс же сегодняшней культурной ситуации в том, что интернет-пользователи подарили такую популярность группе «Война» ровно за то же самое, за что объединение «Народный собор» подавало в суд на А. Ерофеева и Ю. Самодурова. Именно здесь можно зафиксировать поразительную солидарность. Этот факт фиксирует не столкновение различных взглядов, плюрализм в обществе, а наличие общего, солидарного, но не выговариваемого и не рефлексированного понимания искусства как конкуренции репрезентаций, где норма всеми узнаваема и существование нормы вопроса не вызывает.

Группу «Война» любят не за то, что они делают в обход существующим запретам какие-то абсурдные жесты (политические, радикальные, большой разницы в этом для нас здесь нет), а за то, что они производят образы, «имеющие провоцирующее воздействие на публику». Группу «Война» любят за «кошунственные картинки». В отчете, выложенном на сайте группы, можно увидеть, что в ночь проведения акции на Литейном мосту на нем (и на фоне изображения) фотографировались туристы. Даже в момент самой акции публика восприняла ее как создание грандиозного изображения, грандиозного памятника, на фоне которого привычнее всего запечатлеть себя на память для потомков. Самые знаменитые перформансы, связанные с группой «Война», появились в медиа именно как «кошунственные картинки» — непристойные, хулиганские, порнографические. Т. е. по-прежнему, несмотря на десятилетия, отделяющие сегодняшнюю культурную ситуацию от советского времени государственного контроля над методом репрезентации, общие условия государственного реализма оказались воспроизводимыми и действенными.

В одном видеосюжете активисты «Войны» заявили, что их деятельность — это политическая борьба средствами искусства¹. При

всем сочувствию политической борьбе этих граждан, для меня значимым снова оказывается прямое указание авторов на инструментализацию искусства. И для меня, как исследователя, разницы в том, чьим интересам собираются подчинить искусство, нет никакой. В разных социальных фактах вокруг современного искусства — возбуждении уголовного дела, политическом активизме с использованием художественных приемов, интерпретации произведений в прессе и в уголовном деле — я вижу факты инструментализации искусства и дефициты российского общества. Главным из них является дефицит права на автономию, автономное действие, автономную зону как одно из главных прав личности, спор о котором ведется в современной культуре и средствами современной культуры.

Дело о выставке «Запретное искусство», возбужденное в 2007 г. и закончившееся осуждением за разжигание межнациональной и религиозной розни куратора выставки и директора музея, предоставившего площадку, а также другие случаи уголовного преследования художников по статье 282 (А. Тер-Оганяна, Олега Мавроматти) продолжают влиять на политический климат актуальных процессов в культуре. Подследственными в деле о выставке «Запретное искусство» оказались довольно разные люди, коллеги, представители правозащитного сообщества и художественного сообщества, которым пришлось устанавливать отношения и между собой, и между сообществами, к которым они принадлежат. В обычной жизни они крайне разобщены, фрагментированы, как и различные узкие или тесные кружки, где сегодняшний россиянин обычно находит себя (коллеги, семья, ближний круг).

Уголовное преследование снова появилось в русской практике как реальный горизонт современной профессиональной деятельности куратора (читай, директора музея, исследователя, главного редактора и т. д.), с которым теперь эксплицитно или имплицитно соотносят себя действующие актеры художественной сцены. А условия работы средств массовой коммуникации (коммуникации между группами, в недостаточной степени рефлексированной самим искусством) могут играть роль блокаторов, а не передатчиков различных позиций, требующих согласования, и тем самым превращать различные группы в «общество зрителей» и только лишь зрителей.

¹ Запись пресс-конференции выложена в персональном потоке на сервере you tube // <http://www.youtube.com/user/ssantoss00>.

Алексей СИДОРЕНКО

Настоящее и будущее российского Интернета: существующее положение, региональная проекция, перспективы

В ближайшее десятилетие Интернет станет наиболее важным новым фактором, оказывающим влияние на общественную политическую ситуацию в России. Пока и общество, и государство только осваиваются с новой технологией, пробуя новые и старые механизмы для связи между собой. Государство пытается навязать виртуальной сфере элементы контроля, однако не всегда удачно. Сама виртуальная среда выступает весьма агрессивной, но при этом креативной средой, в которой создаются и разрушаются гражданские и protoгражданские образования. Подверженное манипуляциям, с весьма низкой культурой сетевого общения, информационное пространство Интернета заставляет многих аналитиков задуматься: способно ли оно внести изменения в социальный и политический строй государства или, как и другие сферы, будет взято под контроль государством.

Существующее положение. На данный момент Интернетом пользуются около 35–38%¹ россиян, при этом начиная с 2006 г. активно развивается широкополосный доступ в Интернет, а с 2008-го — в мобильный Интернет. Сегодня уровень проникновения мобильного Интернета составляет 20%², и этот показатель постоянно растет. Несмотря на высокие темпы роста, проникновение Интернета отстает от большинства европейских стран³. В последние годы широкое распространение получили блоги и социальные сети, охватывающие около 80% пользователей российского Интернета.

В отличие от традиционных СМИ интернет-издания относительно свободны, хотя начиная с 2010 г. давление со стороны государства на свободу слова в Интернете значительно усилилось (увеличилось число обвинительных приговоров блогерам по экстремистским статьям, Роскомнадзор получил право выносить предупреждения сетевым СМИ за анонимные комментарии, что повлекло переход сайтов на

режим предварительной регистрации, и т. д.). Крупнейшие интернет-порталы уже догнали некоторые федеральные телеканалы: дневная аудитория Яндекса составляет 24–26 млн⁴ чел., «В контакте» — 20 млн чел⁵. Период, когда интернет-аудитория не превышала статистической погрешности, закончился.

Анализ преследований блогеров и интернет-фильтрации показывает серьезное ухудшение ситуации со свободой слова в Интернете за последние несколько лет. С января 2009 г. по май 2010-го было начато 17 уголовных дел против блогеров⁶, при этом совершено 11 арестов. Не считая нападений на блогеров (иногда, как в случае с Олегом Кашиным), это были журналисты-блогеры, профессиональная деятельность которых успешно совмещалась с менее формальной сетевой активностью. Наиболее серьезный срок, полученный блогером, — два года колонии-поселения Иреку Муртазину, политику и блогеру из Татарстана.

Все социальные сети и крупные интернет-издания так или иначе связаны с крупными российскими бизнес-структурами. В мае 2010-го Алишер Усманов владел 50% компании «СУП» (оператор крупнейшей российской блог-платформы «Живой журнал»), а также 35% компании Digital Sky Technologies (владеет «Одноклассниками», «В контакте», а также рядом пакетов акций других социальных сетей по всему миру). Михаилу Прохорову принадлежал крупнейший новостной ресурс «РосБизнесКонсалтинг», Владимиру Потанину — 19% акций «Рамблера», «Газпром-медиа» — RuTube, российский аналог YouTube.

Российская блогосфера насчитывает более 7,4 млн блогов (в 2008 г. их было почти в 2 раза меньше — 3,8 млн)⁷. Около 93% русскоязычных блогеров проживают в России, при этом 7% приходится на диаспору.

⁴ <http://advertising.yandex.ru/advertiser/research/tns.xml>

⁵ <http://www.liveinternet.ru/rating/ru/meeting/day.html>

⁶ Расчеты автора.

⁷ http://download.yandex.ru/company/yandex_on_blogsphere_spring_2009.pdf, просмотрено в мае 2010

Четыре основные блог-платформы (LiveJournal, LiveInternet, Blogs.Mail.ru и Ya.ru) концентрируют 76% всех блогов на русском языке¹. «Живой журнал» продолжает доминировать, прежде всего за счет того, что на нем размещается подавляющее большинство блогеров, пишущих на общественно-политические темы.

Интернет в крупных городах. Особый интерес представляет развитие Интернета в городах России. Несмотря на то что Москва и Санкт-Петербург концентрируют большинство пользователей Интернет и блогеров², это соотношение быстро меняется. Автором статьи была предпринята попытка посчитать информационное развитие городов.

Методика оценки информационного развития основана на его понимании как сложносоставного процесса улучшения инфраструктуры и условий доступа к Интернету, улучшения отображения города в информационном пространстве, увеличения числа пользователей Интернета, в том числе создателей содержания интернет-сайтов, улучшения качества создаваемой информации. Анализ этого компонента развития городов был структурирован по следующим направлениям:

- инфраструктурный аспект (развитость интернет-рынка в городе): количество пользователей (отражает существующее состояние инфраструктуры), условия доступа и пользования, в том числе конкуренция на рынке предоставления интернет-услуг и цены на широкополосный доступ в Интернет;

- информационно-рефлективный аспект (представленность города в интернет-пространстве): цитируемость (упоминания в Интернете), интерес к городу в поисковых системах (запросы пользователей), наличие сайтов, влияние которых распространяется за пределы региона;
- креативный аспект (развитость интернет-сообщества в городе): наличие активных пользователей сети, для которых Интернет не только средство получения информации и общения, но и средство самовыражения; наличие интернет-сообществ (форумы, блоги, группы обсуждений в социальных сетях).

Из анализа были исключены Москва и Санкт-Петербург – их лидерство в период бурного роста было неоспоримым и будет таковым еще долго. Но оно не будет длиться вечно

благодаря диффузии инноваций в менее крупные города: по данным Spylog, в марте 2008-го 61% всех пользователей жили в двух столицах, а в октябре 2009-го только 50% пользователей российского имели московскую или санкт-петербургскую прописку. Интернет распространяется по стране, и доля столиц естественным образом уменьшается. В последние годы наиболее быстро росли города-миллионеры, на втором месте – крупные города с населением от 0,5 до 1 млн человек. Из нашей выборки медленнее всего росли города с численностью населения от 200 до 500 тыс. человек (см. табл. 1).

Таблица 1
ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЙ АУДИТОРИИ ИНТЕРНЕТА В ГОРОДАХ РОССИИ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

Группы городов по численности населения	Число пользователей Интернета		
	март 2008	окт. 2009	Разница в %
Москва и Санкт-Петербург	11,3	18,7	165
Города-миллионеры	2,96	7,08	239
0,5–1 млн	3,03	6,76	223
0,5–0,2 млн	1,84	2,65	144
ИТОГО	19,2	35,2	184

Источник: Spylog, LiveInternet, расчеты автора

При этом стоит отметить и асимметричность (очевидно, временную) российской блогосферы.

Москвичи занимают 67% (134 блогера) в Топ-200 (рис. 1). На втором месте – Санкт-Петербург, затем Киев (русскаяязычный сегмент Интернета распространяется не только на Россию, но и на всю «русскоязычную ойкумену»).

Рисунок 1
ПРОИСХОЖДЕНИЕ 200 САМЫХ ПОПУЛЯРНЫХ БЛОГЕРОВ РУССКОЯЗЫЧНОГО СЕКТОРА ИНТЕРНЕТА (расчеты – анализ Яндекс топ-блогов, ноябрь 2009, в %)

¹ http://download.yandex.ru/company/yandex_on_blogosphere_spring_2009.pdf, просмотрено в мае 2010-го.

² Около 67% топ-блогеров живут в столице – <http://habrahabr.ru/blogs/blogosphere/76734/> просмотрено в мае 2010-го

Асимметричность русскоязычной блогосферы повторяет асимметричность России и постсоветского пространства во многих других сферах (например, удалось установить, что среди депутатов Госдумы последнего созыва доля москвичей – около 50%, а петербуржцев – 40%). Многие из топ-блогеров, работающих в Москве, – это нанятые блогеры, работающие на PR-агентства, или писатели, ведущие блог в качестве дополнения к основному творчеству. С другой стороны, важен эффект масштаба, когда даже весьма популярным нестоличным блогерам не удается обойти московских или Санкт-Петербургских сетевых писателей из-за невозможности набрать достаточно большое число заинтересованных пользователей.

Согласно последним данным Spylog, Москва концентрирует значительно меньшую долю русскоязычных пользователей по сравнению с предыдущими годами. Раньше доля столицы превышала половину, а в октябре 2009 г. ее доля составила около 35,5% и продолжает снижаться. Население Москвы – это 7,4% всего населения России и 6,4% всего русскоязычного населения.

Причиной подобной асимметрии является устоявшаяся структура российского медиапространства. Люди привыкли смотреть новости на федеральных (московских) ТВ-каналах (ситуация с радио и газетами несколько иная, локальный фактор играет более важную роль). Аналогия с ТВ напрашивается, свои привычки нестоличные жители приносят и в блогосферу.

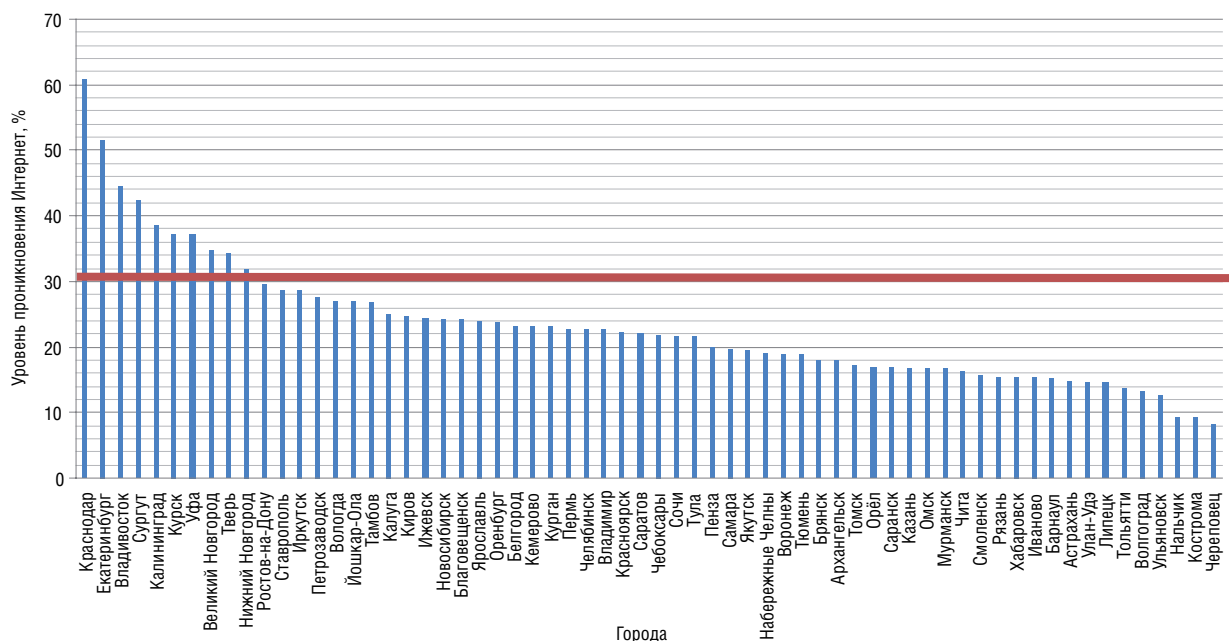
Хотя такой фактор, как динамика развития ШПД (широкополосный доступ в Интернет), имеет большое значение – в Москву *массовый* широкополосный доступ пришел в 2002–2003 гг., а в крупные города двумя годами позже. За счет подобного лага в Москве успели сформироваться блогерские (главным образом, ЖЖ) сообщества со своими знаменитостями и своей иерархией авторитетов. Позднее эти структуры спроецировались на общерунетовский ландшафт.

По мере снижения доли москвичей в общей аудитории русскоязычного Интернета снизится и доля столичных блогеров. Однако следует отметить и противоположную тенденцию – поддерживаются центр-периферийные различия, что ведет к сохранению высокой доли столичных блогеров.

Условия развития сетей подключения к Интернету неравны в разных городах, но неравенство это не настолько сильное, как в других сферах (например, в социально-экономическом развитии). Базовое неравенство заключалось в положении города относительно телекоммуникационных магистралей, идущих вдоль железнодорожных магистралей и/или линий электросвязи. В худшем положении оказывались города с плохим ТПП, наиболее оторванные «от континента». В нашей выборке подобных городов всего два – Норильск и Якутск.

Хотя и с некоторыми оговорками, но можно сказать, что города начинали «с чистого листа». Неравенство базировалось на двух фак-

Рисунок 2
УРОВЕНЬ ПРОНИКНОВЕНИЯ ИНТЕРНЕТА В ГОРОДАХ РОССИИ (2009)

Источник: Spylog.ru, LiveInternet.ru, Росстат, расчеты автора

торах: наличия квалифицированных кадров, способных участвовать в проведении инноваций, и инфраструктуры (оптико-волоконных каналов связи, проводимых либо вдоль ЛЭП, либо вдоль железных дорог). На втором этапе (с 2000-х гг., особенно с 2005-го) решающую роль играл платежеспособный спрос. Труднее всего оценить субъективные факторы неравенства, а именно наличие инициативных бизнесменов и конкурентной среды, что обеспечивало снижение барьеров (главным образом цены) на подключение к Интернету. Важен и социокультурный фактор: как показало исследование креативного аспекта развития Интернета, более активная виртуальная жизнь происходит в городах, близких к Европе и испытывающих влияние информационно-развитых стран (Калининград, а также другие города СЗФО).

Факторы информационного развития. Подытожив, можно говорить о том, что базовыми критериями для процессов информационного развития в городском измерении являются размер города и его географическое положение, влияет также статус города и функциональный тип (промышленный или более сервисный). Интернет наиболее активно распространяется в крупнейших городах России, информационное развитие имеет высокую корреляционную связь с численностью населения (коэффициент корреляции Пирсона – 0,69).

Немаловажным фактором является также наличие образовательных центров (например, в Иркутске, Томске, Новосибирске). Повышенный вклад образовательных центров в информационное развитие обусловлен тем, что студенты и население с высшим образованием в большей степени пользуются Интернетом, а государство финансирует развитие ИТ-сектора для вузов. Кроме того, первые сети Интернета создавались между академическими центрами и использовались в научных целях.

Доходы и уровень жизни населения в большинстве крупных городов слабо влияют на информационное развитие (табл. 2), так как они различаются несущественно, за исключением Москвы и северных городов экспортно-сырьевой специализации.

Для информационного развития значимо географическое положение города относительно мировых информационных центров – развитых стран Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона. В некоторых городах Северо-Запада с относительно небольшим населением среди изучаемой группы городов (200–350 тыс. чел.) уровень развития Интернета близок к европей-

скому (Калининград, Великий Новгород, Вологда). Владивосток испытывает позитивное влияние Азиатско-Тихоокеанского информационного центра (Япония, Республика Корея).

Таблица 2

КОЭФФИЦИЕНТЫ КОРРЕЛЯЦИИ ПИРСОНА ИНТЕГРАЛЬНОГО ИНДЕКСА ИНФОРМАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ С РАЗЛИЧНЫМИ ПОКАЗАТЕЛЯМИ

	Коэффициент корреляции Пирсона
Численность населения города	0,69
Оборот розничной торговли, душевой	0,25
Средняя заработная плата	0,05
Ввод в действие жилых домов на 1000 чел.	0,21
Близость к Москве	-0,15

Близость к Москве не является значимым фактором, влияющим на доступность Интернета. Переток капитала из Москвы в Московскую область и в граничащие с ней регионы приводит к росту доходов населения и, как следствие, к повышению уровня цен на Интернет в этих регионах, что делает его менее доступным (относительно средней заработной платы) по сравнению с регионами и городами Урала или Поволжья. В Южном федеральном округе доступность Интернета крайне неравномерна. С одной стороны, информационно развит Краснодар с самым высоким показателем проникновения Интернета (лидирующие позиции города в начале 2000-х гг. связаны с его функцией хаба телекоммуникационных магистралей из Турции и Южной Европы) наряду с Ростовом-на-Дону, Сочи и Новороссийском. С другой стороны, столицы республик Северного Кавказа являются самыми проблемными по доступности Интернета (табл. 3).

Таблица 3

Медианные средние значения доли стоимости Интернета в заработной плате по федеральным округам

Федеральный округ (ФО)	Медианная средняя доля стоимости Интернета в заработной плате, %
Дальневосточный ФО	13,2
Южный ФО	11,2
Сибирский ФО	8,8
Северо-Западный ФО	6,9
Центральный ФО	5,8
Уральский ФО	5,2
Приволжский ФО	5

Источники: данные провайдеров (собраны и обобщены автором на основе данных сайтов компаний); Росстат

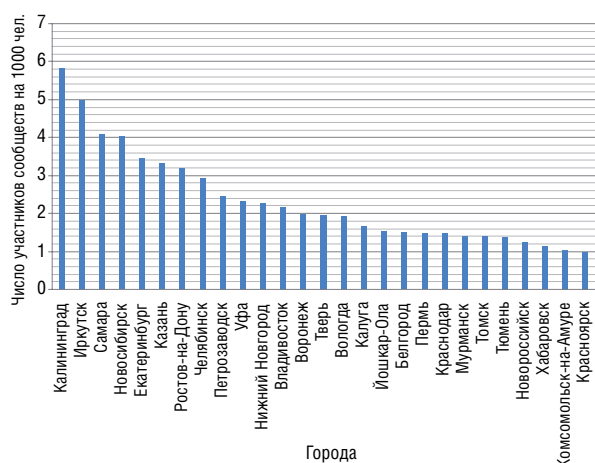
Интернет более развит в полифункциональных городах и региональных центрах, за исключением столиц северокавказских республик. В более крупных из них лучше условия доступа в Интернет, как в абсолютном, так и в относительном измерении (табл. 4).

Таблица 4
МЕДИАННЫЕ СРЕДНИЕ ЗНАЧЕНИЯ ДОЛИ СТОИМОСТИ ИНТЕРНЕТА В ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЕ ПО ГРУППАМ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДОВ

Группы городов по численности населения	Медианная средняя доля цены за Интернет от зарплаты, %
Более 1 млн	3,6
500 тыс. – 1 млн	5,2
400–500 тыс.	5,6
300–400 тыс.	7,4
200–300 тыс.	8,8

Промышленная специализация повсеместно замедляет информационную модернизацию, а в промышленных городах Сибири и Дальнего Востока (Норильск, Комсомольск-на-Амуре, Прокопьевск и др.), где специализация дополняется удаленностью от основных телекоммуникационных магистралей, Интернет наименее развит. Даже среди крупнейших городов выделены города с относительно низким уровнем доступности Интернета – например, Омск или Тольятти, что может объясняться замедленной модернизацией потребностей населения крупных центров с доминирующей индустриальной специализацией.

Рисунок 3
ГОРОДА-ЛИДЕРЫ ПО ЧИСЛЕННОСТИ УЧАСТНИКОВ СОБЩЕСТВ В РАСЧЕТЕ НА 1000 НАСЕЛЕНИЯ

Источник: LiveJournal.com, расчеты автора

Промышленная специализация городов замедляет информационное развитие по двум основным причинам: а) более низкий уровень образования занятых в промышленности (преобладание занятых со средним и начальным профессиональным образованием), чем в секторе услуг крупных городов; б) низкая инновативность большинства отраслей российской промышленности.

Основные тенденции. Можно говорить о следующих тенденциях Российского информационного пространства, которые максимально проявятся в следующее десятилетие:

- Рост влияния Интернета как источника информации, пространства общественной и политической мобилизации. Будет происходить как рост доверия к Интернету, так и перенос многих офлайн-видов деятельности (политическая агитация, маркетинг, гражданские инициативы) в виртуальную среду.

- Все более возрастающая законодательная и фактическая регуляция Интернета. Скорее всего, обретут законодательную форму уже существующие практики блокирования информационных ресурсов и давления на блогеров. Власти будут стараться приравнять виртуальную сферу к «реальной» («офлайн-овой») ситуации со всеми вытекающими механизмами цензуры, давления и механизмами субординации/наказания. Фактическое регулирование также получит свою институционализацию – появится свое отделение ФСБ, МВД, возможно прокуратуры. Не исключен «белорусский сценарий» – создания отдельного агентства по делам Интернет (впрочем, полностью повторить белорусский опыт вряд ли удастся – обязательная регистрация всех ресурсов едва ли возможна в России).

- «Суверенизация» Интернета – первые кириллические домены, стартовавшие в мае 2010-го, будут использоваться государственными службами и многими сайтами, однако велика вероятность, что использование их будет ограничено в силу технических трудностей. Так или иначе тренд на «обособленность» (или по-другому «эмансипацию») «Русского Интернета» будет продолжен. В рамках этой же тенденции следует воспринимать и подобные «модернизационно-изоляционистские» проекты, как национальный файервол (система фильтрации интернет-сайтов, как в Китае), национальная Силиконовая долина, национальная поисковая система и т. д. Может показаться, что Путин (в отличие от Медведева) сознательно игнорирует Интернет, однако это

впечатление обманчиво – министр связи Игорь Шеголев, активно выступает за изменение не только внутрисервисного контроля за инфраструктурой Интернета, но и за изменение глобальной системы его регулирования¹.

- Отдельным вниманием со стороны властей будут пользоваться поисковые системы и другие средства информации с наибольшей аудиторией. Можно ожидать введения законодательного регулирования поисковых систем. Весьма вероятным может быть объявление их «стратегической» отраслью с запретом участия иностранного капитала. Уже сейчас предпринимаются попытки создания национального поисковика, что в течение 10 лет точно получит продолжение.

- Развитие электронного правительства и госуслуг продолжится, но будет заторможено (по сравнению с другими странами) институциональной структурой российской бюрократии и внутренним противостоянием в косной среде российских чиновников. Электронное правительство изначально призвано бороться с коррупцией. Это понимают и коррупционеры в правительстве, всячески препятствуя введению новых технологий в государственное управление.

- Плохое состояние инфраструктуры сыграет не в пользу России. Правительство и частные компании также постараются работать на развитие инфраструктуры, однако в России это будет более затратно и медленно, чем в других странах. К 2020 г. проникновение Интернета будет ниже, чем у соседей по Восточной Европе, с одной стороны, и Китая – с другой, но выше, чем в странах Кавказа и Центральной Азии. Кроме того, уже сейчас можно выделить слабые места информатизации: промышленные города и столицы северокавказских республик, где цифровой барьер (digital divide) будет особенно ощутим.

- Государство станет преодолевать цифровой барьер путем ввода различного рода «субсидируемых» тарифных планов (уже известны «Социальный тариф» и «Социальная розетка»), предполагается, что они будут продвигаться, но, видимо, не окажутся популярными в силу их очевидной ограниченности (уже сейчас эти тарифные планы предполагают ограничение доступа к некоторым сайтам).

- Общественные группы и отдельные пользователи будут реагировать на инновации правительства следующим образом: переходить

на зарубежные службы и хостинги, а также использовать службы анонимизации. Подобный пример произошел после того, как «Живой журнал» приостановил работу независимого блогера из Челябинска Александра Назарова (ЖЖ-ник pilgrim_67, который в течение нескольких дней перевел всю систему публикации на альтернативные платформы, такие как blogspot.com, lj.rossia.org и другие).

- Общественные кампании в Интернете выйдут на новый уровень, привлекая больше участников и большие аудитории. Будут формироваться территориально-разделенные сообщества гражданского общества, собирающиеся от случая к случаю. Катализатором рождения такого рода самоорганизации будут как стихийные бедствия (как например, пожары в 2010-м), так и недовольство неэффективной политикой властей (например, антимилицейская кампания, живо поддерживаемая блогосферой). Следует отметить появление таких проектов координации гражданской активности, как demostator.ru, taktaktak.ru, streetjournal.ru и другие.

- Интернет станет площадкой для рождения новых политических лидеров. Наиболее близкий пример – Алексей Навальный (ЖЖ-ник navalny). Юрист и правозащитник, прославившийся своими интернет-расследованиями по всей России, набрал на виртуальных выборах мэра города Москвы 30 тысяч голосов интернет-пользователей, не прибегая к какой-либо офлайн-агитации². Сумма проголосовавших значительно превышает число депутатов Московской Городской Думы, утвердивших нынешнего московского мэра Сергея Собянина. Из этой ситуации можно сделать следующий вывод: случись в России восстановление демократической избирательной системы, нынешние и будущие интернет-лидеры смогли бы оказать существенную (если не решающую) конкуренцию «традиционным» политикам.

- Государство будет пытаться заменить демократические политические институты более контролируемые интернет-формами взаимодействия с обществом (заявление Медведева о «прямой интернет-демократии»³). С одной стороны, информационные технологии несколько улучшают обратную связь с государством и канализируют недовольство, однако приравнивание обратной связи к «демократии» будет и дальше эксплуатироваться с целью консервации системы.

¹ См. подробности здесь: <http://www.bit.prime-tass.ru/news/show.asp?id=76505&ct=Telecom>

² <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1512620>

³ <http://www.rian.ru/society/20100528/239678643.html>

Основные сценарии: между Эстонией и Китаем. Множественность альтернатив развития российского Интернета можно свести к следующему примеру: с точки зрения взаимоотношений общества, технологии и государства, у России есть две страны-соседа, можно сказать, два полюса. Они же представляют собой два возможных пути для России. Это — Эстония и Китай. В обеих странах заметна модернизация, и информатизация является важной ее составляющей. Однако если в Эстонии ее можно назвать «либеральной», то для Китая характерна модернизация «авторитарная». Скорее всего, Россия окажется к концу десятилетия где-то посередине. Рассмотрим как два полярных сценария, так и наиболее вероятный, инерционный сценарий.

1. Оптимистичный сценарий: Россия 2.0. (эстонский вариант) Получают успех «медведевские» инициативы по модернизации и информатизации. Мобильные операторы получают карт-бланш на развитие беспроводного Интернета (на данный момент инициативы наталкиваются на серьезное противостояние со стороны Министерства обороны, что связано с конкуренцией в борьбе за радиочастоты); это подводит уровень проникновения Интернета до 70-80%. Государство приостанавливает преследование блогеров или ограничивает его только до неонацистских/исламистских групп, не пытаясь фильтровать Интернет. Удастся прорвать блокаду чиновников на местах и вывести электронные госуслуги на новый уровень, повышая их действенность и меньшую завязанность на конкретных представителях государства. Государство действует в философии Gov 2.0. Интернет и информационные технологии используются для борьбы с коррупцией. Появляются проекты, посвященные независимому анализу официальной информации (как например rosspending.ru, созданный под эгидой ИНСОРа). Региональная власть и силовики также стремятся к открытости и предоставляют больше каналов для обратной связи путем выхода в социальные сети и действительно и своевременного реагирования на социальные кампании. Структуры онлайн гражданской активности помогают в борьбе с коррупцией и усиливают прочность госсистемы.

Следует уточнить, что данный сценарий возможен только в связке с демократизацией политической системы. В изолированном виде, без политической реформы, «Россия 2.0» не может быть создана.

2. Пессимистичный сценарий: «электронный занавес» (китайский вариант). Интернет рассматривается как угроза, и его использование резко ограничивается. Блокируются все инфраструктурные проекты, уровень проникновения Интернета не превышает 40% и постепенно сокращается. Силовики полностью запрещают развитие мобильного Интернета (путем запрета на использование частот). Вводится «Белорусский сценарий» — обязательная регистрация сайтов в зоне «.ру», сертифицирование хостинг- и интернет-провайдеров, упрощение процедуры блокирования ресурсов, усиление контроля над Яндексом и выдавливание Google с рынка, при попытках создания собственного национального поисковика. Не исключено региональное блокирование — т. е. сайты или платформы будут заблокированы только для некоторых регионов. Также не исключена инсталляция файрвола наподобие китайского и преследование программ, обходящих его. Будет проведено несколько показательных процессов над наиболее радикальными блогерами. Травля, взломы блогов и DDOS-атаки против оппозиционных ресурсов, а также «простое» физическое насилие будут негласно санкционированы. Любые попытки гражданской самоорганизации (включая неполитическую) будут атакованы как снаружи путем давления, так и изнутри путем манипуляций и т. д.

3. Инерционный сценарий. Государство не имеет четкой стратегии. Сочетается и оптимистический, и пессимистический сценарий. С одной стороны, медленными темпами пытается обособливаться от остального Рунета. Продолжаются пробы пера в плане блокирования интернет-ресурсов, идущие параллельно с предложениями о «прямой интернет-демократии». Электронное правительство улучшается только в косметическом смысле, но полное внедрение все так же буксует. Преследования блогеров носят эпизодический характер и случаются в основном в регионах, но не в Москве или Санкт-Петербурге.

Структуры гражданской активности полностью переносятся в Интернет и там расцветают, создавая параллельные структуры правительства. На фоне все ухудшающейся эффективности государства они получают развитие и образуют устойчивую сеть, построенную на доверии и солидарности. Государство относится враждебно, но не знает, что делать с подобными движениями, так как политических лозунгов они не выдвигают.

Любовь БОРУСЯК

Чтение как ценность в среде молодых российских интеллектуалов

Снижение ценности чтения в современном российском обществе воспринимается как факт, причем оцениваемый однозначно негативно. Вместо «самой читающей страны в мире» гуманитарные элиты стали называть Россию «обществом телезрителей», т. е. не самостоятельными субъектами, а пассивными объектами воздействия со стороны государства и подвластных ему СМИ. Уход со сцены интеллигенции как авторитетного социального субъекта, задающего культурные нормы, уменьшение социальной активности во всех социальных сферах, динамика социально-политических процессов, упрощение и атомизация социальной структуры — все это способствовало тому, что роль книги и чтения в обществе очень существенно снизилась¹.

Данные всероссийских опросов Левада-Центра показывают, что резко упали тиражи журналов, сокращаются размеры домашних библиотек, чтение становится все более маргинальным занятием. Действительно, за 19 лет — с 1990-го по 2009 г. число взрослых жителей России, читающих книги не реже 2-3 раз в неделю, сократилось с 29 до 22%, а тех, кто никогда их не читает, возросло с 19 до 36%, т. е. удвоилось². Всего за девять лет — с 2000-го до 2009 г. удвоилась и доля тех, кто никогда не покупает книги — с 30 до 60%, а вот число тех, кто приобретает книги регулярно за то же неполное десятилетие уменьшилось с 12 до 4%³. При этом 90% жителей России почти никогда или вообще никогда не посещают библиотеки, более 60% не берут книги у друзей и знакомых и 90% не скачивают книги из Интернета⁴.

¹ Эти процессы подробно рассмотрены в книге Б.В. Дубина и Л.Д. Гудкова «Интеллигенция: Заметки о литературно-политических иллюзиях» (Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2009), а также в многочисленных работах Б.В. Дубина и Н.А. Зоркой. См., например: Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Чтение — 2008: тенденции и проблемы. М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2008.

² «Общественное мнение — 2009». Ежегодник. М.: Левада-Центр, 2009. С. 134.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 134–135.

Из сакральной ценности — книга в доме показатель культуры семьи — книги все больше превращаются в обычный товар. Вот почему треть покупателей книг (34%) после прочтения выбрасывают их либо отдают друзьям или родственникам, чтобы те прочли и выбросили. Такое отношение к книгам — новое явление в нашей культуре. В результате всех этих процессов доля людей, не имеющих дома книг или имеющих случайный набор менее чем из 100 книг, выросла за последние 15 лет с 58 до 70%⁵.

Однако процессы перехода от одной системы ценностей к другой, разложение старых культурных кодов, как правило, происходят постепенно, затрагивая не все группы одновременно и в равной степени. В данной статье проводится анализ отношения к книге и чтению в переходной группе — представителей столичного среднего класса и в группе, по-видимому в наибольшей степени сохраняющей интеллигентские ценности, молодой столичной интеллектуальной элиты.

Книга и средний класс: на примере отношения молодых родителей к детскому чтению. Для того чтобы в общих чертах понять, какую ценность имеют литература и чтение для современных представителей (точнее, представительниц) среднего класса, обратимся к форумам популярного интернет-портала, участники которого высокообразованные, обеспеченные представительницы среднего класса, в возрасте 30–40 лет, преимущественно проживающие в Москве. Я отследила все записи, касающиеся этой тематики за 2009–2010 гг. Всего различных постов за это время появилось более 5 тысяч, но тематика книги и чтения, как правило, отсутствовала, а значит, чтение не является существенной частью жизни представительниц среднего класса. Лишь изредка попадаются просьбы посоветовать почитать что-нибудь «легкое, приятное и ненапряжное»⁶. Создается впечатление, что

⁵ Там же. С. 136.

⁶ Здесь и далее все высказывания отдельных лиц даются курсивом.

для них самих чтение не представляет особого интереса, практически не проблематизируется, оставаясь только возможностью приятно отдохнуть от профессиональных дел и забот.

Участницы обсуждений на этом портале придают огромное значение воспитанию своих детей. На родительско-детских форумах, которых очень много, ежедневно появляются десятки записей, касающихся буквально всех сторон жизни: выбора школы и вуза; состояния здоровья детей; многочисленных внешкольных занятий (музыка, рисование, спорт); вопросов, связанных с обучением в школе и вузе; психологических проблем взаимодействия родителей и детей; обсуждения темы «ребенок и компьютер (телевизор)»; покупки одежды и учебников; конфликтов между учителями и детьми, старшими и взрослыми детьми в семье, одноклассниками; организации праздника ребенку (или классу) и проч.

Разнообразие обсуждаемых проблем безгранично, хотя есть явно приоритетные. В первую очередь это относится к правильному выбору школы, поскольку для представителей группы очевидно: сильная школа дает ребенку хорошие возможности, чтобы успешно построить свою будущую жизнь и сделать карьеру, массовые же школы, которые презрительно именуют «дворовыми», как вариант практически не рассматриваются. Поскольку для этой группы родителей развитие детей, их будущее является приоритетной ценностью, я решила выяснить, насколько здесь проблематизируется проблема детского чтения. Иными словами, считают ли представительницы среднего класса выбор книг для детского чтения, решение проблемы отсутствия у детей интереса к чтению важными, ценностно окрашенными. Я проанализировала несколько тысяч постов и комментариев к ним за тот же период — 2009–2010 гг., чтобы выяснить: действительно ли такая проблема активно обсуждается? Я предположила, что выбор сильной школы как залог успешного будущего может сочетаться, составлять устойчивую пару с представлением о том, что успешный в будущем ребенок должен много читать, причем не просто читать, а читать «правильные», т. е. одобренные сообществом книги.

Первая же запись, касающаяся детского чтения, была такой: ее автор сетовала, что современная школьная программа стала чрезвычайно сложной, практически недоступной для детей. Второклассников заставляют учить наизусть стихотворение, половина слов которого недоступна пониманию восьмилетних детей,

и это безобразие, поскольку вся нагрузка по разъяснению непонятных слов падает не на учителей, а на родителей. И вообще, делает вывод автор записи, надо отказаться от таких произведений в пользу более современных, простых и понятных. Что касается текста, то это был хрестоматийный отрывок из «Евгения Онегина»: «Зима!.. Крестьянин, торжествуя...». В нем автор поста выделила полужирным шрифтом слова, неизвестные и ненужные, как она считает, современному ребенку: «торжествуя», «дровни», «почуя», «плетется», «рысью», «бразды», «взрываю», «кибитка», «удалая», «жучка» и проч. Таких слов в этом отрывке оказалось ровно половина, если не принимать во внимание предлоги и союзы.

Приведенное мнение можно воспринимать просто как забавный казус, но в нем отражается действительно серьезное изменение ситуации: русская классическая литература, считавшаяся сакральным отражением национальной культуры, десакрализована. Для вполне образованных молодых женщин, а не только для их детей, это уже просто набор текстов, не несущих особой ценностной нагрузки, но более или менее удачных. В данном случае текст был воспринят как неудачный, потому что оказался непонятным. Даже пушкинский текст — а фигура Пушкина до сих пор еще воспринимается как главный символ русской культуры — перестает нести на себе какие-то ценностные нагрузки, и это очевидное свидетельство происходящих изменений, ухода старой ценностной системы.

Анализ всех записей на родительско-детских форумах показал, что лишь единицы из них посвящены чтению, которое явно уходит с авансцены проблематизации и рефлексии. В каких же случаях это все-таки происходит? Анализ интернет-дискуссий позволяет сделать вывод, что матери современных школьников, подростков, образованные представительницы среднего класса, сами находятся в двойственной ситуации. Первая группа — хранители старой интеллигентской системы ценностей, которая предполагает интерес к чтению у них самих и у их детей, вторая — это женщины новой формации, для которых чтение утратило свою сверхценность, а порой и ценность вообще. Представители первой группы изредка обращаются к участникам форума с тревожными вопросами: *«Ребенок не читает! Что делать? Означает ли это, что из него вырастет тупица?»* И очень показательно, насколько четко разграничиваются группы ответов. Никто в первой группе, конечно, не соглашается с тем, что без чтения ребенок

вырастет «малокультурным тупицей» — возможно, из соображений вежливости и корректности. Но они полагают, что родители должны пытаться приобщить ребенка к чтению, найти для этого какие-то способы. Наиболее частый вариант, достаточно нейтральный такой: «Ничего страшного, ему не попала ТА книга; как попадет, начнет читать». Правда, на резонный вопрос «Как же она попадет, ТА книга, если ребенок вообще не читает?», ответа не следует, предлагают просто подождать, будучи уверенными, что это когда-нибудь случится. Некоторые приводят примеры из собственной жизни: «Мой тоже не читал, но попались комиксы интересные, теперь не успеваю покупать». Принципиально важно, что практически не имеет значения, что именно будет читать ребенок, лишь бы читал — это ценность сама по себе.

Из той же серии ответы, что надо пересказывать книги, тогда хоть что-нибудь запомнит, а может быть, ему захочется прочесть самому; либо начинать читать и останавливаться в самом интересном месте, чтобы заинтригованный ребенок не выдержал и продолжил чтение. Предложение по типу телесериалов, где используется именно такой прием — серия прерывается на самом интересном месте. Как мы помним, так же поступала и Шахерезада.

Но не менее, а зачастую более многочисленное число комментариев носит совсем иной характер. Автору предлагают не волноваться и не расстраиваться: совсем не обязательно читать, чтобы стать образованным и культурным человеком. Желаемого можно добиться совсем другими способами: побольше разговаривать с ребенком, водить его на выставки, в театры и проч. Это вариант разнообразия культуры, но все же имеющий отношение к старой интеллигентской системе ценностей: все элементы «высокой» культуры одинаково важны, но они взаимозаменяемы. Более прагматичный и более «современный» вариант — предложения заменить книги их аудио- и видеоаналогами: «Ну, купи ей аудиокнигу, пусть слушает, какая разница?», «Пусть фильмы или мультики смотрит, это не хуже», «В конце концов, если очень хочешь, купи книги (их сейчас полно), где дается краткое содержание книг — уже неплохо, представление будет иметь».

Но в большом количестве ответов заметна уже ценностно противоположная позиция, в них открыто постулируется, что книги не вносят особого вклада в общую культуру: «А что в нечтении такого трагичного?», «Ну, не читает и не надо», «Мы сами читающие с мужем, но не

будет ребенок читать — ничего страшного, будет какое-то другое хобби», «Не парься, ВКонтакте у половины указано “Ненавижу читать!!!” там, где спрашивают о любимых книгах», «Да отстань ты от нее, я тоже раньше приставала, а он: “Да отстань ты, да на фига мне читать эту мутотень пыльную, когда у меня в жизни события похлеще происходят”. А что, ведь прав». При этом, как на позитивный результат активного неприятия чтения, принято ссылаться на своих мужей, друзей, родственников, которые ничего не читают, но являются исключительно интересными, внутренне богатыми и просто обеспеченными людьми, душой компании: «А некоторые (мой бывший муж, в частности) худ. литературу не читают вовсе, что никак не мешает им быть энциклопедически образованными личностями и очень интересными собеседниками», «Мой муж не любит читать и никогда не любил. И что? Успешнейший, умный человек с двумя в/о». Но если позитивные примеры высококультурных нечитающих людей приводятся часто, то собственные примеры очень редко — это еще очень сложно делать, старые нормы разложились далеко не полностью: «Последнюю серьезную книжку прочла в институте по программе. Максимум что читаю — толстые журналы типа “Караван” и то редко».

Конечно, когда пишут о том, что есть успешные примеры «бескнижного» формирования культурного человека, в ответах чувствуется своего рода оправдание, ощущение, что это все-таки легкая девиация, не так должно быть в норме. Примеров такого рода очень много, и в них ясно видна двойственность современной ситуации: не случайно практически всегда присутствуют проективные варианты, когда положительные результаты демонстрируют на примере других уважаемых людей (всегда мужчин), но не на собственных. Пока еще многим образованным людям очень трудно признать, что они не читают.

Но есть и третья группа, которую составляют те, кто честно и откровенно признается: книжная культура больше не имеет ценности. В частности, автора одного поста обвинили в следующем: «Ты что, не понимаешь, — это советское воспитание в тебе говорит». Т. е. происходит прямая ссылка на устаревшую систему ценностей, уже не действующую в современной России. Сюда же примыкают и те, кто утверждает, что чтение вредно для здоровья: «Когда мы учились в школе, все читали. Теперь 80% ходят в очках. Радуйся, что не читает, — здоровее будет». Такие высказывания вызывают активные

дискуссии, но не о полезности чтения, а о том, действительно ли оно так пагубно для нежного детского (да и взрослого) зрения. Иными словами, из сферы культуры дискуссия переходит в сферу медицины, т. е. ценностно не окрашенную. И это очень сильное свидетельство десакрализации чтения как неотъемлемой принадлежности русской культуры.

Но кроме домашнего чтения существует и обязательное, школьное. Практически все представительницы среднего класса, участвующие в интернет-форумах, единодушны: школа не прививает интерес к чтению, а скорее вызывает к нему сильное отвращение. Их не удовлетворяет набор канонических текстов, а это в основном русская классика, они оценивают его как устаревший, неинтересный и недоступный современным детям и подросткам. Изредка обсуждается тема: заставлять ли детей читать книги, входящие в школьную программу? Здесь мнения разделяются, но представительницы разных групп едины в одном: книга — это необходимая в обучении вещь, но не вызывающая интереса и эмоциональных реакций. Книга в их восприятии напоминает горькое лекарство: пить тяжело, а иногда и противно, но лечиться-то, т. е. учиться, надо. Поэтому одни матери заставляют детей и подростков читать литературу по школьной программе, применяя санкции, иногда достаточно строгие (вроде лишения телевизора или компьютера), проверяют знание текста и проч. Другие же, и их не меньше, рассказывают детям, опираясь на собственные школьные воспоминания, о чем та или иная книга, короткие тексты зачитывают вслух, покупают фильмы-экранизации, а также сборники, где школьная программа представлена в кратком изложении. Вообще говоря, пользоваться такого рода суррогатами великой русской классики стало уже нормой, которая не вызывает моральных возражений. Принято даже шутить (без всякого осуждения) на эту тему, рассказывая о ляпах, которые допускают дети в школьных сочинениях: «Он *“Донкий Ход”*, так и написал. Но это действительно трудно читать», «У него на дуэли Ленский убил не понятно кого. Бывает».

Еще одно доказательство снижения ценности чтения сегодня — разнообразные шутки, преимущественно сексуального характера, подтверждающие и легитимирующие это явление. В основном они связаны с тем, что чтение — это необязательно художественная литература, которая вызывает у ребенка скуку: «*Дай ей книгу про секс. Зачитает как миленькая! До дыр зачи-*

тает», «*Ох, как я читала медицинское репринтовое издание по лечению сексуальных расстройств у семейных пар! В 11 лет между прочим»*, «*А вот “Декамерон” меня разочаровал, понравился гораздо меньше»*, «*Я мемуары Казановы в те года прочитала, помню только одну сцену — но В ПОДРОБНОСТЯХ»*, «*И я, ну как же, наслаждения. Сила вещь!»*».

Иными словами, существует литература для удовольствия, и школьная литература, классика, — скучная, непонятная и в общем ненужная. Художественная литература в массовом сознании все более становится необязательной частью культуры, находящейся в одном ряду, а то и уступающая по своей значимости гораздо более увлекательным и приятным занятиям детей и взрослых. Сами представительницы среднего класса часто еще позиционируют себя как читающих, но уже не обсуждают книги, не просят совета о чтении, за исключением чего-то легкого, расслабляющего. Для них это отчасти еще «женская норма», но не мужская — на примере своих мужей они показывают, что современный мужчина успешно развивается без всякой книжной культуры. Двойственность ситуации характеризуется и на примере отношения женщин к чтению их детей, т. е. межпоколенческой трансляции этой ценности. Здесь мнения разделились, но более выраженной является все же нейтральная позиция (читать не обязательно, но лучше все же читать), а иногда и демонстративно-негативная: ценность чтения — это наследие советского воспитания и советской (устаревшей) системы ценностей.

Если средний класс демонстрирует распад старой системы ценностей, маркированной необходимостью принадлежать к книжной культуре, то очевидно, что это тем более относится к «ниже» расположенным слоям общества: менее образованным, менее обеспеченным, менее столичным и проч.

В каких же слоях, группах еще можно обнаружить высокую ценность книги и чтения? Если они, конечно, еще сохранились. Я предположила, что чтение должно представлять наиболее высокую ценность для представительниц высокоинтеллектуальной молодежной среды. Это достаточно замкнутая и стремящаяся к собственной выделенности среда, которой необходимо подчеркивать свою элитарность. Принадлежащие к ней молодые люди являются наиболее продвинутыми с разных точек зрения — как уровня образования, так и владением современными ИТ-технологиями и многим другим, но я предположила, что и гуманитарная

составляющая должна представлять свою ценность, а поскольку другие группы теряют интерес к книге, то здесь, наоборот, должны ее сохранять.

Поэтому было решено выяснить два обстоятельства. Во-первых, действительно ли книги, чтение представляют для них высокую ценность. А во-вторых, каковы читательские предпочтения этой группы, а точнее, какие идеи и ценности характерны для круга чтения ее участников. Прежде всего мне хотелось проверить гипотезу о том, насколько инновационны эти предпочтения, свидетельствуют ли они о том, что интеллектуальная молодежная среда с помощью литературы вырабатывает новые идеи, не свойственные представителям более старших поколений.

Книга и чтение в среде молодых московских интеллектуалов: основные характеристики участников исследования. Для решения этих задач я обратилась к популярной социальной сети «В Контакте»¹, которой очень активно пользуются молодые люди. Каждый участник сети заполняет (полностью или частично) свою «визитную карточку», где помимо информации о своем возрасте, образовании, месте работы и учебы, религиозных и политических взглядах, семейном статусе сообщает сведения о вкусах и предпочтениях, и эта информация может быть проанализирована с точки зрения их ценностной системы. Вообще, участник этой сети может сообщить о себе чрезвычайно много: здесь размещены и фотографии, и видеоролики, есть ссылки на любимые музыкальные произведения и проч. Кроме того, там представлена информация, которая формулируется «В Контакте» как «интересы»: то, что для этого человека важно в жизни, что и кого он любит². Также в этой своеобразной анкете есть вопросы о любимых занятиях, фильмах, телепрограммах и т. п. Естественно, есть и графа «любимые книги». Именно потому, что «В Контакте» дает максимально подробную информацию о человеке, было решено проанализировать данные об участниках сети. К тому же это очень популярная в молодежной среде сеть: сегодня в ней участвуют большинство активных интернет-пользователей.

¹ Выше была приведена цитата из интернет-дискуссии представительниц среднего класса, где сказано, что у половины подростков в этой сети написано: «Ненавижу читать!».

² Достаточно типичным «интересом» бывают не только какие-то занятия, но и живые существа: например, «*моя любимая Юлька*», «*муж Серега*», «*Моя кошка Дашка*», «*Моя покойная крыска*».

Для того чтобы отобрать интернет-анкеты людей, принадлежащих к интересующему меня кругу, я решила проанализировать анкеты всех «друзей»³ одного из участников социальной сети, молодого человека в возрасте 21 года, выпускника математического класса одной из московских школ, ныне аспиранта и преподавателя Финансового университета при Правительстве РФ (бывшая Финансовая академия), а также студента-магистранта Российской экономической школы. В связи с тем, что он одновременно принадлежит к большому кругу только частично пересекающихся сообществ, количество «друзей» у него весьма значительное – 694 человека. Такого количества оказалось достаточно, чтобы произвести статистические расчеты, поскольку примерно половина анкет заполнена не полностью, а еще некоторая часть закрыта для просмотра.

Что представляет собой группа отобранных мною респондентов? Это молодые люди от 18 до 28 лет (преимущественно от 20 до 24), 53% – мужчины, 47% – женщины. Все они либо имеют высшее образование, либо учатся в вузе, причем более трети уже продолжают свое образование – учатся в аспирантуре или получают второе высшее образование. Практически все они студенты или выпускники престижных московских (незначительная часть – санкт-петербургских) вузов: МГУ, Финансовый университет, МГИМО, ГУ-ВШЭ, ЛЭТИ. Лишь менее 10% получили или получают гуманитарное образование (историческое, филологическое, философское), остальные – экономическое, физико-математическое, психологическое, лингвистическое⁴. Многие из этих людей незнакомы между собой, но все они так или иначе принадлежат к группе наиболее продвинутых молодых интеллектуалов, не относящихся к молодой гуманитарной элите. Для меня это важно, поскольку, скорее всего, у филологов все-таки профессионально

³ Понимание «друзей» в социальных сетях весьма существенно отличается от обычной, внесетевой ситуации. «Друзьями» «В Контакте» становятся следующим образом: любой участник этой сети обращается к другому участнику с просьбой включить его в число «друзей», тот может принять предложение или отклонить его. Только затем появляется возможность видеть личную информацию участника. Естественно, что это, как правило, люди, знакомые между собой, чем-то объединенные – например, совместной работой или учебой, родством или общими досуговыми интересами. У меня такая возможность появилась благодаря помощи моего сына, Кирилла Борусяка, за что я выражаю ему большую благодарность.

Самостоятельный, практически неизученный и очень интересный вопрос: изменение самого значения понятий «друзей» и «дружбы» в онлайн- и офлайн-общении.

⁴ Есть также небольшое количество музыкантов и юристов.

специфическая структура читательских предпочтений.

Абсолютное большинство этих молодых людей выросли в семьях того класса, который назывался советской интеллигенцией, у всех родители имеют высшее образование. Сами участники уверены в своих возможностях получить высококачественное образование, найти интересующую их работу, нередко в бизнесе или науке, достойно зарабатывать. Они не нуждаются в социальных лифтах и не сомневаются, что будущее в их собственных руках, причем не зависит напрямую от социально-политической ситуации в России. Некоторые из них хотели бы продолжить обучение за рубежом, в хороших университетах США или европейских стран, причем имеют возможность получить для этой цели стипендию. Жесткая ориентация на эмиграцию для них не типична: все будет зависеть от обстоятельств, от того, где им будет удобнее и интереснее работать.

Какие характеристики оказались общими для всей этой группы? Прежде всего выраженный интерес к своей работе или учебе, серьезная мотивированность в этой области. Практически все, заполняя анкету на личной страничке «В Контакте», в сфере интересов указывают свою уже приобретенную или будущую профессию, студенты сообщают о своем интересе к учебе. Понятно, что такая высокая профессиональная или учебная мотивированность, заинтересованность нехарактерны для представителей менее продвинутых групп молодежи.

Если говорить о других характеристиках такой группы, то основная часть этих молодых людей не испытывают интереса к политике. Треть из них просто не включили в анкету сведений о своих политических взглядах (т. е. полагают, что тут и говорить не о чем), еще около трети (см. табл. 1) определили свои взгляды как индифферентные или умеренные, что в данном контексте почти синонимично. Почти каждый пятый сообщил о своих либеральных взглядах и столько же — о монархических, консервативных, коммунистических, т. е. «левые» и «правые» представлены практически равным числом молодых интеллектуалов. Обращает на себя внимание большое число «монархистов» в этой группе — 8%. Вряд ли среди них действительно много сторонников перехода России к монархическому строю, скорее это форма выражения протеста современному политическому устройству.

Таблица 1
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС О ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ (в % в порядке убывания)

Самоопределения	В % к итогу
Либеральные	19,5
Индифферентные	17,5
Умеренные	13,0
Монархические	8,0
Ультраконсервативные, консервативные	5,0
Коммунистические, социалистические	4,0
Не ответили	34,0

Представляется существенной крайне слабая ангажированность этих молодых людей в политическую жизнь. Среди самых разнообразных «интересов», указанных в анкетах, политика отмечается менее чем в 10% анкет. Для основной части этих молодых людей политические обстоятельства жизни России никак не пересекаются с их собственной жизнью и карьерой, хотя некоторые люди, не указывая на интерес к политике, отмечают свою любовь к России, чувство патриотизма. По-видимому, в их сознании эти обстоятельства между собой практически не связаны.

Во время массовых опросов большинство жителей России сообщило о своей религиозной принадлежности. В 2009 г. 73% взрослых россиян называли себя православными, еще 7% адептами других религий и лишь 6% указали, что они атеисты¹. В молодежной высокоинтеллектуальной среде интерес к религии, «мода» на религию выражены гораздо слабее (см. табл. 2). Более 40% просто опустили ответ на этот вопрос в своей интернет-анкете, сочтя его совершенно несущественным. Только 17% назвали себя православными и 2,5% принадлежащими к другим религиям, в то время как 20% — атеистами или агностиками. В этой среде религиозность или ее отсутствие не проблематизируются с точки зрения статусности, престижа, ничего не добавляют, но и не отнимают в этом смысле. Немного выше, как и в других слоях, доля православных среди девушек, а также среди тех, кто называет себя монархистами.

Заполняя анкету в социальной сети, ее участник предьявляет себя сообществу. «Визитная карточка» — это всегда позиционирование себя другим, вовне. Естественно, в таком случае участники ориентируются не только на собственные представления о том, какой ты есть,

¹ «Общественное мнение — 2009». Ежегодник. М.: Левада-Центр, 2009. С. 141.

Таблица 2
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС О РЕЛИГИОЗНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ (в % в порядке убывания)

Самоопределения	В % к итогу
Православие	17,0
Атеизм	15,5
Индифферентное отношение	11,0
Агностицизм	4,5
«Верю в себя»	3,5
Другие религии	2,5
Светский гуманизм	2,5
В принципе, верю	1,0
Не ответили	42,5

но и на то, каким надо быть, т. е. на мнение обобщенных значимых других. Иными словами, через предоставленную о себе информацию участник сети встраивается в некую референтную группу, какой он ее себе представляет. Здесь есть характеристики, не имеющие какой-то нормативно-ценностной окраски — например, религиозная принадлежность, но есть и четко маркируемые как престижные и непрестижные. К числу непрестижных относится принадлежность к телезрителям. Сообщать о том, что ты активно смотришь телевизор, абсолютное большинство молодых интеллектуалов считает для себя невозможным.

Отмечу, что представители молодых возрастных групп действительно смотрят телепрограммы гораздо меньше, чем люди более старших возрастов. Об этом свидетельствуют данные телемониторинга компании TNS Gallup Media. Это связано и с тем, что молодые люди уделяют гораздо больше времени внедомашнему досугу, и с тем, что очень много времени находятся в Интернете, в тех же социальных сетях. Эти обстоятельства характерны и для молодых интеллектуалов, но на первом месте все же остается непрестижность этого занятия. Такие люди позиционируют себя как продвинутых и активных, и рядовой телезритель с их точки зрения — полная им противоположность, т. е. пассивный и малоинтеллектуальный. В этом смысле позиция юных интеллектуалов полностью смыкается с позицией представителей взрослых интеллектуальных элит.

Лишь незначительная часть молодых интеллектуалов включает в свои анкеты строчку о любимой телепрограмме, в большинстве анкет ее просто нет, что символически свидетельствует об отсутствии интереса к такой деятельности. Некоторые эту позицию в анкету все же включают, желая специально подчеркнуть, что

телевизор они не смотрят: «телевизор выкинул», «не смотрю уже года полтора», «да и названий-то не знаю — не смотрю зомбящик», «даже не знаю, что сказать... Смотрю от скуки иногда, но ничего любимого нет». Среди моих респондентов немалая часть участвует в соревнованиях по интеллектуальным играм, популярным в этой среде. Они указывают, что смотрят по телевизору «Что? Где? Когда?» и «Свою игру». Относительной популярностью пользуются юмористические программы «нового поколения», появившиеся на экране в последние годы, прежде всего «Прожекторперисхилтон». Есть поклонники и у КВН, которому уже более 50 лет, и у некоторых других передач. Но в целом молодые интеллектуалы стремятся подчеркнуть свою элитарность путем отстраивания от «зомбящика».

Что же они считают важным сообщить о себе? Практически во всех интернет-анкетах, в которых содержится полная информация, есть сообщения о занятиях спортом, во многих также указывается, что человек является спортивным болельщиком, — это престижно. Практически универсальной является любовь к музыке. Естественно, не к презираемой этой группой «попсе», а к классике, джазу, авторской песне, русскому року, зарубежным группам и проч. Значительная часть этих молодых людей в детстве получила музыкальное образование, и сейчас играет на каких-то музыкальных инструментах, особенно часто на гитаре, поет. Не обошла их и повальная современная мода на занятия танцами. Именно занятия, а не просто посещение клубов, это они указывают редко. Массовым является также интерес к путешествиям, фотографированию. Многие увлекаются походами, городским ориентированием, ориентированием на местности. Популярность этих занятий связана с тем, что многие из них окончили известные математические школы. Там начиная с 1960-х гг. традиционно приобщали школьников к туризму, увлечение которым сохранялось у них на многие годы. Молодые люди этой группы регулярно ходят в кино, скачивают фильмы из Интернета и приводят в анкете длинные списки своих любимых фильмов, где новейшее кино обычно соседствует с интеллектуальным кино прошлого и арт-хаусным современности. Присутствуют в анкетах этих молодых людей, хотя и в менее массовом порядке, сведения о театрах, выставках, отмечается любовь к архитектуре и проч.

Книги и чтение как ценность для молодых интеллектуалов. Анализ анкет молодых интеллектуалов показывает, что одним из наиболее важных и престижных занятий в этой среде является чтение. Книги, чтение как ценность появляются уже в графе «интересы», их указывают в числе других любимых занятий более половины участников этого исследования. Нередко чтение специальным образом выделяется как особо важное, любимое занятие. Напротив, в одной-единственной анкете написано «не сохну по чтению» (студент Финансовой академии, 21 год), и на общем фоне это выглядит проявлением нонконформизма, почти противопоставлением себя референтной группе, для которой характерны высказывания совсем другого рода. На вопрос о любимых книгах следуют такие ответы: «*Это глупая графа. Как можно выбирать, кто лучше: мама или папа? А вообще я люблю книги, особенно те, которые преобразуют мои неясные и неупорядоченные соображения во что-то стройное, членораздельное*», или «*обожаю читать — много-много*», или «*Мне приятны книги, которые несут мысль или концепцию, которые заставляют меня думать и меняться, становиться другой. Или просто истории, которые интересно прочесть, чтобы испытать свое воображение и насытить его образами. Бессмысленная хрень отправляется в урну или на дальнюю полку... да и то не мою*», «*Книги — мои самые интимные собеседники. Говорить о таком всем подряд некорректно*», «*Мне нужны книги, чтобы можно было задуматься, пофантазировать, узнать, подняться выше*», «*Обожаю жизнь, книги и все, что с ними связано*».

Итак, книги и чтение для молодых интеллектуалов имеют очень серьезное ценностное наполнение. При этом даже неважно, действительно ли они являются активными читателями или в своих анкетах пытаются произвести благоприятное впечатление на референтную группу. По-видимому, индивидуальное и групповое здесь тесно взаимосвязано. В отличие от среднего класса, находящегося в ситуации ухода старых ценностей, который или уже пережит, или драматически переживается, здесь этого ценностного слома пока не происходит. В этом кругу принято говорить о книгах, спрашивать совета, что почитать, да и сама информация участников о любимых авторах учитывается другими как руководство для чтения. Точно так же осуществляется поиск музыкальных произведений, которые находят на страничках участников сети, вызывающих уважение.

Вскоре после того, как произошел набор нового класса Российской экономической школы,

куда приходят в магистратуру преимущественно выпускники МГУ, Физтеха и ГУ–ВШЭ, на страничке этого класса «В Контакте» появился запрос: «*Прошу мне порекомендовать, что хорошего почитать*». Сразу же появилось много советов: «*Альбера Камю почитай. “Постороннего” или “Чуму”. Но лучше сначала “Постороннего”, “Ионеско — “Лысая певица”*», «*Ионеско — да! Можно еще Беккета “В ожидании Годо”*», «*Умберто Эко — “Имя розы”, “Маятник Фуко”... — вумная развлекуха. Пруста, но на него надо время. Джойса, но на него тоже:*»), «*“Игра в бисер” — это вещь*», «*+сто¹ под “Москва — Петушки”, а из Гессе, кроме “Игры в бисер”, мне понравился “Степной волк”*» и проч. Люди только начали знакомиться, и для них важнее не столько дать совет по чтению, сколько показать свое место в новом интеллектуальном континууме, и они делают это в том числе с помощью книг, что было типично для советской интеллигенции. Гессе, Ионеско, Беккет, Пруст и Джойс здесь не столько авторы литературных произведений, сколько отражение попытки молодых людей дать легко считываемые с помощью культурных кодов самохарактеристики. Именно поэтому задан повышенный уровень сложности литературных образцов.

А теперь попробуем проанализировать круг авторов, которых молодые интеллектуалы чаще всего указывают в своих анкетах. Насколько эти читатели проникают в глубину культурного пространства, насколько новыми являются те идеи, которые интериоризировали молодые интеллектуалы, на какие социальные группы как референтные они ориентируются?

Авторы — лидеры чтения молодых интеллектуалов. В ходе исследования были отобраны все анкеты, в которых присутствовал список любимых книг. Это могли быть названия конкретных произведений, но чаще называются любимые авторы. Если в одной анкете называлось несколько произведений одного автора, то это считалось одним упоминанием. Всего было проанализировано 1683 упоминания 385 авторов (см. табл. 3).

Если сравнивать структуру читательских предпочтений молодых интеллектуалов с предпочтениями россиян в целом, то мы видим принципиальные, коренные отличия. По данным мониторинга Левада-Центра, среди пред-

¹ «+1», «+100» и проч. означает, что человек в высшей степени поддерживает какую-то мысль или какое-то соображение. В этом случае имеется в виду, что книга «Москва — Петушки» обязательно должна быть прочитана, если до сих пор ее еще не прочли.

Таблица 3
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ ПО ГРУППАМ ЛИТЕРАТУРЫ
 (число ответов)

Вариант ответа	Число авторов	Число упоминаний	Среднее число упоминаний на 1 автора
Русская дореволюционная классика	16	157	9,8
Русская проза XX в.	51	205	4,0
Современная русская проза	23	93	4,0
Зарубежная классика	44	147	3,3
Переводная проза XX в.	119	637	5,4
Поэзия	52	137	2,6
Фантастика, фэнтези	50	228	4,6
Детективы	4	15	–
Детская литература	26	64	–
Всего	385	1683	4,4

почитаемых жанров в 2008 г. лидировал «женский детектив» – 28%, далее следуют российские боевики – 24%, историко-приключенческая классика – 23%, любовные романы – 19%, русская советская классика – 15%, а также современная историческая проза, классические зарубежные детективы и русская дореволюционная классика – по 14%.

Все «низкие» жанры – любовные романы, детективы, боевики – в интернет-анкетах молодых интеллектуалов отсутствуют или практически отсутствуют, нет здесь и современной исторической прозы, книг о Великой Отечественной войне. Даже популярный детективный жанр получил всего лишь 15 упоминаний, причем 11 из них относится к классикам жанра – А. Конан Дойлу и Агате Кристи.

Неужели структура чтения молодых людей, интернет-анкеты которых я анализирую, не имеет точек соприкосновения с остальной читательской аудиторией? Конечно, они представляют собой узкую группу, не только выделяющуюся по большинству показателей, но и стремящуюся выделиться, но все же различия уж очень радикальны. Я не сомневаюсь, что эти молодые люди читают самую разную литературу, но – и в этом их отличие от других групп – книги, авторы, жанры для них до сих пор четко маркированы дихотомиями «высокое», т. е. достойное, и «низкое», т. е. недостойное. В этом смысле они вполне соответствуют

представлениям интеллектуалов XIX в., которые «Белинского и Гоголя» с базара понесут, поддержанными и продолженными советской интеллигенцией. В свои анкеты молодые люди, естественно, вносят не все, что они читают: туда входят только те произведения и те авторы, которые позитивно воспринимаются на индивидуальном уровне и которые, по мнению участников, будут признаны и высоко оценены референтной группой.

Иными словами, названные любимыми авторы и произведения, скорее всего, действительно прочитаны и понравились, но все, что воспринимается или может быть воспринято как трэш, недостойное или случайное, отбраковывается. Такая литература воспринимается как недостойная статья визитной карточкой интеллектуального человека. Возможно, и чтение подобной литературы вызывает внутренний конфликт между должным (читать Джойса и Кафку) и недолжным. Разрешается этот конфликт тем, что есть настоящая литература, а есть чтиво для отдыха, расслабления, но к литературе с большой буквы оно отношения не имеет, а потому называть это «чтиво» в своей анкете нельзя. Тем не менее такая система ценностей предполагает, что читать серьезную литературу надо, а иначе человека нельзя назвать культурным. Выше было показано, что представительницы среднего класса такую точку зрения если и разделяют, то лишь в слабой степени.

Если говорить о структуре названных писательских имен, то по числу авторов русская классика составляет лишь 4%, но по числу упоминаний ей принадлежит 9,3% (см. табл. 4), что достаточно много. Часто назывались только два русских писателя – Достоевский и Толстой, за ними с большим отрывом следуют еще два – Чехов и Бунин (получившие по 12 упоминаний). Всех остальных русских классиков после окончания школы обычно забывают. Такая высокая концентрация ответов вокруг двух-четырех имен приводит в этой группе к очень большому числу упоминаний в расчете на одного автора – в среднем 10 упоминаний против 4,4 по всему массиву в целом. Обращает на себя внимание тот факт, что имя Пушкина крайне редко упоминается как среди имен прозаиков, так и поэтов. Это является своеобразным подтверждением «честности» сообщений в анкетах. Дело в том, что когда я решила с представителями этой группы повторить игру «Три книги, которые ты возьмешь с собой на необитаемый остров», то имя Пушкина сразу появилось в ответах, поскольку речь шла уже о ценностях в чистом виде.

Гораздо большим разнообразием имен представлена русская литература XX в.: здесь названо уже 51 имя, а вот число упоминаний невелико — 205, что по количеству сопоставимо с русскими классиками, имен которых в 3,5 раза больше. Это означает, что русская литература XX в. получила крайне мало знаковых, маркирующих имен, для этого круга существует очень мало писателей, которых «надо прочесть обязательно» для поддержания групповой идентичности. Фактически таких имен всего три — Михаил Булгаков (62 упоминания), Владимир Набоков (18) и Сергей Довлатов (14). Далее идут авторы, которых назвало менее 10 человек, а значит, никакого массового интереса эти имена не представляют. Из дискурса молодых интеллектуалов (и, вероятно, молодых неинтеллектуалов тем более) практически ушел весь массив советской литературы: от Зощенко до Трифонова, имен которых не указал ни один человек из трех сотен. Они не читают, не знают и не хотят знать ни городскую прозу, ни прозу шестидесятников (за исключением, может быть, Василия Аксенова), ни деревенскую, ни военную прозу, об авторах, принадлежащих к соцреализму, и говорить не приходится.

Создается впечатление, что все эти писатели совершенно не важны для молодых интеллектуалов, т. к. отражают ценности ушедшей и не представляющей никакого интереса эпохи.

Таблица 4
КОЛИЧЕСТВО АВТОРОВ И УПОМИНАНИЙ ПО ОТДЕЛЬНЫМ ГРУППАМ ЛИТЕРАТУРЫ (в %)

Вариант ответа	Число авторов	Число упоминаний
Русская классика	4,2	9,3
Русская проза XX в.	13,2	12,2
Современная русская проза	6,0	5,5
Русская проза – всего	23,4	27,0
Зарубежная классика	11,4	8,7
Переводная проза XX в.	30,9	37,9
Зарубежная проза – всего	42,3	46,6
Поэзия	13,5	8,1
Фантастика, фэнтези	13,0	13,6
Детективы	1,0	0,9
Детская литература	6,8	3,8
Всего	100	100

Современная русская проза представлена 23 именами, т. е. 6% авторов, еще меньшую долю (5,5%) занимают их упоминания. Часто

приходится слышать «о культовых именах» современных российских писателей, причем имена называются самые разные. Анализ интернет-анкет молодых интеллектуалов показывает, что достаточно массовый интерес вызывает только В. Пелевин (21 упоминание), кстати называются самые разные его произведения, т. е. их действительно знают и читают. На второй позиции оказался Борис Акунин с 11 упоминаниями, причем его произведения этой группой (в отличие от остальных) оцениваются не столько как детективы, сколько как интересная литературная игра. Далее идут книги Е. Гришковца всего лишь с восемью упоминаниями, у остальных современных российских писателей не нашлось и пяти поклонников. Интересно, что такой мощно присутствующий в критическом дискурсе писатель, как В. Сорокин, не был назван ни разу.

Современная литература проходит мимо молодых интеллектуалов, не относящихся к гуманитарной сфере. Сложно сказать, с чем это связано: с отсутствием в произведениях идей, находящих отклик у представителей данной группы, к недостаточной нормативности, ценностной «помеченности» произведений, с отсутствием у таких молодых людей ценности нового в духовной сфере, с тем, что нет обмена информацией между гуманитарным и негуманитарным кругом молодежи? Уверена только, что это не связано с излишней сложностью произведений современных писателей, их недоступностью для понимания молодыми интеллектуалами.

В целом лишь 23% писательских имен и 27% упоминаний приходится на русскую литературу, гораздо более активно представители этой группы читают литературу зарубежную: 42% имен, 47% упоминаний. При этом зарубежная классика мало привлекает молодых интеллектуалов: и имен здесь называлось немного — всего 44 (11,4%), и особенно упоминаний — 147, практически столько же, сколько упоминаний русских классиков при гораздо меньшем количестве их имен. Молодые люди, вкусы которых я изучала, не испытывают особого интереса к «старой» зарубежной литературе, этот пласт для них лишь немного приоткрыт. Так, литература XVIII в., не говоря уже о более ранней, ими совершенно не освоена, слабый интерес для таких читателей представляет и литература XIX в. Глубина проникновения в пласты культуры поразительно мала, да и интереса к образцам культуры прошлого они почти совершенно не проявляют. Среди зарубежных писателей XIX в. с 18 упоминаниями

ниями лидирует Александр Дюма, а это ведь отголоски детских увлечений мушкетерами и «Графом Монте-Кристо», не более.

Совсем другая ситуация с зарубежной литературой XX в. — именно она наиболее привлекательна для молодых интеллектуалов, наиболее ими освоена и именно ее они хотят читать, расширяя свои представления за счет новых имен и произведений. На зарубежную литературу XX в. приходится более 40% имен писателей и почти половина упоминаний. Здесь нет какого-то четкого, нормативно заданного круга имен и произведений, хотя и присутствуют явные лидеры. Зарубежная западная литература, лишь чуть-чуть разбавленная именами латиноамериканских писателей, воспринимается молодыми читателями как неограниченный континуум: его они хотят узнать получше, в него готовы глубже проникнуть. Риску предположить, что эта литература данной группе гораздо ближе и понятнее, чем советская, которая кажется чужой, слишком привязанной к ушедшим реалиям. Никакой подобной нагрузки переводная литература XX в. в сознании этих молодых людей на себе не несет. Напротив, именно с ней связаны самые позитивные коннотации. Вот почему можно говорить о том, что молодые интеллектуалы в гораздо большей степени чувствуют себя «западными» людьми, чем наследниками советской эпохи.

Само понятие «книга» для основной части молодых интеллектуалов сегодня ассоциируется с прозой, а не с поэзией. Хотя имен поэтов называется немало — 52, столько же, сколько русских прозаиков XX в., но в основном это очень малочисленные упоминания. Поэтому если в числе авторов поэты занимают 13,5%, то в числе упоминаний только 8%. Причем называют, как правило, только русских поэтов, переводная поэзия не вызывает никакого интереса. Более того, почти вся поэзия — это Серебряный век. Если здесь можно говорить о лидерах, то это С. Есенин — 13 упоминаний, В. Маяковский — 11, А. Ахматова и М. Цветаева — по 9. Имен современных поэтов не названо ни одного, современной поэзии для этих нефилологических интеллектуалов просто нет, как не существует почти ничего из поэзии XIX в. и поэзии советского периода. Любить поэзию, читать хоть кого-то из поэтов — личный выбор, говорить о каких-то нормах здесь нельзя. Отмечу только, что поэзия воспринимается как женская сфера, область интенсивных чувств. Мужское, маскулинное поэзией сегодня не маркируется: о поэтах говорят девушки, а вот юношам такое чтение не по

душе. В список исключений попали только Есенин и Маяковский: они вышли в лидеры (если можно так говорить, учитывая столь незначительное число упоминаний) благодаря тому, что их указали в своих анкетах и мужчины.

Если детектив маркируется как низкий жанр, то фантастика и фэнтези воспринимаются как вполне приемлемая и даже позитивно окрашенная литература — помеченная категориями современности, динамики, свежести проч. В какой-то степени в ценностной структуре изучаемой группы зарубежная переводная интеллектуальная литература и фантастика представляют собой два полюса нормы, дополняя друг друга

Наконец, небольшая часть респондентов (преимущественно молодые девушки) на своей интернет-страничке в число любимых книг включили детскую и подростковую литературу. Лидер здесь, конечно, «Гарри Поттер» Дж.К. Роулинг. Перечисляя взрослые «умные» книги, в качестве «добавки» называли того же «Гарри Поттера», смущенно приписывая: «Куда же без него», «Алису в стране чудес» и проч.

Итак, анализ интернет-анкет молодых интеллектуалов показал, что книги, чтение для них важны, ценны, наличие на страничке перечня книжных названий и их авторов подтверждает принадлежность к данной элитарной группе. Надо сказать, что эти молодые люди в большинстве своем чувствуют себя молодой элитой, всячески, в том числе с помощью принадлежности к книжной культуре, это подтверждая. Однако выяснилось, что в списках литературы на интернет-страничках социальной сети «В Контакте» этих молодых людей видны явные провалы: там крайне слабо представлены современная литература, поэзия, литература «старая», до XX в. А значит, у этих молодых людей очень неглубоки исторические горизонты.

Какие же литературные имена называются чаще всего, какие авторы и книги объединяют группу? Это я попытаюсь показать, рассмотрев имена лидеров по числу упоминаний. В какой-то степени благодаря такому подходу можно объяснить, откуда черпают юные интеллектуалы те ценности, которые выражают, когда становятся постарше, через перечни книг в своих анкетах. Очевидно, что идет «перекрестное опыление», т. е. внутри группы дают советы, что стоит почитать. Но я думаю, что этот канал является главным.

Писатели и книги — лидеры круга чтения молодых интеллектуалов. Взяв списки литературы

из анкет, я произвела расчет количества упоминаний по каждому автору. Выяснилось, что при немалом количестве указанных в анкетах авторов (385), лишь немногие из них названы в большом или относительно большом количестве анкет. Иными словами, момент индивидуальных предпочтений очень велик, но особенно важны те немногие имена, которые означают выраженное предпочтение, а потому и позитивную ценностную окраску внутри группы. 34% упоминаний приходится на 22 авторов, т. е. всего лишь на 3,8% от общего их числа. Этим писателей называли примерно в 10 раз чаще, чем в среднем по всему массиву данных. Сразу отметим, что в список лидеров не попал ни один поэт, а прозаик В. Пелевин оказался десятым по числу упоминаний. Это единственная действительно отмеченная молодыми людьми фигура в современном литературном процессе. В какой-то мере Пелевин является для них символом современной российской литературы, и конкурентов у него нет.

Таблица 5
ПИСАТЕЛИ – ЛИДЕРЫ ПО ЧИСЛУ УПОМИНАНИЙ

Автор	Число упоминаний
1-2. М.А. Булгаков	62
1-2. Э. М. Ремарк	62
3. Ф.М. Достоевский	52
4. А. и Б. Стругацкие	43
5. Дж.Р.Р. Толкиен	33
6. Л.Н. Толстой	28
7. Г. Гарсиа Маркес	26
8. А. Сент-Экзюпери	25
9-10. Э. Хемингуэй	21
9-10. В. Пелевин	21
11. У. Эко	20
12-14. В. Набоков	18
12-14. Ричард Бах (1974)	18
12-14. О. Уайльд	18
15-16. А. Дюма	17
15-16. Р. Брэдли	17
17-18. Дж. Оруэлл	16
17-18. П. Зюскинд	16
19. Дж. Сэлинджер	15
20-21. Г. Гессе	14
20-21. Дж. Остин	14
20-22. С. Довлатов	14
Доля в числе упоминаний	570 (33,9%)

Среди 22 лидеров только семь – русские писатели, 15 – зарубежные, но зато трое из них

(братья Стругацкие – единый автор) находятся в самой верхней части списка. Поразительно, но только два писателя из этого своеобразного топ-листа относятся к XIX в. – Достоевский и Толстой, больше никто из русских и зарубежных классиков ценностно не маркирован и не попал в список. Более того, в интервью один из молодых людей, анкета которого попала в массив данных, охарактеризовал мне Достоевского так: «Какой же это XIX век, конечно двадцатый». И это звучало как явная похвала писателю, «перешедшему» в современность из слишком уже далекого для этих молодых людей XIX в. Что касается Джейн Остин, то ее роман «Гордость и предубеждение», который называют исключительно девушки, в их списках заменяет «неприличные» для данной группы женские любовные романы.

Разумеется, это случайность, но абсолютно равное (и очень большое) число упоминаний пришлось сразу на двух писателей – М. Булгакова и Э. М. Ремарка. У Булгакова абсолютное большинство упоминаний приходится на «Мастера и Маргариту», все остальные произведения упоминались считанное число раз. Например, «Собачье сердце» – трижды. А вот у Ремарка читают разные романы, назывались почти все, и выделить самый популярный невозможно. Если бы перечень в одной анкете из трех-пяти романов Ремарка я считала не за одно упоминание, то число упоминаний превысило бы 80. Ремарк был культовой фигурой в 1950–1960-е гг., потом интерес к нему заметно снизился, а в последние годы снова резко вырос у молодежи. Ремарка читают, его книги покупают, он находит отклик в сердцах. Его проза, которая казалась излишне сентиментальной, стала востребованной современными юными интеллектуалами, в том числе весьма прагматичными и рациональными студентами-экономистами и теми, кто уже завершил обучение в экономических вузах и нацелен на мир бизнеса. По-видимому, чтение таких произведений несколько смягчает жесткость и рациональность, позволяет позиционировать себя как людей тонких и чувствительных.

Если произведения Ремарка вызвали читательский бум в 1950-е гг., то «Мастер и Маргарита» – феномен следующего десятилетия, 1960-х гг. Известно, что сегодня резкий рост интереса к книгам обычно связан с показом успешных телесериалов. В данном случае этот механизм особого значения не имел. «Мастера и Маргариту» большинство из назвавших роман полюбили еще в школе, до появления по-

пулярного сериала. Напротив, интерес именно к «Гордости и предубеждению», вероятно, все-таки связан с многочисленными экранизациями этого сочинения.

Достоевский оказался на третьей позиции с 52 упоминаниями, Толстой – на шестой (он почти в 2 раза уступил Достоевскому по числу упоминаний). Читать Достоевского или говорить, что читаешь его и любишь его произведения, считается в этой среде очень «круто», воспринимается как свидетельство высокого интеллекта и принадлежности к элите. К тому же для молодых интеллектуалов, ориентированных в большей степени на Запад и западную литературу, очень важен ставший общим местом успех этого писателя за рубежом.

Отметим, что среди авторов, пишущих в жанре фантастики и фэнтези, с большим отрывом лидируют братья Стругацкие. Они значительно опередили по числу упоминаний даже автора «Властелина колец» и «Хоббита», хотя в молодежной среде, особенно несколько лет назад, было очень популярно движение толкиенистов. У Стругацких называют много разных произведений, но особенно часто «Трудно быть богом» и «Понедельник начинается в субботу», которые пользовались большой популярностью у технической интеллигенции в 1960-е гг. Отметим также успех у этой группы молодежи произведений Маркеса, Сэлинджера, Хемингуэя, Сент-Экзюпери, Ричарда Баха (особенно «Чайки по имени Джонатан Ливингстон»), Гессе (прежде всего, «Игры в бисер») – все они пользовались огромным успехом у советских

читателей, главным образом в среде технической интеллигенции в 1950-е – 1970-е гг.

Во время перестройки и раннего постсоветского периода из произведений 22 авторов-лидеров были опубликованы только «1984» Дж. Оруэлла, «Парфюмер» П. Зюскинда и сочинения У. Эко. Написанный более 60 лет назад роман Оруэлла является почти обязательным в списке любимых книг молодых либералов, Эко маркируется как символ современной интеллектуальной литературы.

В целом список авторов-лидеров читательского спроса показывает: с точки зрения литературных предпочтений молодые интеллектуалы не ищут никаких новых идей, а книги, написанные ранее XX в., вообще их практически не интересуют. В этом смысле горизонты таких читателей довольно бедны. Однако более важным представляется то, что литературные предпочтения этой группы – плоть от плоти их отцов и дедов, советской интеллигенции. Значит, эти молодые люди воспринимают идеи того времени, они созвучны их представлению о «настоящей литературе». Если интеллигентские ценности еще сохранились, то в среде этих молодых интеллектуалов, которые работают в экономике, бизнесе, IT-технологиях. Для них сохраняется несомненная ценность литературы, причем той самой, которой зачитывалась советская интеллигенция 1950-х – 1960-х – 1970-х гг. Она утратила свое влияние в обществе, но ее ценности пока еще существуют в элитарной молодежной среде, не ищущей новых смысловых ориентиров.

Борис ДУБИН

О чтении и нечтении сегодня

В порядке комментария к статье Л. Борусяк

Не могу не отозваться на интересную статью Любови Борусяк (все-таки даже в нашем журнале, по традиции внимательном к проблемам культуры, публикации о чтении не часты). Для этого я выделю в ней несколько наиболее значимых для меня проблемных пунктов и дам к ним свои примечания, подытоживая и обобщая материалы соответствующих исследований Левада-Центра. Кроме того, в дополнение к комментарию, мне хотелось бы еще и по возможности расширить контекст обсуждения, но при этом резче прочертить общесоциологическую рамку, в которой, по-моему, перспективно рассматривать накопленные на нынешний день данные о массовом чтении и наблюдения над ним, уже немалые.

Чтение детей, ситуация в семье. Анализируя на популярном интернет-портале записи обранных и обеспеченных москвичек 30–40 лет, Л. Борусяк отмечает два момента. Во-первых, «...чтение не является существенной частью жизни» изученных ею женщин (напомню, столичных жительниц с вузовским дипломом и без острых финансовых проблем), — если они и читают, то «легкое, приятное и ненапряжное»¹, так что записи, вообще посвященные книгам и чтению, среди проанализированных автором статьи — крайняя редкость. Во-вторых, тема чтения возникает в постах — впрочем, тоже нечасто — во встревоженных записях типа: «*Ребенок не читает! Что делать?*».

Исследования детского чтения, проведенные Левада-Центром (в частности, осуществленный по заказу фонда «Пушкинская библиотека» в декабре 2006 г. опрос 400 младших и 400 средних школьников, а также 600 родителей детей соответствующего возраста), дают информацию, позволяющую несколько уточнить и детализировать родительские оценки того типа, которые приведены Л. Борусяк. Наши данные показывают, что 1) интенсив-

ность чтения детей-москвичей в среднем выше, чем показатели детского чтения в других типах поселений, 2) в целом активность чтения учеников средних классов не ниже, а даже несколько выше, чем у младших школьников, но 3) к девятому классу она снижается. Так если в пятом и шестом классах более семи книг за последние три месяца перед опросом (т. е. более двух книг в месяц) прочитали по 28% опрошенных школьников, то в девятом классе таких уже только 13%, притом что 12% учеников девятого класса не прочли за этот период вообще ни одной книги, а еще 9% не могут дать определенный ответ. Одновременно с этим растет доля тех школьников, кто считает чтение занятием, за которое приходится приниматься, поскольку оно навязано старшими (родителями, учителями), делом ненужным, неинтересным и даже ненавистным (см. табл. 1, в % к отвечавшим на соответствующий вопрос).

Таблица 1
ТЫ СОГЛАСЕН ИЛИ НЕТ С СУЖДЕНИЕМ (сравнение положительных ответов)...

Вариант ответа	Ученики 5-го класса	Ученики 9-го класса
«Мне нравится читать»	81	64
«Я читаю потому, что этого требуют учителя и родители»	27	42
«Ненавижу читать, скучное занятие»	4	19
«Чтение сейчас никому не нужно»	6	10

Вместе с тем в старших классах у значительной части школьников, в особенности — мужского пола, довольно напряженными становятся отношения со взрослыми, как с родителями, так и с учителями; прежде всего эти отношения обостряются в семьях, где нет или мало своих книг, где мало читают и не обсуждают прочитанное. В читающих семьях учащиеся заметно чаще описывают отношения с родителями как «дружные», в нечитающих чаще возникают

¹ Курсивом, как и в тексте Л. Борусяк, выделены цитаты из записей изученных ею москвичей.

непонимание, ссоры, особенно часто — из-за учебы, бытовых проблем, плохого поведения школьников.

Таблица 2
ОТНОШЕНИЯ В СЕМЬЕ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ СЕМЬИ (в % по вертикали)

Вариант ответа	В читающих семьях	В нечитающих семьях
Отношения в семье дружные	70	58
Отношения хорошие, но не хватает близости, понимания	24	37
Нам трудно найти общий язык, мы ссоримся	4	5
Затрудняюсь ответить	2	0

Вместе с тем оценка отношений со сверстниками в школе как напряженных и конфликтных среди этих детей из читающих семей со значительными библиотеками выше среднего (хотя показатели здесь все-таки не очень велики) — вероятно, это связано с их более обостренной реакцией на напряжения и конфликты, рефлексией над ними.

Таблица 3
ОЦЕНКА ОТНОШЕНИЙ СО ШКОЛЬНИМИ ТОВАРИЩАМИ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ РАЗМЕРОВ ДОМАШНЕЙ БИБЛИОТЕКИ (в % по вертикали)

Вариант ответа	Маленькая ДБ	Средняя ДБ	Большая ДБ
Теплые, доверительные	27	37	42
Нормальные, спокойные	70	57	44
напряженные	3	3	10
Конфликтные, тяжелые	1	1	2
Затруднились ответить	—	1	3

Добавлю, что напряжения между старшими и младшими в семье и школе относятся и непосредственно к чтению. Дело в том, что авторитет родителей, учителей, библиотекарей как рекомендателей книг с возрастом учащихся, по нашим данным, падает; напротив, рекомендации сверстников, друзей, таких же, как они сами, становятся для школьников, но особенно для школьниц, все более значимыми. Наконец, существенно отметить и даже подчеркнуть еще один момент: родители оценивают своих сверстников, в том числе — чтение и вообще культурное поведение людей своего поколения,

мягче, благожелательнее, чем своих детей и поколение их сверстников. Чем старше при этом дети, тем критичнее к ним и их поколению относятся родители.

Причем, как видно по оценкам, приводимым Л. Борусяк, сегодняшние родители часто склонны винить в отвлечении детей от чтения, в первую голову, Интернет. Однако данные уже цитировавшегося опроса Левада-Центра показывают, что прямой связи здесь нет. Дети, регулярно пользующиеся Интернетом, не менее, а иногда и более активны и уж точно более избирательны в чтении. О сходной тенденции говорят и данные зарубежных исследований. Так, по данным, представленным французским институтом исследований маркетинга и общественного мнения TNS Sofres на парижском Салоне книги 2010 г., среди французов, проводящих много времени в Интернете, доля много читающих выше средней по стране: больше 20 книг за последний год (примерно две книги в месяц и более) прочитали 13% «интернавтов» при 9% в среднем по выборке¹.

Комплекс оценок, который здесь коротко описан и который гораздо подробнее представлен в статье Любви Борусяк, я бы предложил рассматривать вот в какой перспективе. Различие оценок родителями читательского поведения людей собственного поколения и самих себя (более щадящих), с одной стороны, и своих детей и их сверстников (более обвинительных), с другой, можно понимать как механизм вытеснения и переноса чувства вины за то, что сам родитель не соответствует тем стандартам (нормам) поведения культурного человека, которым, кажется, должен был бы отвечать, имея высшее образование и т. д., и которыми он (точнее она, образованная и обеспеченная москвичка 30–40 лет) мерит досуговое поведение своего ребенка. Рискну предположить, что речь здесь идет не столько о чтении, сколько о взаимоотношениях в семье и описанная оценка фиксирует разлад этих взаимоотношений.

Иными словами, эта оценка выдает слабость или разрыв общего культурного пространства, общего смыслового мира в семейном общении. И компьютер (Интернет) — символ данного разрыва или смыслового дефицита, своего рода экран, который отгораживает младших членов семьи от старших, как экран телевизора, в свою очередь, отгораживает старших от младших. «Отгораживает» значит в данном случае ослабляет или отменяет действие ролевых норм

¹ См.: <http://www.livreshebdo.fr/economie-et-chiffres/actualites/sondage-plus-de-lecteurs-moins-de-livres-lus/1552.aspx>.

и обязательств взаимности, которым должно было бы соответствовать поведение детей и родителей, с точки зрения тех и других, хотя доминирующей, понятно, остается родительская позиция. А из этого, вправе заключить социолог, следует то, что у обеих сторон взаимодействия, родителей и детей, нет символического и смыслового материала, позволяющего артикулировать и осмыслить, сгладить или даже устранить названный выше разрыв и, по всей видимости, подспудно тлеющий в семье конфликт (не случайно в читающих и «книжных» семьях на такого рода напряжения указывают значительно реже). Общий мир же требует не просто *общих* (например, разделяемых по традиции или по привычке) символов и значений, но символов и значений, достаточно *обобщенных* для того, чтобы объединять участников взаимодействия, не устраняя их различий, больше того — эти различия поддерживая, обыгрывая, рафинируя и т. д.

И это подводит нас к еще одному важному социокультурному моменту. Исследователи читательских умений школьников по международной программе PISA¹ указывают, что российские дети учатся читать быстрее и читают с большей охотой, чем учащиеся во многих других странах. Но, во-первых, они быстро теряют эти свои умения и охоту на переходе от начальной школы к средней (об этом уже вкратце говорилось), а во-вторых, плохо умеют анализировать и обобщать прочитанное, им легче его пересказать близко к тексту. Я бы предложил объединить два этих пункта и связать их с той слабостью или дефицитом общего смыслового мира семьи, о котором только что упоминал (напомню, кроме того, что семья сегодня в России — единственный круг людей, который обычный российский человек, по его свидетельству, все-таки контролирует, на который он может влиять и на который считает возможным полагаться, других таких общностей для человека в России сегодня нет).

По данным опросов Левада-Центра, связь между поколениями через чтение в обычной, не «книжной» семье сейчас по преимуществу персонализированная и аффективная, партикуляристская: чтение детям и разговор с ними о прочитанном — занятие почти исключительно матерей. Ослабление этой связи с возрастом, да еще при общей раздробленности российского социума, оставляет младшего участника как бы без авторитетов, без «внутреннего голоса»

¹ См., в частности: Карпенко О., Бершадская М., Вознесенская Ю. Международное исследование PISA и проблемы развития высшего образования // Вестник общественного мнения. 2007. № 5. С. 38–47.

обобщенного Другого, а школьному учителю выступить заместителем этого Другого, можно предполагать, чаще всего не удастся. И не удастся именно потому, что у детей, получивших травмирующий опыт разрыва коммуникативных связей со взрослыми внутри обычных российских семей, которые ведь и сами живут в ситуации распада «большого» социального мира, как бы во «враждебном окружении», не срабатывают механизмы обобщения коммуникативного опыта, даже привычных, а тем более — трудных жизненных ситуаций, придания им общечеловеческого, этического и другого универсального смысла, соединяющего с другими, *такими же как ты*, но и с *другими как другими* — иными, однако не чуждыми. Коротко говоря, тут слабы или даже вовсе отсутствуют механизмы социального воображения, не действуют исторические примеры, этические правила, моральные аллегории, художественные образы-фикции и т. п. Эти дефициты обостряются на переходе от детского возраста к подростковому, а потом — к юношескому, с одной стороны, повышая возрастной, поколенческий конформизм школьников, а с другой — стимулируя напряженность между ними и поколением старших, желание демонстративного отрыва от них — будь то родители, будь то учителя.

Важно, что все эти напряжения, конфликты и разрывы в большинстве случаев остаются, как сказано, символически не обобщенными, не проработанными, не сублимированными. И это понятно, если представить себе характер повседневных коммуникаций подавляющей части российского населения за пределами профессиональных занятий и обеспечения простейших жизненных нужд. Три четверти россиян (и более) проводят сегодня часы досуга вне каких бы то ни было каналов культурной коммуникации, кроме телевидения. А основные каналы российского ТВ не столько несут заинтересованный опыт *иного* существования и позитивные значения обобщенных *других*, сколько, напротив, массивно противостоят подобным формам альтернативного опыта и рефлексии над ними (я имею в виду вовсе не обязательно образцы «высокого» и «классического», а прежде всего репрезентацию разнообразия и — как раз в силу разнообразия — механизмы его освоения как общего, механизмы генерализации)². Данные опросов Левада-Центра свидетельствуют о радикальном сокращении сетей культурной ком-

² Подробнее см.: Дубин Б. Массмедиа и коммуникативный мир жителей России: пластическая хирургия социальной реальности // Вестник общественного мнения. 2006. № 3(83). С. 33–46.

муникации большинства россиян за последние 15–20 лет (см. табл. 4–6).

Таблица 4
КАК ЧАСТО ВЫ ХОДИТЕ В КИНО? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	1990, N=1600	2007, N=2000	2009, N=1600
Несколько раз в неделю	11	1	Меньше 1
Несколько раз в месяц	21	8	5
Несколько раз в год и реже	41	25	19
Никогда	27	66	76

Таблица 5
КАК ЧАСТО ВЫ БЫВАЕТЕ В ТЕАТРЕ? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	1992, N=1800	2007, N=2600	2009, N=1600
Несколько раз в неделю	1	Меньше 1	Меньше 1
Несколько раз в месяц	3	2	1
Несколько раз в год и реже	26	28	14
Никогда	66	67	82
Затрудняюсь ответить	4	2	3

Таблица 6
КАК ЧАСТО ВЫ БЫВАЕТЕ В МУЗЕЯХ, НА ВЫСТАВКАХ? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	1990, N=1600	1992, N=1800	2007, N=2600	2009, N=1600
Несколько раз в неделю	Меньше 1	1	Меньше 1	0
Несколько раз в месяц	2	4	2	2
Несколько раз в год	34	24	12	15
Никогда	64	71	85	83

Фактически из форм коммуникации с «другими» у преобладающего числа россиян сегодня осталось уже многократно поминавшееся телевидение плюс посещение/прием гостей: для людей старшего возраста это общение по преимуществу с близкими родственниками и времяпрепровождение домашнее, для молодежи – общение с друзьями и знакомыми, как правило – вне дома. Существенно, что в качестве партнеров по общению здесь чаще выступают «такие же, как мы» или даже кровно

близкие, на которых генерализирующие конструкции универсалистского типа обычно не распространяются.

«Молодые московские интеллектуалы», их чтение и предпочтения. Данный контингент представлен в статье Л. Борусяк достаточно подробно, я опять-таки лишь подчеркну несколько деталей. Это молодые (чаще всего, 20–24-х лет), высокообразованные и во многих случаях продолжающие наращивать образовательный ресурс москвичи и москвички, активно общающиеся в Интернете через социальную сеть «В контакте». Все они – дети людей с высшим образованием, но не принадлежат к профессиональным филологам, в большинстве не демонстрируют (по крайней мере, не включают в «визитную карточку» члена сети) принадлежность к православию и религиозность вообще, равно как на две трети не предъявляют политических предпочтений. Их деловой интерес – в первую очередь, учеба, планы связаны с профессиональным устройством и продвижением, от ТВ они явно дистанцируются, а досуг, по преимуществу внедомашний, для них составляют – согласно предъявленной другим участникам самохарактеристике – спорт, танцы, путешествия, фотографирование, кино, музыка, в которой присутствует и «знаковая» академическая классика, но скорее преобладают джаз и рок (картина, кажется, несколько напоминающая «веселую Европу» после Первой мировой войны и до мирового экономического кризиса 1930-х гг., парижские «les années folles» – не из ценимого ли ими Хемингуэя пришел к ним этот «праздник, который всегда с тобой?»).

Книги, чтение обладают для них высокой символической значимостью, что, заметим, отличает их от 30–40-летних образованных москвичек, о которых шла речь выше. При этом их читательские предпочтения – в целом интеллигентские с некоторым демонстративным сдвигом в сторону «трудной», «интеллектуальной» литературы. В качестве опознавательных знаков предъявляются Дж. Джойс и М. Пруст, но на них «надо время». Поэтому среди любимых авторов оказываются прежде всего М. Булгаков, Э. М. Ремарк, братья Стругацкие, Дж. Р. Р. Толкин, Г. Гарсиа Маркес, А. де Сент-Экзюпери, Э. Хемингуэй, а из отечественной классики XIX в. – Л. Толстой, но особенно Достоевский при фактическом отсутствии Пушкина (как совсем уж «школьного» плюс до невыносимости затасканного массмедиа в виде «Имени Россия» и проч.).

Однако упор в чтении и предпочтениях изученная Л. Борусяк московская образованная молодежь делает на словесность зарубежную и современную, XX в. Зарубежное, можно сказать, и представляет для нее современность, а современность равнозначна тому, что за рубежом. Современная русскоязычная словесность в круг «любимого» фактически не включается: изредка упоминаемые Пелевин и еще реже Б. Акунин не меняют общей картины. Точно так же слабо представлена в круге «любимого» поэзия, она в какой-то мере значима только для молодых женщин. Как род литературы она вообще упоминается реже всех других, но, главное, называемые имена, даже С. Есенин, не концентрируют сколько-нибудь значительного числа ценителей, не имеют символического потенциала. Полностью отсутствует среди предпочтений изученной Л. Борусяк московской молодежи советская социально-критическая проза, составлявшая — наряду с классикой — смысловой центр интеллигентского чтения позднесоветских лет. Из жанров значима фэнтези (интерес к фантастике — отличительная черта чтения *молодежи*), но не детектив, который — вместе с сентиментальным романом — составляет сейчас основу чтения образованных слоев *среднего и старшего возраста*, как и основных жанров предпочитаемого ими телевизионного зрелища.

Итак, у молодых москвичей-интеллектуалов нет собственных литературных (книжных) символов — имен значимых для них писателей-сверстников или «старших братьев», либо их «знаковых» новых книг. Визитными карточками сегодняшней продвинутой, «мотивированной» и амбициозной молодежи в сфере литературы и чтения чаще всего выступают радикалы символического наследия их интеллигентных родителей (имя и книги В. Пелевина как значимый символ — того же происхождения, они были признаны во второй половине 1980-х — начале 1990-х гг., условно говоря, «родителями» изученных молодых москвичей, причем пришли к ним через «толстые» журналы). Казалось бы, парадокс, но лишь на первый взгляд. Собственно говоря, откуда же еще, кроме как от интеллигенции 1970-х — 1980-х и более давних годов, нынешние «молодые московские интеллектуалы» могли получить начатки и основы литературной культуры? Никто, кроме интеллигенции, этой культурой в сколько-нибудь развитой форме не владел, никто на нее не претендовал (большинство других групп за пределами интеллигенции скорее считали ее чем-то чужим, «школьным»), к жизни, в любом случае

не относящимся), как никто другой — через издательскую систему, литературную критику, школу, СМИ, кино- и телеэкранизации и т. д. — набор и уровень «достойных» литературных образцов не контролировал, о его поддержании и воспроизводстве не заботился.

Социальные, культурные, экономические, политические процессы 1990-х гг., допустимо сказать, лишь обеспечили нынешней молодежи *доступность* литературных образцов, которые прежде, в 1960-х — 1980-х, были ограниченно доступными, дефицитными, полузапретными, так или иначе — нормируемыми и дозируемыми. Ровно также остальному большинству читающих россиян эти процессы обеспечили доступность столь же дефицитной с тех позднесоветских десятилетий массовой романистики (детективной и любовной), а большинству россиян телесмотрящих — доступность соответствующих, той же жанровой принадлежности и массового уровня, аудиовизуальных образцов, остросюжетных и мелодраматических сериалов. Как можно видеть на материале, приведенном Л. Борусяк, иных, собственно *содержательных* изменений в чтении продвинутых слоев (не беру сейчас узкие, продолжающие множиться и дробиться кружки и группы гуманитарно-образованной и поисково-ориентированной молодежи Москвы, Петербурга и крупных городов страны), как, впрочем, и остального большинства, «масс», почти не произошло, однако стало «можно» то, что раньше было «нельзя». А это значит, что уже в постсоветское время и несоветскими (рыночными) средствами была, наконец, решена проблема сугубо советская, уходящая корнями еще в эпоху культурной революции, — столь значимая для библиотекарей позднесоветских десятилетий проблема *распространенности чтения*.

Стоит, впрочем, отметить, что, как только она оказалась решена, чтение тут же лишилось ореола сверхзначимости. Больше того, оно стало, как показывает Л. Борусяк, отторгаться как занятие слишком трудное, «советское», неинтересное и т.п. Те, кто при этом переориентировались на массовую и «легкую» словесность, отказались от задевающего и сложного, молодежь — от школьной классики и проблемно-критической, «папиной» литературы, казалось бы, еще совсем недавно современной, и проч. Подчеркну, что современность (и сама смысловая картина, и заинтересованное отношение к ней) не воспроизвелась, не передалась следующему поколению. Чтение, как и социум в целом, *фрагментировалось*.

Конечно, при этом изменились возможности — и молодежи, и, в меньшей мере, остального большинства — приобретать то, что стало доступным. А это уже подводит нас к более общей теме, которую я и хотел бы в заключение развить, — теме перемен (и отсутствия перемен) в литературной, книжной культуре 1990-х — 2000-х гг. — их инициаторов и блокаторов, направленности, скорости, перспектив, в конце концов, их смысла и значимости.

Издание и чтение книг: что и с кем здесь произошло? Чтобы не повторять то, что уже говорилось по данной теме раньше¹, выделю три предельно обобщенных направления перемен за последнее двадцатилетие, с результатами которых сталкиваются сегодня исследователи чтения в России.

1. Главное здесь — изменение масштаба, форм и содержания коммуникаций в социуме. Они сократились по объему, обеднились и усреднились по содержанию, массовизировались по форме. Подавляющая часть сегодняшней публики, включая образованные слои россиян среднего и старшего возраста, с середины 1990-х гг. перешла в чтении на жанровую и серийную словесность карманного формата (в дополнение к столь же усредненному и сериализованному телевидению примерно той же — детективной и сентиментальной — тематики, представленной сегодня как относительно новыми, более или менее недавно созданными образцами, так и, в весьма значительном объеме эфирного времени, продукцией советских лет). Это сопровождалось отрывом культурных лидеров или претендентов на такое лидерство от читающей, смотрящей, слушающей массы; характерна в данном плане судьба журналов: старые «толстые», созданные еще в советское время, редуцировались по тиражам и функциям до *little reviews*, причем *новые* журналы этого последнего типа, десятками возникавшие на заре перестройки и гласности, за 1990-е гг. в абсолютном большинстве исчезли (хотя стали доступны несколько старых и новых литературных журналов эмиграции).

То же в большинстве случаев произошло с новыми магазинами «интеллектуальной книги», которые начали возникать в крупных городах примерно с 1992-1993 гг. и число которых даже в Москве упало с тех пор как минимум

¹ См.: Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Чтение в России—2008. Тенденции и проблемы. М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2008; *они же*. Чтение и общество в России 2000-х годов // Вестник общественного мнения. 2008. № 6 (98). С. 30–52.

вдвое, да и посещаемость их стала иной. Итог: анализируемое сегодня социологами чтение в России (по крайней мере, художественной литературы) — это чтение книг, а эти книги в абсолютном большинстве случаев — жанрового типа и массового назначения, в принципе не предусматривающего хранение, семейное соби- рание и передачу в форме домашней библиотеки и т. п.²

Если же брать собственно «лидерскую» среду, то можно сказать, что рождение *группового* уровня литературных коммуникаций и российского социума в целом не состоялось. Появились кружки, а не группы — именно с этим обстоятельством связаны провал журналов как типа издания и относительная слабость сегодня независимых книжных магазинов при относительном же расцвете независимых мелких издательств. Исчезают или крайне слабо развиваются именно площадки *межгруппового* взаимодействия — «первые читатели» еще есть (видимо, они в Новое время есть более или менее всегда), но нет вторых и третьих, а значит — нет запроса на универсальные ценности и смысловые ориентиры. Умножающиеся образцы носят при этом демонстративно различительный характер: они сплывают и структурируют своих, отделяя их от чужих, но не обращаясь к многим и разным. Отсюда — слабость журнальной полемики, изоляция «первых» групп от большого мира (печатаются переводы уже опубликованного на иных языках, а не приглашаются писать в данный журнал авторы из различных стран). Отсюда — удручающе малое, в сравнении с развитыми странами, количество литературных премий и их незначимость для читателей за пределами опять-таки «своих». Отсюда и тот рутинный, «пережиточный» характер символических литературных авторитетов столичной молодежи, который показала в своей статье Л. Борусяк.

Понятно, что перемены в данном направлении повлекли за собой кризис авторитетов — слабость или отсутствие публичных культурных лидеров, элитных групп, а собственно в чтении привели к сокращению значимости фигур ли-

² Отвлекаюсь сейчас от темы собственно распространения изданных книг через библиотеки и магазины, от организации и эффективности этой сети сегодня. Чтобы и здесь не повторять сказанного в предыдущих работах сотрудников Левада-Центра, отмечу только, что, в сравнении с советскими годами, в России произошло как минимум двух-трехкратное снижение числа книготорговых точек. При постоянно росшем в последние 10–12 лет количестве названий издаваемых книг (и даже при сокращении их тиражей, развивавшемся параллельно) розничная книготорговая сеть не в силах реализовать сейчас и половины книжной продукции, выпускаемой издательствами.

дера чтения, библиотекаря, учителя литературы, литературного критика. С этим связано и общее для большинства социальных групп и слоев российского населения сокращение временных размерностей действия (отсутствие сколько-нибудь структурированных представлений о будущем, расчет на самые короткие временные дистанции, ностальгия по утраченному прошлому и фантомное значение этой общей потери). В чтении это выразилось в сокращении срока значимости новых литературных образцов до сезона, как в моде, и сокращение физической жизни книг до так называемых шортселлеров (по нашим данным 2008 г., 35% покупающих сегодня книги россияне не собираются хранить купленное). Более того, можно говорить о принципиальном сокращении области общего в социуме – общих интересов, идей, символов, кроме регулярно представляемых общедоступным телевидением первых лиц власти, ностальгических образов державы, жестко иерархических институтов церкви и армии, которые выступают для большинства россиян своего рода моделями «правильного» и вместе с тем «особого, нашего» социального устройства.

2. Другой важный аспект изменений в коммуникативном обиходе россиян за 1990-е – 2000-е гг. – это перенос символической значимости с одних смысловых зон жизненного мира (предпочитаемых благ и занятий, каналов коммуникации, ценностных ориентиров) на другие. При этом для большинства российского населения, включая во многом и образованную столичную молодежь, книги ушли из областей высокой семантической нагруженности. На их место приходят другие типы печати (скажем, глянцевого журналы, которые, строго говоря, не читают, а просматривают и, как правило, не хранят, либо дайджесты, являющиеся изданиями опять-таки не столько для чтения, сколько для просматривания и справки). Конечно же, одной из наиболее значимых, а не просто посещаемых смысловых зон повседневного существования для все большей доли наших сограждан, в особенности молодых, становится Интернет, принципиально другой тип коммуникативной связи (она происходит в реальном времени, принципиально открыта для других участников, это двусторонняя коммуникация и др.). Наконец, на место прежнего чтения приходят другие, не опосредованные печатным текстом занятия – типа посещений «клуба своих» для одних групп (скажем, более экономически благополучной молодежи крупных городов) или посматривания, между другими делами,

унифицированного и общедоступного телевидения для других, более широких контингентов населения. Понятно, что в данном контексте – см. приводимые Л. Борусяк материалы о литературных приоритетах молодых московских интеллектуалов – сокращается и символическая значимость литературной классики.

В любом из перечисленных случаев приходится говорить о чем-то вроде рассеяния и исчезновения того ореола сверхзначимости, который Вальтер Беньямин между двумя мировыми войнами назвал «аурой» и ослабление которого связывал с утратой неповторимости, статуса «оригинала» в обществах, становящихся массовыми и опирающихся на тиражируемые образцы массовых коммуникаций (в российском случае, как уже не раз отмечалось, речь идет о массовизации определенных символических образцов поведения «среднего человека» без сколько-нибудь автономных, признанных и влиятельных элит¹ и без модернизации основных, структуро- и смыслообразующих институтов социума). Стереотипам поведения «каждого», «всех как одного» при этом противостоят стандарты взаимодействия «своих». Как говорилось выше, в российском обиходе по-прежнему отсутствуют или крайне слабы универсалистские модели действия многих и разных, в точном смысле слова – образцы «культуры», как она задавалась в западных обществах эпохи модерна.

Не углубляясь сейчас в сравнение печатных и аудиовизуальных коммуникаций, отмечу лишь два важных для нашей темы пункта. Во-первых, в телесмотрении нет и не может быть лидеров, они здесь попросту не нужны (строго говоря, лидеров, а значит и элитообразующих, структурирующих элиту начал нет и в Интернете как типе коммуникации)². Телевизионная аудитория организуется по иным принципам и другими средствами, представления о которых могут дать самые популярные в сегодняшней России типы изданий – журналы «Семь дней», «ТВ-неделя», «ТВ-парк» и т. п. Их составляющие – хронометрированная программа зрительского досуга и визуальные образы звезд в их досуговом, праздничном, модном поведении. Телевизионная коммуникация построена на принципе анонимного *потока* (к нему также тяготеет газета и массовый журнал), книжная –

¹ См. об этом: Гудков Л., Дубин Б., Левада Ю. Проблема «элиты» в современной России. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007 (<http://www.liberal.ru/upload/files/elita.pdf>)

² Подробнее см.: Дубин Б. Институты, сети, ритуалы // Pro et Contra. 2008. Т. 12. № 2–3. Март-июнь. С. 24–35.

на принципе отдельного авторского образа. Бренд газеты, образ теле- или кинозвезды выступают для новейшего времени новыми, внеавторскими типами репрезентации и удостоверения значимости смысловых образцов. В сравнении с ними как типовыми формами коммуникации (и это — во-вторых) алфавитное письмо и опирающаяся на него книжная печать — это предельно формальное (условное) и потому наиболее рационализированное средство трансляции значений и образцов. Это легко понять, если вспомнить, что чтение, понимание и интерпретация печатных (книжных) текстов — единственный вид массовой коммуникации, которому мы специально обучаемся в рамках автономной, институционализированной системы. Скажем, смотреть телевизор, как и кино, нас никто не учит, этот навык не выделен из потока жизненного опыта и воспринимается вместе с усвоением других социальных ролей — ребенка, члена семьи, юноши/девушки и т. д.

В этом плане постоянное появление в сегодняшней России кандидатов на роль лидеров и экспертов без формирования автономных и полноправных элит и при крайней рыхлости, социальной слабости, неавторитетности экспертного сообщества, о котором в настоящем номере нашего журнала на материалах художественной жизни в России пишет, в частности, Юлия Лидерман, коррелирует с атомизированным и преимущественно зрительским характером сегодняшнего российского социума («общество зрителей»)¹.

3. Третий аспект перемен последнего пятнадцатилетия, особенно существенный для оценки нынешней ситуации в чтении, а главное — ее перспектив, состоит в сокращении пространства обобщенных символов и образцов, крайней слабости интеллектуальной работы по их созданию, осмыслению, распространению при, напротив, как говорилось, расширении унифицирующего воздействия символики всеобщего как «нашего особого», с одной стороны, и принадлежности к кружкам «своих» — с другой. Интеллигенция не справилась и не могла справиться с задачей выработки общего смыс-

лового мира, генерализированных идей, символов, языка для российского социума, для разных групп и слоев населения страны. Ее не раз продемонстрированное недоверие и даже презрение к сложности («читатель не поймет») означает для социолога исключение из кругозора интеллигенции множества разнообразных и значимых других. А отсюда следует и дефицит генерализированных идей, понятий, символов в языке интеллигенции, который уже несколько раз упоминался. Интеллигентские идеи социальной критики (социально-критического романа «с подтекстом», «эзопова языка» кинофильмов и театральных постановок) и «планки качества» (классика, Пушкинский музей, Большой театр) не могли стать общими.

При этом, что важно отметить, отсекалась область образно-символического поиска (характерно невнимание отечественной публики, включая, как показала Л. Борусяк, даже нынешнюю образованную столичную молодежь, к поэзии, за исключением разве что магнитофонных бардов и «поэтов на стадионе»; редкие образцы высокого литературного модернизма — скажем, Элиот в поэзии или Кафка в прозе — были относительно признаны интеллигенцией постольку и ровно в той мере, в какой были «запрещены» официальными властями, государственной цензурой). Но интеллигенцией отсекался, подчеркну, и «ширнармассовый», относящийся, по избитому советскому идеологическому клише, к «широким народным массам», «плебейский» уровень культуры, а значит — подавлялись источники ее динамики и возможности перехода интеллектуальных образцов от группы к группе, с уровня на уровень. Напомню, что расслоение на поисковое, классическое, массовое искусство и литературу в раннем модерне возникло в Европе и США именно как момент автономной динамики культуры².

В этой ситуации можно, вероятно, на материале недавней российской истории и истории культуры говорить о своего рода новом «восстании масс», но в характерных для России формах пассивного массового *сопротивления переменам* и вместе с тем вынужденной, затяжной *адаптации к ним*. В плане общей социологии культуры как исторической и компаративистской дисциплины допустимо предположить, что в обществах новейшего времени вообще чередуются периоды мобилизации и стабилизации. Тогда во взрыве интереса к книге и возникновении

¹ Применительно к ситуации с академической современной музыкой и ее экспертированием см. заметку Анастасии Буцко: http://www.openspace.ru/music_classic/projects/17675/details/18899/. В более общем плане см.: Гудков Л., Дубин Б. Общество телезрителей: массы и массовые коммуникации в России конца 90-х годов // Мониторинг общественного мнения. 2001. № 2. С. 31–45; Дубин Б. В стране зрителей // Дружба народов. 2001. № 8. С. 181–188; он же. Читатель в обществе зрителей // Знамя. 2004. № 5. С. 168–178.

² См.: Дубин Б. Классическое, элитарное, массовое: начала дифференциации и механизмы внутренней динамики в системе литературы // Новое литературное обозрение. 2002. № 5 (57). С. 6–23.

феномена массового чтения в Европе эпохи раннего модерна правомерно видеть симптом и сопровождение фазы социального подъема и прежде всего нарастающей общественной активности *на групповом уровне*, политической активизации различных групп («толстый» журнал – орган группы). Нарастание же пассивности, провал протоэлитных групп и ближайших к ним слоев подхвата этого импульса перемен ведут в культуре к массовизации вкусов и усилению спектаклярности в публичной жизни, досуговых занятиях. Причем визуализация коммуникаций в обществе – ср. ситуацию межвоенной Европы, о которой уже упоминалось, – сопровождается, кроме прочего, такими изменениями в структурах символического обихода, как нарастающая установка публики именно на развлечение, феминизация мод и омоложение вкусов. Если же иметь в виду Россию, то период групповой активности и попыток институционального строительства сверху, скажем, на рубеже 1980-х – 1990-х гг., сменяется (сменился за последние 15 лет) фазой понижающей адаптации «рассеянной массы» к status quo и символической компенсации ностальгически вспоминаемых утрат доперестроечного времени. Напомню к тому же, что домашний

спектакль на телеэкране – досуговое развлечение, самое дешевое по денежным затратам и технически наиболее доступное «всем».

Поэтому, подведем итог комментариям к статье Любви Борусяк, разговор в данном случае идет, конечно, не только об отношении детей и их родителей к книгам и чтению. Речь об изменении *отношений между родителями и детьми*, более того – *отношений между россиянами в целом*. Добавлю, что осмыслить эти перемены и действовать с пониманием их значения и перспектив, будь они благоприятными или опасными, у жителей России нет сегодня ни воли (автаркия, раздробленность, апатия), ни культурных средств (весь этот узел проблем очень слабо символически проработан усилиями интеллектуалов). Так что кризис чтения у школьников, как и у взрослых, это кризис умения и желания обобщать свой опыт, дефицит общего в социуме, заинтересованных представлений о генерализованном и значимом Другом. Иными словами, кризис социальности (социабельности) и самой модернизационной идеи человека как существа деятельного, но ответственного, самостоятельного, но и солидарного.

Володымыр КУЛЫК

Родной язык и язык общения:

на что должна ориентироваться языковая политика?

1. В начале осени 2010 г. депутаты украинской правительственной коалиции Александр Ефремов, Петр Симоненко и Сергей Гриневецкий зарегистрировали в секретариате парламента проект нового закона о языках, который — ввиду декларируемых намерений новой власти как можно скорее превратить его в закон — вызвал довольно бурную реакцию в обеспокоенных языковыми вопросами кругах. Главная цель проекта — решить проблему повышения статуса русского языка и таким образом выполнить давнее обещание Виктора Януковича и его Партии регионов. Поскольку придание русскому статусу второго государственного языка потребовало бы изменения Конституции, для чего у режима Януковича вряд ли хватит сейчас парламентских голосов, решено было сделать русский одним из «региональных языков», будто бы согласно Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств. Говорю «будто бы», так как большинство экспертов считает, что придание статуса регионального языку половины населения страны и большинства престижных практик противоречит если не букве, то духу хартии, призванной защитить от маргинализации языки, меньшее количество носителей которых не позволяет им на равных конкурировать с языком большинства.

В украинском законе 2003 г. о ратификации хартии декларируется ее применение к целым 13 языкам — без ограничения по территории и без дифференциации по степени распространения, т. е. в принципе везде, а на практике, возможно, нигде. Предлагаемый закон о языках призван эту дисфункциональность устранить, привязав возможности публичного употребления каждого регионального языка на определенной территории к количеству его носителей, т. е. к их проценту от всего населения территории. Такой подход не может вызывать возражений у людей, заинтересованных в реальном употреблении языков в обществе, однако его реализация упирается в два важных вопроса: «порогового» процента носителей языка, выше

которого этот язык получает региональный статус, и самого критерия определения носителей.

Чтобы обеспечить возможность официального использования русского языка на как можно большей территории, авторы законопроекта предлагают не только установить порог на уровне 10%, но и определять количество носителей по ответу на вопрос переписи о том, какой язык они «преимущественно употребляют». До сих пор такого вопроса в Украине не задавали: в единственной до настоящего времени переписи 2001 г. украинское государство продолжило советскую практику спрашивать граждан лишь о родном языке и других языках, которыми они владеют. Предлагаемый критерий радикально отличается от использовавшегося до сих пор и концептуально, и практически. Он не только отделяет язык от этничности (национальности), к которой привязывала его советская и постсоветская языковая политика, но и определяет связь человека с языком не по идентификации, а по речевой практике.

Политическая привлекательность такого подхода для его приверженцев очевидна: предлагаемый критерий в сочетании с низким даже по европейским меркам порогом позволит сделать русский региональным во всех частях Украины, кроме крайнего запада (если, конечно, сопротивление повышению статуса этого языка не примет характер массового отрицания факта его преимущественного употребления). Неудивительно, что противники такой переориентации языковой политики отвергают и предложенный порог, и критерий, предлагая повысить первый до 50 или хотя бы 20%, а второй заменить на национальность или хотя бы родной язык. Понятно, что выбор этих норм в будущем законе (если его все-таки решено будет принять, а не по сложившейся за годы независимости печальной традиции опять положить «под сукно», оставив страну еще на какое-то время с явно неадекватным законом 1989 г. «О языках в Украинской ССР») будет определять политическая целесообразность, а не забота о наиболее

полном и равном обеспечении языковых прав и потребностей граждан. Однако если политики готовы будут хоть в какой-то мере ориентироваться на нормативные рекомендации ученых, что мы должны им предложить?

Из двух указанных выше аспектов выбора — порога и критерия — я буду говорить лишь о втором, более фундаментальном для языковой политики. Если высота порога официального многоязычия должна определяться балансом обеспечения прав, экономии ресурсов и сохранения целостности общества и государства, то критерий определения носителей языка закладывает основание для самого признания языковых прав — как прав определенных людей употреблять определенные языки в определенных практиках. Языковая политика как согласование интересов языковых групп общества неизбежно исходит из соотнесения каждого человека — сколько бы языков он ни знал и ни употреблял в различных практиках — с одним главным для него языком, который делает его членом определенной языковой группы, чьи размеры и притязания базируются, таким образом, на постулируемом желании ее членов употреблять прежде всего этот язык (многие государства признают подобное желание как право). Я попытаюсь оценить целесообразность выбора языковой идентичности или практики в качестве критерия такого соотнесения, исходя из влияния этих факторов на отношение к языковой ситуации и языковой политике.

2. Почти полное отсутствие научных и общественных дискуссий на данную тему даже в традиционно многоязычных странах можно отчасти объяснить тем обстоятельством, что обычно языковые группы достаточно четко отделены друг от друга, поэтому идентичность большинства членов каждой из них является однозначной и соответствует их преобладающей практике. Хотя границы между группами негерметичны (а численность, следовательно, непостоянна), так как люди могут менять язык общения в течение жизни или не наследовать язык родителей, наличие в каждый момент почти у каждого человека одного главного языка практики и идентификации позволяет провести эти границы четко. Практическим методом проведения является перепись, ответы граждан на вопрос которой о родном или домашнем языке не только политики, но и ученые воспринимают как отражающие реальную языковую практику. Последние, впрочем, осознают неизбежные отклонения от практики в сторону, дик-

туемую соображениями групповой лояльности, на которую, в свою очередь, влияет общественный дискурс, — однако эти отклонения обычно представляются не столь большими, чтобы обесценивать содержащуюся в ответах информацию о практике. В конкретных случаях (будь то Беларусь или Северная Ирландия) исследователи могут указать на радикальное несоответствие декларируемого родного языка фактически употребляемому¹. Однако на концептуальном уровне определяемое результатами переписи соотношение языковых групп все еще воспринимается как показатель реального языкового разнообразия общества, что, в частности, находит отражение в сравнительных статистических исследованиях влияния этого разнообразия на политическое и экономическое развитие. Большинство ученых, по крайней мере западных, не готовы реинтерпретировать переписные декларации как языковые идентичности, концептуально несводимые к языковой практике, хоть и коррелирующие с ней.

Языковая ситуация в Украине и некоторых других странах бывшего СССР более способствует такой реинтерпретации, чем на Западе. Языковая политика советского государства характеризовалась, с одной стороны, стимулированием употребления русского как языка социальной мобильности и межнациональной интеграции, а с другой — поддержкой языков титульных групп союзных республик и автономных образований, представляемых как фундаментальные атрибуты и ценности этих групп. Первая ориентация привела к преимущественному употреблению русского языка в повседневном общении все большего количества членов нерусских этнических групп, однако вторая препятствовала трансляции изменений языковой практики в изменения языковых и этнических идентичностей. Проще говоря, очень многие украинцы, казахи или татары, перейдя на русский язык в повседневном общении, не называли этот язык родным и тем более не считали себя русскими. Впрочем, западные исследователи языковых процессов в СССР долгое время рассматривали данные о проценте членов различных этнических групп, назвавших на очередной переписи родным языком русский, как индикатор масштабов русификации, которые

¹ *Zaprudski S.* In the grip of replacive bilingualism: The Belarusian language in contact with Russian // *International Journal of the Sociology of Language*. 2007. Vol. 183. P. 197–118; *McMonagle S.* Linguistic diversity in Northern Ireland: From conflict to multiculturalism? (доклад на ежегодной конференции Ассоциации для исследования национальностей, Нью-Йорк, 23–25.04.2009).

при этом оказывались весьма ограниченными¹. Однако в конце концов явное несоответствие этого индикатора наблюдаемой языковой практике побудило сначала советских, а потом и западных ученых увидеть «психологическое и самоидентификационное содержание категории «родной язык» и, следовательно, истолковать невысокий процент нерусских, признавших русский язык родным, как свидетельство не «низкого уровня языковой ассимиляции», а «высокого уровня этнической самоуверенности»².

Осознание принципиального несоответствия данных о родном языке языковой практике стимулировало поиск других, более адекватных индикаторов языковой ассимиляции этнических групп и языкового разнообразия общества. Апробация этих индикаторов стала возможна благодаря регулярному проведению с конца 1980-х гг. массовых опросов населения, существенно расширивших по сравнению с переписями круг задаваемых вопросов и увеличивших частоту получения новых ответов. В исследованиях украинской языковой ситуации особую популярность приобрела инициатива Киевского международного института социологии (КМИС), с начала 1990-х применявшего в ежегодных опросах понятие «предпочтительного» или «наиболее удобного» языка, определяемого как язык, который респондент в конце концов выбирает в общении с двуязычным и сигнализирующим готовность подстраиваться под его выбор интервьюером. Распределение населения Украины по этому критерию радикально отличается от распределения по родному языку: в отличие от декларированного на последней советской переписи 1989 г. преобладания украинского языка над русским в соотношении 64,7 на 32,8%, серия опросов 1991–1994 гг. показала существенное преимущество русского: 56,2 на 43,8%. Намного резче становится и различие между регионами Украины: в северо-западной части 77% респондентов в указанных опросах выбрали украинский язык, в то время как в юго-восточной 81,5% отдали предпочтение русскому³.

¹ См., например: *Silver B.* Language policy and the linguistic Russification of Soviet nationalities // *Soviet Nationality Policies and Practices* / Ed. by J. R. Azrael. New York, 1978. P. 250–306.

² *Karklins R.* A note on «nationality» and «native tongue» as census categories in 1979 // *Soviet Studies*. 1980. Vol. 32. No. 3. P. 421.

³ *Хмелько В.Е.* Лінгво-етнічна структура України: регіональні особливості та тенденції змін за роки незалежності (<http://www.kiis.com.ua/txt/pdf/ing-ethn.pdf>); *Arel D., Khmelko V.* The Russian factor and territorial polarization in Ukraine // *The Harriman Review*. 1996. Vol. 9. No. 1–2. P. 81.

Продемонстрированная руководителем КМИСа Валерием Хмелько и его канадским соавтором Домиником Арелем корреляция между распределением населения по предпочтительному языку в различных регионах и уровнем оказанной там поддержки кандидатам, воспринимаемым в решающем туре президентских выборов 1994 и 2004 гг. как защитники интересов носителей того или другого языка⁴, еще больше повысила популярность этого индикатора среди исследователей языковой ситуации и политики. Правда, некоторые авторы критиковали его и за неадекватное отражение языковых предпочтений граждан (указывая, что во взаимодействии с незнакомым представителем социологического института респонденты могут выбирать не предпочтительный лично для них язык, а господствующий в публичном общении в их местности), и за пренебрежение символической ролью языка, вследствие чего многие русскоязычные в повседневном общении украинцы называют родным языком украинский, а не русский⁵. Однако для большинства исследователей постсоветской Украины именно предпочтительный язык стал главным индикатором языкового распределения ее населения, обычно представляемого, по Арелю и Хмелько, в виде трех главных групп: украиноязычных украинцев, русскоязычных украинцев и русскоязычных русских (украиноязычные русские и члены остальных этнических групп составляли всего несколько процентов).

В то же время понятие «родной язык» исследователи все больше воспринимали как ненадежную и ненужную категорию. Она не только не была индикатором распределения языков в обществе, но и не оказывала существенного влияния на электоральное поведение (по крайней мере, анализ итогов нескольких выборов не обнаружил тут значимой корреляции)⁶. Более того, эту категорию многие считали концептуально размытой, указывая на возможность разного ее толкования респондентами переписей и опросов — как языка родителей, первого языка своего детства, главного языка общения в настоящее время, языка национальности

⁴ *Arel D., Khmelko V.* Op. cit. P. 81; *Arel D.* The hidden face of the Orange Revolution: Ukraine in denial towards its regional problem (<http://www.ukrainianstudies.uottawa.ca/pdf/The%20Hidden%20Face.pdf>).

⁵ *Riabchouk M.* Civil society and nation building in Ukraine // *Contemporary Ukraine: Dynamics of Post-Soviet Transformation* / Ed. by T. Kuzio. Armonk. 1998. P. 89; *Кулик В.* Український націоналізм у незалежній Україні. Київ, 1999. С. 8–9; *Fournier A.* Mapping identities: Russian resistance to linguistic Ukrainisation in Central and Eastern Ukraine // *Europe-Asia Studies*. 2002. Vol. 54. No. 3. P. 420.

⁶ *Arel D.* Op. cit.

и др., — тем более что соответствующий вопрос не содержит никаких разъяснений¹. Использование указанной выше трехчастной структуры украинского населения, базирующейся на национальности и предпочтительном языке, отражало сознательное или неосознанное представление о ненужности категории родного языка, ее неспособности существенно улучшить эту структуру. В пользу такого представления говорило также отсутствие подобной категории в опросах КМИСа и многих работах западных исследователей, в частности тех, что использовали данные этих опросов². Подобное «охлаждение» к категории «родной язык» можно заметить и в работах о языковой ситуации в других постсоветских странах: многие авторы не упоминают ее вообще, а большинство из тех, которые упоминают, просто указывают на ее несоответствие языковой практике и обращаются к другим, предположительно более адекватным³.

3. Ни одно из известных мне исследований языковых процессов в Украине или других постсоветских государствах не рассматривает одновременно родной язык и язык повседневного общения и, следовательно, не сравнивает их влияние на представления респондентов о действительной и желательной языковой ситуации и политике. Именно такое сравнение является целью настоящей статьи, так как оно позволит оценить адекватность этих категорий как детерминантов языковых предпочтений граждан, которые должна учитывать языковая политика государства. Кроме этих двух категорий, я попытаюсь оценить и влияние некоторых других этнокультурных и демографических параметров, учет которых может также уточнить наши сведения о родном языке и языке общения. Стандартным методом для определения и сравнения влияний различных параметров на представления респондентов является регрес-

сионный анализ, не очень распространенный в постсоветской социологии, но активно применяемый в западных исследованиях языкового и многих других направлений политики. Независимыми переменными в этом анализе являются те или иные языковые, демографические и социально-политические характеристики респондентов или среды их обитания, а зависимыми — ответы респондентов на вопросы об их оценках и предпочтениях. Мой анализ основан на репрезентативном опросе населения Украины, проведенном в декабре 2006 г. существовавшим тогда в Киеве центром «Громадська думка» и включавшем более ста вопросов о различных аспектах языковой ситуации и политики⁴, что дает возможность рассматривать разные типы вопросов и учитывать зависимость обнаруженного влияния независимых параметров от типа и даже формулировки вопросов, выбранных для зависимых переменных.

В отличие от переписей, предназначенных поделить население страны на взаимоисключающие группы, социологические опросы нередко дают респондентам возможность декларировать смешанные идентичности и сложные языковые репертуары. Такое расширение списка альтернатив не только позволяет опрошенным точнее оценить свои ориентации и практики, но и уменьшает (хоть и ни в коем случае не сводит к нулю) вероятность восприятия вопроса с точки зрения несовместимых групповых лояльностей и, таким образом, способствует декларированию того, что респондент считает правдивым, а не должным или полезным. Это особенно важно для таких стран, как Украина, где из-за интенсивных контактов между носителями разных языков, изменяющихся практик их употребления и несовпадения идентичности с практикой неоднозначные репертуары и идентичности весьма распространены. Когда респондентам позволяют признавать себя и украинцем, и русским по национальности или же называть родными оба этих языка, значительная часть выбирает именно эту альтерна-

¹ *Arel D., Khmelko V.* Op. cit. P. 82; Шульга Н.А. Базовые принципы и ценности европейских стандартов языковой политики // Проекты законов о языках — экспертный анализ / Науч. ред. Н.А. Шульга. Киев. 2001. С. 12–14; *Вишняк О.* Мовна ситуація та статус мов в Україні: динаміка, проблеми, перспективи (соціологічний аналіз). Київ, 2009. С. 18–20.

² См., например: *Barrington L.W.* Examining rival theories of demographic influences on political support: The power of regional, ethnic, and linguistic divisions in Ukraine // *European Journal of Political Research*. 2002. Vol. 41. No. 4. P. 455–491; *Søvik M. B.* Support, resistance and pragmatism: An examination of motivation in language policy in Kharkiv, Ukraine. Stockholm, 2007.

³ См., например: *Zaprudski S.* Op. cit.; *Cashback D.* Assessing asymmetrical federal design in the Russian federation: A case Study of language policy in Tatarstan // *Europe-Asia Studies*. 2008. Vol. 60. No. 2. P. 249–275.

⁴ Опрос был проведен в рамках международного проекта по языковой политике в Украине, осуществленного в 2006–2008 гг. при финансовой поддержке Международной ассоциации содействия сотрудничеству с учеными из новых независимых государств бывшего Советского Союза (INTAS). Выражаю благодарность ассоциации за поддержку проекта и разрешение использовать его материалы в дальнейшей работе участников. Главные результаты проекта опубликованы в кн.: *Мовна політика та мовна ситуація в Україні: аналіз і рекомендації / За ред. Ю. Бестерс-Дільгер.* Київ, 2008. Агрегатные данные опроса помещены на с. 340–363. Англоязычный вариант см.: *Language Policy and Language Situation in Ukraine: Analysis and Recommendations / Ed. by J. Besters-Dilger.* Frankfurt am Main, 2009 (данные опроса на с. 367–396).

тиву, особенно на востоке страны, где очень высок процент смешанных браков и многие этнические украинцы говорят преимущественно по-русски¹. В то же время формированию смешанных *этнических* идентичностей препятствует господствующее восприятие этнических категорий как взаимоисключающих, сформированное советской практикой государственного фиксирования национальности и, несмотря на ее прекращение в постсоветской Украине, поддерживаемое публичным дискурсом на темы этничности. Поэтому смешанные этнические идентичности менее вероятны, чем языковые, что подтвердил анализируемый опрос: одновременно украинцами и русскими объявили себя 0,7% респондентов, а назвали родными оба языка 11,1%.

Как указано выше, главным способом измерения влияния лингводемографических параметров на политические предпочтения респондентов является регрессионный анализ, представляющий силу каждого влияния в виде соответствующего коэффициента в формуле зависимости предпочтений от набора параметров. Чтобы результаты были более понятными читателям, незнакомым с тонкостями статистики, я решил ограничиться линейным вариантом анализа (по методу наименьших квадратов), хотя, как считают статистики, дискретный характер зависимых переменных может при таком анализе привести к некоторому искажению коэффициентов регрессии². Наибольшие искажения возникают для бинарных зависимых переменных, поэтому я выбирал вопросы, где у респондентов было не менее трех значимых для моего исследования вариантов ответа.

Поскольку меня интересует сила влияния определенных *переменных* (прежде всего, соотношение влияния родного языка и языка повседневного общения), а не определенных *значений* переменных (например, употребление в повседневном общении украинского или обоих языков), я не создаю бинарных независимых переменных, связанных с такими значениями, как это делают многие авторы, прибегающие к регрессионному анализу. Вместо этого я попытался упорядочить значения каждой независимой переменной согласно ее предполагаемому влиянию на зависимые (например, от употребления в повседневном общении только

украинского языка через сочетание двух языков до употребления только русского). Для этого мне пришлось исключить из анализа тех респондентов, которые указали идентичности или практики, связанные с другими языками, так как их нельзя расположить между альтернативами, соответствующими украинскому и русскому. Это исключение, впрочем, вряд ли привело к существенному искажению результатов, поскольку доля таких респондентов ни по одному параметру не превышала 2%, что в большинстве случаев было намного меньше доли тех (также исключенных) затруднившихся ответить на вопросы, ответы на которые являются зависимыми переменными. Чтобы обеспечить соизмеримость альтернативных факторов влияния, я свел шкалы измерения всех независимых переменных к трем делениям (соответствующим шкале *украинский – оба – русский*), перекодировав ответы на те вопросы, где число ответов было большим. Исключениями являются пол (где промежуточного значения нет) и национальность (где очень малое количество респондентов, выбравших промежуточный ответ, могло бы в случае сохранения этого ответа привести к значительным искажениям).

Для каждого выбранного вопроса, я провожу анализ в несколько этапов с различными наборами независимых переменных, предназначенными для изучения определенного соотношения между этими переменными и предпочтениями, на которые они влияют. На первом этапе анализ ограничивается индивидуальными характеристиками респондентов, традиционно рассматриваемыми как наиболее вероятные детерминанты предпочтений относительно языковой ситуации и политики: (главным) языком повседневного общения и национальностью. На втором этапе я добавляю к этому набору родной язык, чтобы проверить, оказывает ли эта категория независимое влияние на предпочтения, несводимые к этнической идентичности и языковой практике.

На следующем этапе я добавляю три переменные, относящиеся к социальному и языковому окружению, в котором респонденты живут и которое, вероятно, влияет на их взгляды и предпочтения. Две из них были измерены интервьюерами. Категория «тип поселения» измеряет влияние городской или сельской среды, определяющей преобладающие социальные и языковые практики: как известно, русский язык намного более распространен в больших городах, чем в маленьких, и тем более в селах. Переменная «регион» призвана выяснить,

¹ Pirie P. National identity and politics in Southern and Eastern Ukraine // Europe-Asia Studies. 1996. Vol. 48. No. 7. P. 1087.

² В другой, пока не опубликованной работе я для большей точности провел нелинейный анализ, но коэффициенты не сильно отличались от линейных.

оказывает ли своеобразная региональная культура, сформированная географическим положением и историческим опытом, независимое влияние на предпочтения жителей региона, несводимое к их этническому и языковому профилю. На протяжении последнего десятилетия в западной литературе об Украине ведется довольно активная дискуссия о значимости языка, национальности и региона, однако ее участники изучали влияние этих факторов на предпочтения относительно демократии, внешней политики и других аспектов, но не политики в языковой сфере. Различные мнения высказывались и по поводу самого деления Украины на регионы, которых разные авторы предлагали четыре, пять или даже девять¹. Выделяя лишь три — Запад, Центр и Восток вместе с Югом, — я игнорирую существенные различия внутри этих макрорегионов, но зато обеспечиваю унификацию шкалы для всех независимых переменных. Третья контекстуальная характеристика — главный язык населенного пункта, где живет респондент, — зарегистрирована согласно его собственной оценке. Включая эту переменную, я стремлюсь выяснить, влияет ли, кроме региона, конкретный населенный пункт и влияет ли, кроме его типа и размера, преобладающая там языковая среда. Кроме того, я пытаюсь связать предпочтения респондентов с их окружением, которым они могут оправдывать свои практики и взгляды. Для этой переменной я также исключаю респондентов, охарактеризовавших преимущественный язык своих населенных пунктов как суржик (обычно понимаемый как смесь украинского и русского языков), поскольку их невозможно расположить на шкале между преобладанием одного языка и преобладанием другого. Здесь искажение может быть больше, чем при других исключениях, так как эту характеристику выбрали довольно много респондентов (9,7%).

На последнем, четвертом этапе я дополняю набор переменной, относящейся к политической ориентации респондентов, которая может оказывать сильное независимое влияние на их предпочтения. Поскольку к политическим партиям принадлежит только незначительная часть украинских граждан, а меняющийся партийный ландшафт препятствует устойчивой идентификации избирателей с конкретными политическими силами, опрос оценивал политическую ориентацию по декларируемой респондентами поддержке определенных «идейно-политических направлений». Учитыва-

вая позиции партий, обычно воспринимаемых как представители этих направлений, я разделил их опять-таки на три группы: украинских националистов, приверженцев интеграции Украины с Россией и между ними всех остальных. К сожалению, почти треть респондентов не выбрали определенного направления, следствием чего является радикальное уменьшение выборки на этом этапе анализа, а значит меньшая надежность результатов. На этом же этапе я добавляю стандартные демографические характеристики: пол, возраст, образование и (субъективно оцениваемое) благосостояние. Хотя эти характеристики вряд ли сами сильно влияют на предпочтения относительно языковой политики, они могут модифицировать силу влияния других, предположительно более существенных факторов.

4. Вопросы, выбранные для анализа в этой статье, относятся к четырем различным направлениям языковой ситуации и политики. Для каждого направления я анализировал два вопроса, чтобы иметь возможность сравнивать предпочтения респондентов не только для разных направлений, но и для разных аспектов в одном направлении. В частности, сопоставление ответов на идентичные вопросы относительно функционирования украинского и русского языков дает возможность оценить отношение к обоим языкам, а сопоставление ответов относительно разных направлений функционирования одного языка позволяет сделать выводы о желательной для респондентов роли каждого языка в обществе. Но главное предпочтение такого широкого охвата в том, что он поможет сравнить влияние различных языковых, социальных и демографических параметров на предпочтения респондентов относительно комплекса практик, подлежащих регулированию государственной языковой политикой, и таким образом укажет те параметры и соответствующие им общественные группы, на которые эта политика должна в первую очередь обращать внимание.

Первая пара вопросов касается предпочтений респондентов относительно языка общения и обучения их детей (или будущих детей): три предоставленные альтернативы включали преимущественное использование украинского и русского языков и употребление их обоих «в равной мере». Своей поддержкой межпоколенческого сохранения или, наоборот, изменения языковых практик респонденты демонстрировали идентификацию или с язы-

¹ См., например: *Arel D. Op. cit.*; *Barrington L. W. Op. cit.*

ком, который употребляют сами, или же с тем, который им близок по этнокультурным или каким-то другим соображениям. Следующая пара связана с представлениями относительно желательного объема употребления украинского и русского языков в обществе, измеряемыми на трехмерной шкале *в большем объеме, чем теперь – в таком же – в меньшем*. Еще два вопроса имели целью выяснить уровень поддержки «позиции тех общественных и политических деятелей, которые обеспокоены судьбой украинского/русского языка», когда респондентам предлагалось выбрать между *да; скорее да, чем нет; скорее нет, чем да; нет*. Можно предположить, что в вопросах второй и третьей пары взгляды респондентов отражали и отношение к определенному языку, и оценку его надлежащего места в украинском обществе, которое для украинского чаще оказывается более видным из-за его роли государственного и, что не менее важно, национального языка. Иначе говоря, даже респонденты, говорящие и желающие продолжать говорить по-русски, могут в той или иной мере поддерживать расширение употребления украинского в обществе, а также любую деятельность, способствующую такому расширению. Однако если вопросы об объеме употребления в первую очередь касаются надлежащей политики государства, то поддержка озабоченных судьбой языка деятелей может означать неудовлетворенность этой политикой, не обеспечивающей, по мнению респондентов, желательную судьбу близкого им языка.

Последняя пара вопросов относится к языковой ситуации в целом и таким образом побуждает респондентов ранжировать свое отношение к двум языкам. Один вопрос касается желательных статусов украинского и русского языков на шестиступенчатой шкале от полного исключения русского «из всех сфер жизни» через сохранение его нынешнего статуса как

одного из языков меньшинств, параллельное употребление его «лишь как разговорного» языка, предоставление ему статуса официально в тех регионах, где большинство населения этого хочет, – до предоставления обоим языкам статуса государственных и, наконец, полного исключения украинского. Второй вопрос относится к желательной языковой ситуации «в перспективе»: респонденты должны были выбрать между преобладанием одного из языков «во всех сферах общения» и двуязычием страны. Кроме периода времени, о котором идет речь, эти два вопроса отличаются неявным фокусом на ситуации в обществе или же на влиянии со стороны государства.

Прежде чем представлять результаты регрессий, приведу частоты выбора различных альтернатив для всей выборки и для отдельных языковых групп, выделенных по родному языку (представление данных еще и для групп по повседневному языку сделало бы таблицу слишком громоздкой). В табл. 1 показаны результаты для тех пяти вопросов, где респондентам было предложено три основные альтернативы, а в табл. 2 – для остальных трех, где вариантов ответа было четыре или больше (для табличной презентабельности количество ответов на последний вопрос было также сведено к четырем путем объединения некоторых альтернатив). Подробное комментирование этих результатов не входит в задачи данной статьи. Отмечу лишь, что они демонстрируют, с одной стороны, резкое различие предпочтений двух языковых групп. С другой стороны, можно заметить амбивалентность предпочтений в каждой группе, наиболее очевидную при сопоставлении ответов относительно объема употребления двух языков: расширения употребления украинского хотят намного больше людей, чем сужения употребления русского, и наоборот. Эти две особенности общественного мнения по языко-

Таблица 1

ОТВЕТЫ РЕСПОНДЕНТОВ НА ВОПРОСЫ С ТРЕМЯ ВАРИАНТАМИ ОТВЕТОВ (в % от числа опрошенных)

	Все респонденты			Родной язык украинский			Родной язык русский		
	1	2	3	1	2	3	1	2	3
Желательный язык общения детей (<i>укр. – оба – рус.</i>)	31,9	42,5	22,5	54,3	36,2	6,7	3,1	46,8	47,5
Желательный язык обучения детей (<i>укр. – оба – рус.</i>)	35,1	36,0	24,9	59,2	27,7	8,9	3,6	43,8	49,7
Желательный объем употребления украинского языка (<i>больше – столько же – меньше</i>)	39,7	38,9	16,2	62,5	29,3	6,1	14,6	50,4	29,5
Желательный объем употребления русского языка (<i>больше – столько же – меньше</i>)	25,3	42,2	27,3	11,3	37,5	44,6	39,8	50,4	6,7
Желательная языковая ситуация в перспективе (<i>укр. – оба – рус.</i>)	38,7	46,2	6,3	67,1	20,8	2,5	6,4	81,2	7,0

вому вопросу влияют на возможности проведения языковой политики, усложняя компромисс между резко отличными позициями и в то же время давая свободу маневра в удовлетворении неоднозначных и взаимно перекрывающихся предпочтений¹. Однако несколько большая поддержка украинского языка, чем русского, по всему массиву респондентов свидетельствует о соответствии общего вектора государственной политики общественному мнению.

Таблица 2

ОТВЕТЫ РЕСПОНДЕНТОВ НА ВОПРОСЫ С ЧЕТЫРЬМЯ И БОЛЕЕ ВАРИАНТАМИ ОТВЕТОВ (в % от числа опрошенных)

	Все респонденты				Родной язык украинский				Родной язык русский			
	1	2	3	4	1	2	3	4	1	2	3	4
Поддержка деятелей, озабоченных украинским языком (<i>да – скорее да – скорее нет – нет</i>)	38,8	20,0	15,4	17,9	53,0	22,8	8,1	10,4	21,7	15,6	24,1	30,7
Поддержка деятелей, озабоченных русским языком (<i>да – скорее да – скорее нет – нет</i>)	25,4	22,8	20,3	21,6	10,8	18,1	28,4	30,4	47,8	26,4	9,1	11,0
Желательный статус языков (русский: <i>включен – язык меньшинства / разговорный – местный официальный – второй государственный / единственный государственный</i>)	11,0	42,0	17,9	26,4	18,3	55,9	14,0	8,7	0,9	23,9	21,6	51,8

5. Перейдем к регрессиям. Поскольку представление всех этапов для всех вопросов потребовало бы слишком много табличного пространства, я сначала проиллюстрирую динамику изменения коэффициентов от этапа к этапу для двух произвольно выбранных вопросов, а потом представлю для всех вопросов коэффициенты с последнего этапа, которые можно считать окончательными. Итак, в табл. 3 приведены коэффициенты регрессии для первого вопроса табл. 1 и последнего вопроса табл. 2.

Как видно из таблицы, демографические переменные не оказывают значимого влияния на распределение ответов и, соответственно, не меняют соотношения сил значимых переменных. В то же время на каждом этапе хотя бы одна новая переменная оказывается очень значимой, и ее прибавление приводит к перераспределению влияния остальных. Хотя соотношение влияния переменных зависит от характера вопроса и особенностей его восприятия в современной Украине, некоторые тенденции характерны для обеих половин таблицы. На первом этапе обе переменные значимы, но

коэффициенты для повседневного языка намного больше, чем для национальности, т. е. именно он в первую очередь определяет связанные с языковой сферой предпочтения, что подтверждает неадекватность этничности как критерия этих предпочтений, на котором до сих пор строилась языковая политика Украины. Однако когда к набору переменных добавляется родной язык, он оказывается сравнимым по силе влияния с повседневным языком и намно-

го более существенным, чем национальность, коэффициенты для которой при этом становятся просто незначимыми. Это означает, что языковая идентичность существенно дополняет языковую практику в определении предпочтений относительно различных аспектов языковой политики и что эту идентичность нельзя заменять этнической, которая кажется значимым детерминантом предпочтений только в отсутствие языковой.

Третий этап анализа подкрепляет этот вывод, существенно уменьшая коэффициенты для повседневного языка (намного больше, чем для родного), кажушийся вклад которого оказывается содержащим в себе значительное влияние региона и языка местности. Учет политической ориентации еще больше усиливает эту тенденцию, выводя родной язык на первое место по силе влияния на предпочтения респондентов по обоим вопросам, в то время как повседневный язык оказывается в одном случае на втором месте, а в другом – даже на четвертом. Это убедительно демонстрирует, что языковая идентичность является главным детерминантом связанных с языковой сферой предпочтений и что именно она должна быть главным критерием в определении языковых групп, а значит и в проведении языковой политики, призванной удовлетворять и согласовывать их интересы.

¹ Подробнее см.: Кулик В. Мовна політика та суспільні настанови щодо неї після Помаранчевої революції // Мовна політика та мовна ситуація в Україні: аналіз і рекомендації / За ред. Ю. Бестерс-Дільгер. Київ, 2008. С. 45–53 (см. также, прим. 4 на с. 76, тот же раздел в англоязычном варианте книги).

Таблица 3

КОЭФФИЦИЕНТЫ РЕГРЕССИИ И СТАНДАРТНЫЕ ПОГРЕШНОСТИ (В СКОБКАХ) ДЛЯ ОТВЕТОВ РЕСПОНДЕНТОВ О ЖЕЛАТЕЛЬНОМ ЯЗЫКЕ ОБУЧЕНИЯ ИХ ДЕТЕЙ И ЖЕЛАТЕЛЬНОМ СТАТУСЕ ЯЗЫКОВ В УКРАИНЕ

	Желательный язык общения детей				Желательный статус языков			
	Этап 1	Этап 2	Этап 3	Этап 4	Этап 1	Этап 2	Этап 3	Этап 4
Национальность	.125*** (.019)	.011 (.021)	.008 (.021)	-.005 (.024)	.190*** (.040)	-.057 (.044)	-.057 (.044)	-.085 (.051)
Повседневный язык	.468*** (.017)	.343*** (.020)	.222*** (.026)	.187*** (.031)	.692*** (.037)	.412*** (.043)	.208*** (.055)	.156* (.066)
Родной язык		.249*** (.022)	.198*** (.024)	.221*** (.028)		.551*** (.047)	.472*** (.051)	.443*** (.061)
Язык населенно-го пункта			.088** (.027)	.122*** (.032)			.272*** (.057)	.265*** (.067)
Регион			.171*** (.026)	.098** (.030)			.238*** (.054)	.144* (.065)
Тип поселения			-.009 (.017)	-.010 (.021)			.112** (.036)	.079 (.045)
Политическая ориентация				.114*** (.025)				.365*** (.054)
Пол				-.032 (.031)				.046 (.067)
Возраст				.023 (.020)				.057 (.044)
Образование				.006 (.020)				-.069 (.042)
Благосостояние				-.029 (.024)				.045 (.052)
Константа	.762*** (.035)	.735*** (.034)	.520*** (.065)	.489*** (.121)	1.533*** (.074)	1.474*** (.072)	.710*** (.137)	.332 (.258)
R ² (скоррект.)	.405	.445	.482	.510	.248	.301	.355	.388

Примечание: * p<.05; ** p<.01; *** p<.001.

Наряду с общностью главных тенденций между двумя половинами табл. 3 можно заметить и некоторые различия, но я предпочитаю рассматривать их вместе с различиями между всеми восемью вопросами, коэффициенты для последнего этапа анализа которых приведены в табл. 4. Впрочем, сначала опять подчеркну общее. Для всех вопросов, кроме двух, влияние родного языка оказалось сильнее влияния повседневного языка; более того, в семи случаях из восьми родной язык оказывается на первом или втором месте среди всех независимых переменных по силе влияния на зависимые. Ни одна другая переменная не оказывает такого сильного влияния по всему спектру аспектов языковой ситуации и политики. Этот результат подтверждает выявленную проведенным выше анализом двух аспектов репутацию родного языка как главного детерминанта предпочтений граждан в языковой сфере и, следовательно, главного критерия выделения языковых групп, которые определяет общность этих предпочтений. В то

же время повседневный язык тоже является значимым, как это видно из ответов на все вопросы, и более влиятельным, чем национальность, хоть в большинстве случаев он уступает по влиянию не только родному языку, но и языку населенного пункта, региону и/или политической ориентации.

Стабильную значимость и довольно сильное влияние демонстрирует и политическая ориентация, что указывает на политическую актуальность языкового вопроса в Украине, где он является одним из важных факторов позиционирования партий и блоков. В большинстве случаев довольно высоки также коэффициенты для языка населенного пункта и региона, что демонстрирует важную роль языкового окружения и региональной политической культуры как детерминантов связанных с языковой политикой предпочтений граждан. Напротив, тип поселения почти не оказывает непосредственного влияния на предпочтения: его влияние опосредовано языковым окружением,

Таблица 4

КОЭФФИЦИЕНТЫ РЕГРЕССИИ И СТАНДАРТНЫЕ ПОГРЕШНОСТИ (в скобках) ДЛЯ ОТВЕТОВ РЕСПОНДЕНТОВ О РАЗЛИЧНЫХ АСПЕКТАХ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ И ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ

	Общение детей	Обучение детей	Объем употр. укр. яз.	Объем употр. рус. яз.	Поддержка озабочен. укр. яз.	Поддержка озабочен. рус. яз.	Статусы языков	Языковая ситуация в персп.
	1	2	3	4	5	6	7	8
Национальность	-.005 (.024)	-.019 (.025)	-.003 (.027)	.039 (.029)	-.205*** (.047)	-.172*** (.041)	-.085 (.051)	.026 (.019)
Повседневный язык	.187*** (.031)	.242*** (.032)	.110** (.034)	-.136*** (.037)	.205** (.060)	-.182** (.053)	.156* (.066)	.138*** (.025)
Родной язык	.221*** (.028)	.227*** (.030)	.171*** (.031)	-.200*** (.034)	.287*** (.056)	-.088 (.049)	.443*** (.061)	.148*** (.023)
Язык населенно-го пункта	.122*** (.032)	.155*** (.033)	.205*** (.035)	.023 (.038)	.091 (.062)	-.166** (.054)	.265*** (.067)	.055* (.026)
Регион	.098** (.030)	.079* (.031)	.021 (.033)	-.178*** (.036)	.038 (.060)	-.295*** (.053)	.144* (.065)	.085*** (.024)
Тип поселения	-.010 (.021)	.024 (.022)	.079** (.023)	-.014 (.025)	.037 (.041)	-.048 (.036)	.079 (.045)	-.011 (.017)
Политическая ориентация	.114*** (.025)	.095*** (.026)	.170*** (.028)	-.116*** (.030)	.304*** (.050)	-.185*** (.043)	.365*** (.054)	.097*** (.020)
Пол	-.032 (.031)	-.032 (.032)	-.021 (.034)	.019 (.030)	.062 (.061)	.050 (.054)	.046 (.067)	-.001 (.025)
Возраст	.023 (.020)	.049* (.021)	.053* (.022)	-.025 (.025)	.096* (.040)	.019 (.035)	.057 (.044)	.006 (.016)
Образование	.006 (.020)	.013 (.020)	-.038 (.021)	.002 (.023)	.031 (.038)	.032 (.033)	-.069 (.042)	-.002 (.015)
Благосостояние	-.029 (.024)	-.016 (.025)	-.005 (.027)	.038 (.030)	-.056 (.048)	.035 (.042)	.045 (.052)	-.055** (.019)
Константа	.489*** (.121)	.233 (.125)	.220 (.133)	3.232*** (.145)	.200 (.237)	4.462*** (.208)	.332 (.258)	.610*** (.097)
R ² (скоррект.)	.510	.526	.386	.296	.228	.394	.388	.479

Примечание: * p<.05; ** p<.01; *** p<.001.

которое побуждает городских респондентов больше поддерживать употребление русского в их семьях и обществе в целом, чем сельских. Впрочем, непосредственное влияние (большого) города как *социальной* среды противоположно, но только в одном случае оно оказывается значимым. Национальность также к последнему этапу анализа почти теряет значимость, что подтверждает неадекватность использования этнической идентичности вместо языковой как детерминанту предпочтений, связанных с языковой сферой. Исключениями являются пятый и шестой вопросы, где влияние национальности не только существенно, но и в одном случае даже противоположно влиянию остальных значащих переменных, к чему я вернусь в конце этого параграфа. Не поднимаются выше порога значимости и демографические переменные, хотя в нескольких случаях более молодые и состоятельные респонденты оказались более

сильными сторонниками употребления украинского языка¹.

Переходя к различиям между вопросами, отмечу прежде всего сравнительно высокие коэффициенты для повседневного языка в вопросах об общении и обучении детей, что можно объяснить стремлением большинства респондентов передать детям тот язык, на котором они чаще всего говорят сами. Столь же высоки, однако, и коэффициенты для родного языка: в той степени, в которой респонденты все-таки готовы допускать или поощрять межпоколенческое изменение языковой практики,

¹ Скорее всего, эти группы поддерживают украинский именно как язык государства, независимость которого он поможет сохранить, так как в собственной практике они, наоборот, употребляют русский больше, чем остальные респонденты. Подробнее о влиянии возраста и других демографических факторов см.: *Kulyk V. Demographic factors of language practices and attitudes in Ukraine // Harvard Ukrainian Studies (forthcoming).*

они руководствуются представлением об украинском языке как родном. В то же время для вопросов о желательной языковой ситуации и политике превосходство родного языка над повседневным намного больше, чем для вопросов о желательных практиках собственных детей. Это означает, что украинские граждане гораздо больше поддерживают усилия государства по активизации употребления украинского языка, чем готовы содействовать такой активизации собственными усилиями. Политическая ориентация, что неудивительно, играет меньшую роль при выборе языка общения и обучения детей, чем при формировании позиции относительно языкового вопроса в обществе.

Из двух существенных контекстуальных переменных язык населенного пункта оказывает более сильное влияние на выбор языка для детей и отношение к употреблению украинского языка в обществе, тогда как регион более важен в определении позиции в вопросах об употреблении и защите русского языка, неоднократно использованных для мобилизации населения в восточных и южных регионах, особенно в год проведения данного опроса¹. Однако в вопросе о статусах языков регион оказался намного менее влиятельным, чем язык населенного пункта, что вызывает удивление: именно повышение статуса русского языка занимало центральное место в региональной мобилизации по языковому вопросу. Можно предположить, что люди воспринимают проблему статусов через призму местных языковых практик и поэтому сильнее поддерживают повышение статуса русского там, где он преобладает в повседневном общении (т. е. даже в восточных и южных регионах прежде всего в городах, а не в селах). Как бы то ни было, коэффициенты для этих двух переменных показывают: в анализе связанных с языковой сферой предпочтений нужно наряду с региональной политической культурой учитывать местное языковое окружение, так же как наряду с языком повседневного общения — язык, с которым человек себя идентифицирует.

Более удивительным кажется мне коэффициент для национальности в вопросе о поддержке деятелей, озабоченных судьбой украинского языка: знак этого коэффициента оказался противоположным знакам для остальных значимых переменных, в том числе для родного и повседневного языков. Иначе говоря, при равенстве остальных индивидуальных и контекстуальных

параметров люди, называющие себя украинцами, менее склонны поддерживать тех, кто заботится об украинском языке, чем респонденты, считающие себя русскими. Так же трудно объяснить, почему именно в вопросе о поддержке деятелей, заботящихся о русском языке, родной язык оказался несущественным, тогда как на определение позиции относительно объема употребления русского языка эта переменная влияет сильнее всего. Интерпретация (и верификация) этих результатов требует дальнейших исследований.

6. Проведенный анализ показал, что языковая идентичность является более — по меньшей мере, не менее — влиятельным детерминантом связанных с языковой сферой предпочтений украинских граждан, чем языковая практика. Следовательно, оба эти аспекта языкового профиля личности нужно учитывать в определении языковых групп как совокупностей людей со сходными взглядами на языковую сферу, влияющими на их восприятие языковой политики, а значит и в формировании самой этой политики, призванной удовлетворять и согласовывать интересы различных групп. Для аналитических целей можно сочетать оба критерия и в каждом из них учитывать не только однозначные, но и смешанные варианты выбора, что приведет к более тонкому и точному делению общества на группы. В политике же, где нужен один четкий критерий, им должен стать тот, который оказывает наибольшее влияние на взгляды и предпочтения граждан, т. е. в случае Украины — декларируемый на переписи родной язык. В современной Украине этот критерий к тому же является компромиссным между национальностью и повседневным языком, предпочитаемыми соответственно приверженцами расширения употребления украинского языка и сохранения унаследованных от советских времен позиций русского².

Насколько применим этот результат к другим случаям? Очевидно, что значительное различие между языковыми практиками и этнокультурными идентичностями имеет место во многих странах разных частей света. Прежде всего оно характерно для тех государств или автономных образований, где массовая мигра-

¹ См.: Кулик В. Мовна політика; Wolczuk K. Whose Ukraine? Language and Regional Factors in the 2004 and 2006 Elections in Ukraine // European Yearbook of Minority Issues. 2007. Vol. 5. P. 521–547.

² См. рекомендации по результатам международного проекта о языковой политике в Украине (см. примечание 11): Рекомендації щодо майбутньої мовної політики в Україні // Мовна політика та мовна ситуація в Україні: аналіз і рекомендації / За ред. Ю. Бестерс-Дільгер. Київ, 2008. С. 332–339, особливо с. 334 (тот же раздел в англоязычном варианте книги; см. прим. 4 на с. 76).

ция приводит к быстрому изменению языковых репертуаров значительной части населения, а также для тех, где влиятельные дискурсы способствуют идентификации членов «автохтонного» большинства с почти или совсем не употребляемыми языками предков. Можно предположить, что у этнических турок в Германии или выходцев из латиноамериканских стран в США, с одной стороны, и у членов одноименных этнических групп в Ирландии или Стране Басков, с другой, языковая идентичность более или менее существенно отличается от языковой практики. Проблема в том, что учет вариации индивидуальных идентичностей как элемента языкового разнообразия общества требует довольно устойчивого выбора каждого его члена между различными языками, к которым он может быть в той или иной степени привязан, для чего, в свою очередь, нужна институционализируемая практика, а именно регистрация языковой идентичности в документах или ее декларирование на переписи. Этот институционализованный выбор

можно тогда считать отражением предпочтений гражданина, которое государство должно принимать во внимание.

Конкретные исследования для различных стран должны выяснить, есть ли там общепринятая категория, которую можно интерпретировать как языковую идентичность. Однако для тех стран, где переписи включают вопросы о родном языке (особенно если респондентам не указывают, что его следует понимать в определенном коммуникативном смысле), это понятие, полагаю, можно интерпретировать так же, как я интерпретировал в случае Украины. Прежде всего это относится к другим странам бывшего СССР, где родной язык использовался в советское время и во многих случаях используется в постсоветское время приблизительно так же, как в Украине. Поэтому мои результаты легче всего проверить на материале этих стран, что позволит также оценить сравнительное влияние общих практик и своеобразных процессов в постсоветских обществах.

Иван ЗАБАЕВ

«Своя жизнь», образование, деторождение:

мотивация репродуктивного поведения в современной России

Постановка проблемы. Вопрос о низкой рождаемости имеет в современной России государственную важность, он связан с перспективами социально-экономического развития страны¹. «Объективная» ситуация, в которой принимается решение родить ребенка или воздержаться от этого, на нынешний день относительно неплохо изучена исследователями (см. публикации Е. Вовк на основе массивов данных, собранных Фондом «Общественное мнение»², работы В. Бодровой³ с использованием данных ВЦИОМ, статьи Я. Рощиной с соавторами, выполненные на основе данных RLMS⁴, комплекс текстов, сделанных на базе российской части панели GGS⁵). Значительно меньше внимания пока что уделено «субъективной», смысловой стороне проблемы. Какие значения вкладывает

при этом в свои действия типичный актер, в каких категориях он определяет для себя ситуацию желательного/нежелательного деторождения⁶?

Проект «Категории родительского сознания». Для получения первичных ответов на данные вопросы целесообразно обратиться к качественным методам исследования, позволяющим, пусть и в грубой форме, представить смысловой мир той или иной социальной группы. Реализуемый для данных целей проект «Семья и деторождение в России. Категории родительского сознания. (Жители российских мегаполисов)»⁷ базируется на методологии «обоснованной

¹ См.: Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. (<http://demoscope.ru/weekly/knigi/konceptsiya/konceptsiya25.html>).

² Вовк Е. Опыт размышления о роддомах, культуре родительства и нормативной малодетности // Социальная реальность. 2008. №7. С. 21–24; Она же. Лучше позже? Возраст рождения первенца и невыевшие концепции родительства // Социальная реальность. 2008. № 7. С. 32–36.

³ Бодрова В. Репродуктивные установки россиян как барометр социально-экономических процессов. // Мониторинг общественного мнения, 1999, № 4, с. 35–36; Она же. Сколько детей хотят иметь россияне? // Демоскоп Weekly, 2002, № 81–82. 23 сентября – 6 октября (<http://demoscope.ru/weekly/2002/081/tema01.php>).

⁴ Рощина Я.М., Бойков А.В. Факторы фертильности в современной России. М.: EERC, 2005; Рощина Я., Черкасова А. Дифференциация факторов рождаемости для различных социально-экономических категорий российских женщин // SPERO (Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры), 2009. № 10. С. 159–180.

⁵ Малева Т., Синявская О. Социально-экономические факторы рождаемости в России: эмпирические измерения и вызовы социальной политике // SPERO. 2006. № 5. С. 70–97; Захаров С. Новейшие тенденции формирования семьи в России. Статья первая. Расширяющиеся границы брака // Демоскоп Weekly. 2006. № 237–238. 6–19 марта; Головленицына Е. Роль социально-психологических факторов в репродуктивных намерениях // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе/ Под науч. ред. Т. Малевой, О. Синявской. М.: НИСП, 2007. С. 217–251.

⁶ В социальных науках существуют традиции, представляющие подобный подход к проблеме. Среди экономистов нужно указать работы Т. Шульца, ставившего вопрос об исчислении стоимости ребенка и анализе ее изменений: *Schultz T. An economic model of Family planning and Fertility* // *Journal of Political Economy* 1969. 77 (2). P. 153–180. Однако основную роль в рамках данного подхода играли скорее не экономисты, а историки: классическим здесь стало исследование образа семьи и истории детства Ф. Арьесом (Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999). Помимо историков, ряд работ подобного рода был выполнен психологами – в первую очередь речь идет о Дж. Фоссе (*Fawcett J.T. Psychology and Population: Behavioral Research Issues in Fertility and Family Planning*. New York: Population council, 1970) и Л.В. Хоффмане (*Hoffman L. W., Thornton A., Manis J. D. The Value of Children to Parents in the United States* // *Journal of Population*. 1978. Vol. 1(2). Summer. P. 91–131). Нужно отметить, что исследования психологов и экономистов в целом построены скорее в дедуктивистской логике и не позволяют ответить на вопрос, насколько ценность детей и выделенные психологами ценности действительно актуализируются акторами при принятии решения о деторождении, используются для осмысления этих ситуаций постфактум либо проецируются на собственную биографию при относительно свободном ее осмыслении (другими словами, актуализируются ли эти ценности вне ситуации формализованного интервью).

⁷ Проект реализовался на богословском факультете Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (Москва). В состав исследовательской группы помимо автора настоящей статьи входили о. Н. Емельянов, И. Павлюткин, Е. Павленко, всем им автор выражает признательность за продуктивную дискуссию, в ходе которой сформировались основные идеи данной работы. Также выражаю искреннюю благодарность М.С. Ковалевой за помощь в редактировании текста.

теории»¹, с применением различных техник кодирования и последующей категоризации полученной текстовой информации. В качестве основного метода в исследовании использовались полужормализованные биографические лейтмотивные интервью². В среднем продолжительность одного интервью составляла 2,5 часа. К настоящему моменту закончен базовый этап сбора данных (опрошено 80 человек). Некоторые параметры обследованной совокупности приведены в табл. 1.

Таблица 1.
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОПРОШЕННЫХ ПО ГОРОДАМ

Город	Количество интервью
Москва	38
Санкт-Петербург	2
Нижний Новгород	6
Пермь	9
Новосибирск	8
Хабаровск	9
Якутск	8
Всего	80

Набор респондентов осуществлялся рекрутерами по скринеру, куда входили такие параметры, как доход на человека в семье, состояние в браке, количество детей, степень родства респондентов по отношению друг к другу и др. К настоящему моменту можно работать со следующими подвыборками:

1. Многодетные мужчины и женщины; трое и более детей в семье;
2. Малодетные (один-два ребенка) и бездетные мужчины и женщины;
3. Супружеские пары (муж и жена – опрашивались отдельно);
4. Детско-родительские пары из многодетных семей (мать и одна из дочерей – опрашивались отдельно);
5. Воцерковленные респонденты (прихожане храмов Русской православной Церкви³);

¹ *Рощина Я.М., Бойков А.В.* Факторы фертильности в современной России. М.: EERC, 2005; *Корбин Дж.* Основы качественного исследования. М.: УРСС, 2001; *Glaser B.* Theoretical Sensitivity: Advances in the methodology of grounded theory. Mill Valley, CA: Sociology Press, 1978; *Charmaz K.* Constructing grounded theory. A practical guide through qualitative analysis. L.: Sage publications, 2006.

² Биографический метод. История. Методология. Практика. М.: Институт социологии РАН, 1994; *Atkinson R.* The life story interview. Sage University Papers Series on Qualitative Research Methods. Vol. 44. Thousand Oaks, CA: Sage, 1998.

³ Критериями отбора по данному признаку выступали самоидентификация и участие в церковных практиках (участие в таинстве причастия не реже раза в месяц).

6. Специалисты по сопровождению детства (работники детских садов, женских консультаций, акушеры в роддомах, консультанты центров грудного вскармливания).

Ценность самореализации. Роль ценностей в снижении рождаемости исследовалась демографами в рамках концепции «второго демографического перехода». При этом одной из основных в интересующем исследователей аспекте стала ценность самореализации – актуализации заложенного в человеке потенциала, самостоятельной постановки целей и разработки средств для их достижения⁴. В своих построениях демографы опирались прежде всего на работы Р. Инглхарта. Не разбирая многочисленные вариации данной теории, укажем на два ее основных момента.

Во-первых, Р. Инглхарт показал, что в Европе (в более поздних работах он распространил этот вывод на иные регионы) происходят значимые поколенческие изменения – материалистические ценности сменяются постматериалистическими. Во-вторых, для анализа этого процесса он создал достаточно простой инструмент измерения/фиксации доминирующих в обществе ценностей – материалистических или постматериалистических⁵.

В своих построениях Инглхарт опирался прежде всего на тексты А. Маслоу, отмечая при этом: «... иерархия потребностей, предложенная Маслоу, не выдерживает детальной проверки временем. Но налицо, как представляется, основное разграничение между “материальными” потребностями в физиологическом поддержании собственного существования и собственной невредимости, с одной стороны, и нефизиологическими потребностями, такими как потребности в признании, в самовыражении и в эстетическом удовлетворении, с другой»⁶. На этом различии и строились рассуждения основоположников теории второго демографи-

⁴ *Lesthaeghe R.* A Century of Demographic and Cultural Change in Western Europe: An Exploration of Underlying Dimensions // *Population and Development Review*. 1983. Vol. 9. No. 3 (Sept.). P. 429–430.

⁵ Описание этого инструмента на русском языке см.: *Андреевкова А.В.* Материалистические/постматериалистические ценности в России // *Социс*. 1994. № 11. С. 73–81. Более подробно см.: *Inglehart R.* The Silent Revolution in Europe: Intergenerational Change in Post-Industrial Societies // *The American Political Science Review*. Vol. 65. No. 4 (Dec., 1971). P. 991–1017; *Inglehart R.* The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles in Advanced Industrial Society. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1977; *Inglehart R.* Culture Shift in Advanced Industrial Society. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1990.

⁶ *Инглхарт Р.* Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // *Полис*. 1997. № 4. С. 15.

ческого перехода. Если упрощать, то гипотеза, лежащая в основании их рассуждений, состоит в том, что снижение рождаемости было вызвано изменением ценностей — в частности, переходом от материалистических ценностей к постматериалистическим¹. Нужно сказать, что в построениях как демографов, так и Р. Инглхарта центральная роль отводилась именно ценности самореализации/самовыражения, понимаемой как желание в большей степени реализовать собственный потенциал². Это желание, по мнению ряда специалистов, и заставляет людей вести себя в «индивидуалистической манере».

Р. Инглхарт писал: «Место экономических достижений как высшего приоритета в настоящее время в обществе постмодерна занимает все большее акцентирование качества жизни. В значительной части мира нормы индустриального общества, с их нацеленностью на дисциплину, самоотвержение и достижения, уступают место все более широкой свободе индивидуального выбора жизненных стилей и индивидуального самовыражения. Сдвиг от «материалистических» ценностей, с упором на экономическую и физическую безопасность, к ценностям «постматериальным», с упором на проблемах индивидуального самовыражения и качества жизни, — наиболее полно документированный аспект данной перемены»³.

Отметим, что ценности самовыражения имеют как у Р. Инглхарта, так и у Д. Ван де Каа⁴ ряд позитивных коннотаций. В первую очередь они коррелируют с ценностями свободы, позитивной реализации некоего заложенного в людях потенциала. Можно предположить, что логика влияния подобных ценностей на снижение деторождения выглядит следующим образом (оговоримся, сами демографы редко подробно

прописывают именно смысловую часть гипотезы, многое принимается как само собой разумеющееся). Для человека становится все более важной реализация заложенного в него потенциала. Он прикладывает максимальные усилия к тому, чтобы двигаться в данном направлении, т. е. развивать те или иные задатки, достигая все большей полноты собственной жизни (ее выражением выступают радость, счастье и т. п.). Вопрос о том, чтобы родить ребенка/детей откладывается до тех пор, пока реализация не произойдет.

Это положение имеет несколько следствий. Получается, что рожать детей будут те люди, которые как будто не заботятся о реализации собственного потенциала и не хотят реализации самого лучшего и высокого в человеке (кроме этого, есть и иные следствия: во-первых, дети и их рождение не коррелируют с наилучшим в человеке; во-вторых, совершенствуясь, человек вымирает). Либо же нужно признать, что проблема состоит в ином, а не в том, что человек должен выбирать между двумя предельными благами — раскрытием наилучшего в себе или рождением детей. Например, можно предположить, что в ссылках на самореализацию речь идет вовсе не о проявлении наилучшего, не о раскрытии собственного потенциала, но о чем-то другом. В настоящей статье мы и попытаемся ответить на этот вопрос применительно к жителям мегаполисов России⁵.

Дело в том, что в наших интервью мы также столкнулись с представлениями о самореа-

¹ В работах теоретиков второго демографического перехода было показано, что трансформируются не только ценности. Определенное значение придавалось, например, изменениям институтов (*Lesthaeghe R.* On the Social Control of Human Reproduction. // *Population and Development Review.* 1980. Vol. 6. No. 4 (Dec.). P. 527–548). Однако нужно отметить, что ценностям отводилась все же если не самая важная, то одна из самых важных ролей. Так, например, Р. Лестег и К. Уилсон показывали, что даже распространению контрацепции предшествовало распространение ценностей индивидуализма (*Lesthaeghe R.* *Wilson C.* Modes of production, Secularization and the Pace of the fertility decline in Western Europe, 1870–1930 // *The decline of fertility in Europe. The Revisited Proceedings of a Conference on the Princeton European Fertility Project* / Ed by A. Coale, S. Watkins. Princeton: Princeton UP. 1986. P. 261–293.

² *Van de Kaa D.* Europe's Second Demographic Transition // *Population Bulletin.* 1987. Vol. 42, № 1 (March), p. 5–7.

³ *Инглхарт Р.* Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющееся общество // *Полис.* 1997. № 4. P. 10.

⁴ Подробнее см.: *Van de Kaa D.* Указ. соч.

⁵ Работы основоположников теории второго демографического перехода написаны около двадцати лет назад, однако обращение к их текстам уместно, поскольку тренды рождаемости сохраняют свое направление (и сегодня те же проблемы обсуждаются уже не по отношению к рождаемости, недостаточной для простого замещения, но по отношению к предельно низкой рождаемости, см.: *Kohler H.-P., Billari F., Ortega J.* The Emergence of Lowest-Low Fertility in Europe during the 1990s. // *Population and Development Review.* 2002. Vol. 28. No. 4 (Dec.). P. 641–680). Кроме того, ведущие демографы России пытаются показать, что Россия повторяет путь западных стран и также столкнулась со вторым демографическим переходом: *Zakharov S.V., Ivanova E.I.* Fertility decline and recent changes in Russia: On the threshold of the second demographic transition // *J. Da Vanzo and G. Farnsworth (eds.), Russia's Demographic Crisis.* Santa Monica: RAND Conference Proceedings. 1996. P. 36–83; *Zakharov S.V.* Russian Federation: From the first to second demographic transition // *Demographic Research.* 2008. Vol. 19. P. 907–972. (Special Collection 7: Childbearing Trends and Policies in Europe. Article 24); <http://www.demographic-research.org/Volumes/Vol19/24/>. Впрочем, С. Захаров, говоря о втором демографическом переходе по отношению к России, не акцентирует какую бы то ни было роль ценности самореализации в этих процессах. Идея о том, что ценности индивидуального развития и самореализации влияют на снижение рождаемости, не подвергается сегодня сомнению, хотя справедливости ради нужно сказать, что обсуждение ценностных составляющих деторождения не присутствует в повестке дня демографического сообщества.

лизации в форме характерной категории «своя жизнь». Она является одной из двух значимых категорий, в рамках которой ситуации деторождения осмысляются респондентами¹. Ниже мы намерены показать, что, по крайней мере в России наших дней, смыслы и идеи, связываемые респондентами с данной категорией, не полностью совпадают со значениями ценности самореализации.

Категория «своя жизнь». Значительная часть рассуждений о деторождении задается категорией «ответственность». В первую очередь ею помечаются два класса вопросов — это вопросы о здоровье (и их разрешение с помощью медицины) и вопросы обеспечения благосостояния². Вторая значимая категория, структурирующая обсуждение и осмысление ситуации деторождения реальными и потенциальными родителями, это категория «своя жизнь» (или самореализация и развитие). Ей и посвящена настоящая статья.

Прежде чем начать обсуждение собственно категории, отметим, что вопросы работы, зарабатывания денег для обеспечения жизни семьи, обеспечения ребенка, по-видимому, описываются не этой категорией, а скорее упомянутой выше категорией «ответственность».

«Хотелось жить в большом городе, зарабатывать много денег, чтобы... зарабатывать деньги, чтобы была своя семья в достатке, даже чтобы родителям уже помогать, вот так хотелось. Если достаточно зарабатываешь, чтобы жить, то, во-первых, можно ни в чем себе не отказывать в плане одежды, в плане еды, можно покупать какую-то бытовую технику хорошую, машину купить можно...

Сейчас пока строим свое будущее, некогда развлекаться. То есть создаем какую-то материальную базу, чтобы можно было не думать каждую минуту: месяц подходит к концу — у тебя закончились деньги, не на что хлеба купить. Создается материальная база, когда ты твердо стоишь на ногах и спокойно думаешь о завтрашнем

¹ Второй категорией такого рода оказывается категория «ответственность», связанная с поведением человека в обществе риска и описывающая проблемы деторождения в таком обществе. В нарративах респондентов данная категория появляется прежде всего в связи с рядом медицинских аргументов; в данной статье эта категория подробно не рассматривается.

² Иногда эти процессы описываются в категориях «позволить себе ребенка» или «нужно иметь определенный достаток, чтобы позволить себе ребенка», «ребенка надо не просто родить, его надо поднять». Подробнее, применительно к США, см. об этом: Rindfuss R., Morgan S., and Swicegood G. First births in America. Changes in the timing of parenthood. Berkeley (Cal.): University of California Press, 1988. P. 21.

дне. И думаешь, что если в ближайшем будущем родятся дети, они не будут жить в нищенских условиях, не будут мотаться по съемным квартирам и общежитиям, а будут жить в нормальном доме, в достатке. ...Конечно, денег всегда мало, денег много не бывает. Ну, когда уже построена... не знаю, когда уже... даже не знаю. Для меня более-менее уверенность наступит, когда у меня будет собственное жилье. Тем более когда мы построим свой собственный дом, для меня это будет такая опора в жизни, что даже если у нас будет двое, трое детей, то они будут обеспечены этим всем. Я хочу, чтобы мои дети были обеспечены этим всем» (Наталья, Пермь, 28 лет, замужем, детей нет).

Нужно отметить, что часто в нарративе респондента две указанные идеи тесно переплетаются:

«Ну, пока как-то детей не хочу, не знаю. Может быть, боюсь, что... это же ответственность («ответственность». — И. З.). ... потому что это получается, откладываешь жизнь на потом («своя жизнь». — И. З.), не знаю, как смогу воспитать двоих или троих детей» (Валентина, Хабаровск, 25 лет, не замужем, нет детей).

Ощущение страха перемешивается здесь с чувством того, что у тебя есть своя жизнь, сколько-то лет из которой заберут дети; с чувством, что в своей жизни нужно что-то сделать и это что-то не связано с детьми.

Обратимся непосредственно к категории «своя жизнь». Вот типичный пример того, какой смысл придается появлению и воспитанию ребенка по отношению к собственной биографии:

«Сейчас детки подрастут, и конечно надо пойти работать. Надо работать, нельзя же все время дома сидеть. Сейчас я вся в семье, пока детки маленькие. А когда дети подрастут — надо идти работать, жить для себя, путешествовать семьей всей, очень хочу попутешествовать. Как дети подрастут, конечно, всю жизнь буду работать.

Дома не сидится. Дома море дел. Но, во-первых, материальный вопрос. Чтобы путешествовать, нужны деньги. Все равно много денег никогда не бывает, да и всегда грандиозные планы возникают — то одно купить, то другое, причем двое детей. Также надо и одевать, и обувать, всякие экскурсии. Сейчас каникулы, ходим по музеям, и в Макдональдсы, и везде-везде, все ребенку хочется, игрушки и все остальное, а это все деньги. Сейчас муж может нас обеспечить, а дальше... опять-таки и в школе уроки. Все это дополнительные средства. Лишних денег не бывает.

И чтобы сидеть совсем дома, надо, чтобы муж очень хорошо зарабатывал. И опять-таки, когда возможно, ты занимаешься какой-то творческой деятельностью для себя, чтобы совсем дома не скиснуть. Сейчас вот дети меня занимают, когда они подрастут, надо и для себя пожить. Работать интересно, если это интересная работа, если это не на заводе и не все время одно и то же. Когда ты общаешься с людьми, это интересно. Так дальше я и вижу... сейчас я живу для детей, для семьи. А так — свои интересы, своя работа. Мои интересы — дети, муж, а хочется еще как-то совсем... не для себя даже. Пойти работать. Хотя бы походить уже по театрам, музеям, потому что на это сейчас времени нет для себя» (Татьяна, Санкт-Петербург, 30 лет, замужем, двое детей).

В данном фрагменте сочетаются две темы — работа как обеспечение семьи и работа, чтобы пожить для себя. При этом в интервью молодой женщины, матери двоих детей, работа в первую очередь противопоставляется не необеспеченности — *«сейчас муж может нас обеспечить»* (муж работает финансовым директором торгового дома в Санкт-Петербурге). Работа в семье, по дому противопоставляется (*«дома море дел», «дома... скиснуть»*) возможности *«для себя пожить»*, *«времени нет для себя»* и, наоборот, коррелирует с *«творческой деятельностью»*: *«когда ты общаешься с людьми — это интересно», «свои интересы», «хотя бы походить уже по театрам, музеям»*. Кроме того, выделяется следующая оппозиция: *«сидеть дома... вся в семье»* — *«работать, жить для себя, путешествовать»*.

Подобного рода противопоставления оказываются, по данным проведенного исследования, довольно типичными для бездетных или малодетных семей, где есть один-два ребенка. Дети противопоставляются некоей собственной жизни, жизни для себя, интересному, творческому общению, «нескисанию» дома, «открытости миру», в котором тебя ждут путешествия, театры, музеи. И работа по большому счету направлена на то, чтобы эту открытость обеспечить, начиная с общения, стабильного материального достатка и заканчивая удовлетворением и развитием собственных интересов.

Итак, ключевой посыл рассмотренного отрывка из интервью — *«пожить для себя»* или, в другом варианте, *«пожить своей жизнью»*¹.

¹ Наряду с категорией «ответственность», категория «своя жизнь», в диапазоне от развлечения до самореализации, выступает структурирующей все рассуждения по поводу деторождения. Она возникает не только в нарративах респондентов, ее активно используют в СМИ и рекламе. В связи с нашей темой упомянем рекламу гормональной контрацепции для женщин фирмы Bayer Schering Pharma: «Планирование семьи — сознательное решение. Живи своей жизнью, пока не

Что такое «своя жизнь»? Обязательно ли это работа? Что стоит за словом «работа»?

«Мой идеальный вариант — это когда у двоих прекрасная карьера, именно не работа, а карьера, движение вверх, движение в плане самосовершенствования, постоянное обучение и прогресс в этом отношении. У меня есть тост за Эверест. У каждого человека на определенном этапе есть свой Эверест — какая-то цель, большая и высокая. Не какая-то простая цель, которой ты достигаешь и идешь дальше, а на определенном этапе у каждого есть Эверест. Чтобы этих Эверестов было не много, иначе будут мелкими, но чтобы они были. Чтобы карьера была в порядке, чтобы вечером они — не каждый вечер, но периодически приходили домой, встречались. Животного не надо. Вместе проводили отпуск каждый раз в новом месте. Детей не надо» (Анастасия, Пермь, 23 года, не замужем, нет детей).

Как видно из приведенной цитаты, работа важна не сама по себе, не как упорный труд, не как средство зарабатывать деньги (по крайней мере, не только). И, как видим, не отсутствие денег мешает появлению детей. Респондент вообще ничего не говорит о деньгах и о средствах для обеспечения тех или иных целей. В этом интервью молодой девушки описывается область принципиальных целей и ценностей, и дети в эту сферу не попадают, они как бы противопоставляются собственному *«движению»* — *«самосовершенствованию, постоянному обучению, прогрессу»*. Кроме того, предьявляя образ идеальной пары, помимо самосовершенствования респондент вновь указывает на идею путешествия, присутствия в разных местах.

Вот слова другого потенциального родителя:

«Мне просто хочется, чтобы все было интересно. То есть я не хочу много работать. То есть я не хочу, чтобы на работу у меня уходило 10–12 часов в сутки, как некоторые хотят строить карьеру. Я хочу еще какое-то время посвящать себе, близким, какому-то развитию — спортивному, духовному развитию. Ну в том плане, чтобы не быть занятым только работой. Я не могу так, то есть мне... может быть один большой ящик, в который ты погружаешься от и до, то есть ты его заполняешь, заполняешь, заполняешь, а может быть, как у Шерлока Холмса — по моему, это он говорил, — что у человека должно

решишь создать новую». А вот развитие данного слогана: «Имеются убедительные доказательства того, что в развитых странах современные гормональные контрацептивы кардинально улучшили качество жизни женщин, а также их возможности самореализации. Это касается как более высокого уровня образования, так и карьерного роста и более высокого уровня доходов» (http://www.bayerscheringpharma.ru/scripts/pages/ru/business_units/health_today/your_life/index.php).

быть много ящичков, вот, и чтобы из каждого в нужный момент можно было что-то достать и... то есть такие знания больше мне нравятся» (Иван, Йошкар-Ола, приехал в Москву на учебу, 21 год, не женат, нет детей).

Это мнение содержит некоторые общие с предыдущим моменты. Здесь молодой человек прямо говорит: «не хочу строить карьеру», «не хочу, чтобы на работу уходило 10–12 часов в сутки». А чего он хочет? Что определяется как желательное?

Первая важная вещь — «развитие». Именно эта категория как будто бы позволяет объединить приведенные два интервью в один тип. Но есть и вторая: «должно быть много ящичков», «я не могу, чтобы был один большой ящик». Мы сталкиваемся со странной на первый взгляд и как будто нерелевантной нашей теме идеей «многогранности» развития. Оставим ее пока, зафиксировав только некоторую сходство с аргументацией молодой матери из Санкт-Петербурга, с которой мы начали — «...надо идти работать, жить для себя... очень хочу попутешествовать». Возможно, это близкое по смыслу противопоставление: закрытость (монотонность занятий и постоянное присутствие в одном месте) против размыкания границ, перемены места, посещения многих мест (многогранность жизни).

Приведем еще пример того, как в нарративе появляется категория «своя жизнь». Здесь категория «своя жизнь» не напрямую связана с развитием, однако идея разнообразия, яркости жизни присутствует. Ребенок же маркируется категорией ответственности, и «ответственность» оказывается противопоставлена «своей жизни»:

«Пока женщина не беременная, она не сможет решиться на это. Есть люди, которые хотят и ждут этого момента — хоть сегодня, хоть завтра, а есть люди, которые не думают об этом. Им просто не до этого — для них это шаг ответственный, они просто не хотят этого, мне кажется так. Пока женщина не почувствует, что беременна. Можно думать до сорока лет и не решиться. У тебя поменяется все — ты привык к своей жизни, тебя все устраивает, ты работаешь, получаешь зарплату, занимаешься собой, у тебя свой ритм жизни. Ты можешь пойти куда-то вечером. Ты живешь для себя, у тебя другой смысл и ритм жизни, мировоззрение другое, думаешь о другом. Думаешь — куда сходить, что купить, новые туфли, новые брюки, часы или кольцо, сумку. А когда появляется ребенок, все эти романтические настроение пропадают — все совершенно по-другому. Ты совершенно другой чело-

век становишься. ...У меня были страх и паника, что я все это теряю. Ну как теряю — не то что прямо теряю, но все равно мне нужно на время забыть об этом. Не то что страшно, не объяснишь состояние, паника какая-то была. Что все, ничего не будет и вообще я не смогу пойти сделать ногти, и действительно так оно и есть. Сейчас думать — речи нет, он маленький, какие ногти — поцарапаю, задену. Нет ногтей — как будто так и надо, не нужны они мне» (Анна, Москва, приехала из Владимирской области, 25 лет, один ребенок).

Ребенок воспринимается как пауза в собственной жизни, как окончание своей жизни и как окончание жизни вообще — «ничего не будет». Несколько подробнее на проблеме страха при переходе из состояния бездетности в состояние родительства мы остановимся дальше. Пока же приведем еще одну цитату из данного интервью. В ней развивается тема многообразия жизни и повторяется уже отмеченное ранее противопоставление работы как свободы и многообразия — сидению дома (с ребенком). Важной новой темой является тема «ритма жизни», включенности и выключенности из жизни.

«Для меня важно работать. Быть как все, самоутверждение, быть в обществе, что ли. Не типа раутов, на вечеринке. Быть включенной в жизнь, чтобы не отупеть в четырех стенах. Ну да, быть включенной в ритм жизни. Я вам говорила, что быть... в ритме быть, быть включенным, кто-то ходит, что-то делает. Мы же в мегаполисе таком огромном, а ты будешь сидеть дома с ребенком, это же неправильно. Для меня это неправильно. Нужно быть современным. Чтобы с ребенком хотя бы о чем-то общаться, рассказать ему, что есть это, есть то, куда можно пойти. А как ты его воспитаешь, если ты сама не работала?» (Анна, Москва, приехала из Владимирской области, 25 лет, один ребенок).

Таким образом, при обсуждении деторождения категория «своя жизнь» выступает в значениях развития и многогранности. Однако если эта категория действительно организует осмысление интересующей нас темы потенциальными и реальными родителями — современными россиянами, то хотелось бы несколько точнее определить ее отношение к деторождению, а также ответить на вопрос о том, откуда у молодых людей берется эта категория? И каковы те социальные силы — общности, институты, механизмы, которые способствуют постоянной реактуализации именно таких категорий, именно такого видения молодежью ситуации предполагаемого деторождения.

Деторождение и «развитие». Идея «развития» не доминирует в нарративах респондентов, но она появляется в их высказываниях и требует экспликации. Например, молодая женщина 27 лет, директор фирмы, так описывает потенциальных мужей:

«Мужики пошли какие-то... ни рыб, ни мясо — все в себе, все самореализовываются. На одну ночь можно. Не в смысле — все мужики — сво..., потому что хотят только секса. Нет, у всех какой-то пунктик — самоопределение. Мое ли это? Чего я в жизни сделал? Как мне реализовать себя? И умный, и красивый, и порядочный в общем, спортивный — все что угодно, только не семья, а про детей вообще молчу. Не то что они боятся штампа, они как будто не смотрят в эту сторону, им важно сначала самореализоваться. С ними замуж до старости не выйдешь» (Анна, Москва, 27 лет, не замужем, нет детей).

Мы видим, что мужчины обвиняются не в распущенности, не в похотливости, не в неумении что-либо делать, не в приобретаемости — нет, за ними признаются ум, привлекательность, порядочность, спортивное телосложение. Они обвиняются в назойливом желании самореализации, которое блокирует рассмотрение вопросов о создании семьи (причем, вероятно, имеется в виду даже не обязательно официальная регистрация отношений «со штампом» — кажется, респондентке достаточно было бы и гражданского брака) и о рождении детей. Что по этому поводу думают сами потенциальные мужья и отцы?

«А в принципе, если просто порассуждать, то когда нужно заводить детей?»

Когда ты в этом уверен. Вот сейчас, например, рано, потому что я еще учусь, я банально не смогу их содержать. То есть я не смогу содержать семью. Я еще все-таки считаю, что я молод слишком, чтобы иметь детей. Я не набрался еще, может быть, жизненного опыта. Не заматерел. Уже потом — можно, потому что ты как-то подходишь взвешенно, сейчас я еще могу как-то взбалмошно подходить. Может быть, я со временем не изменюсь и буду всегда таким, и дети мои будут такими же, потому что я их так научил. Так? Но все-таки считаю, что я стану старше, стану серьезнее, и просто тогда уже... ну, я думаю, что надо ответственнее подходить ко всему. Собственно, к воспитанию тоже надо подходить ответственно. И не абы как, когда тебя еще что-то будет отвлекать — там, учеба, работа. Не то чтобы учеба, работа, а вот какие-то еще там юношеские, студенческие возможности и праздники, там, встречи, дела и тому

подобное — это все должно пройти, так? Ну да. Пройти, потом уже можно. Мне так кажется»¹ (Иван, Йошкар-Ола, приехал в Москву на учебу, 21 год, не женат, нет детей).

Помимо ряда важных в этом отрывке идей (ответственность и «заматерение») можно отметить, что молодой человек считает: «своя жизнь» должна закончиться до того, как появятся дети, должны пройти все стадии проявления собственной активности — «юношеские, студенческие возможности и праздники, там, встречи, дела и тому подобное». Жизнь в этой активной форме должна как бы завершиться или по крайней мере сократиться до минимума, после чего уже можно обзаводиться детьми. Надо уточнить, что именно должно при этом сократиться? Уже упоминавшееся многообразие жизненных интересов. То есть дети здесь снова противопоставляются многогранности жизни. А эта многогранность коррелирует с темой самореализации и развития.

Цикл бытования категории «развитие» и идея перманентного образования. Попробуем несколько подробнее описать категорию «развитие» с точки зрения того, когда она становится ценной для человека. Каков цикл ее преобладания (доминирования) в жизни потенциальных родителей? Для ответа на данный вопрос мы пользовались материалами наших интервью, а также текстами или типами текстов, на которые потенциальные/реальные родители ссылались в своих нарративах. Речь идет о трех группах таких текстов: популярные журналы о беременности и родительстве; выдаваемые/распространяемые в государственных учреждениях (медицинских консультациях, органах ЗАГС) материалы, посвященные родительству и детству; материалы интернет-форумов, посвященных родительству, беременности, зачатию, лечению от бесплодия и деторождению².

Во всех перечисленных источниках категория развития оказывается тесно связана с детством. Родители убеждены (родителей убеждают) в том, что ребенок должен быть развит

¹ Данная логика коррелирует с результатами количественных исследований. См., например: *Вовк Е.* Лучшее позже? Возраст рождения первенца и неявные концепции родительства // Социальная реальность. 2008. № 7. С. 32–36.

² Выборка подобных материалов осуществлялась нами только при ссылках на них кого-то из респондентов. В таких случаях мы старались получить у собеседника сам материал или максимально точную ссылку на него. Мы не претендуем на полную презентацию генеральной совокупности подобных материалов, однако считаем, что их достаточно для разработки гипотезы о смысловом направлении, в котором они воздействуют (предположительно должны воздействовать) на наших респондентов.

и что время упустить очень легко. Практически любой глянецовый журнал, посвященный темам рождения, ухода за ребенком, беременности, непременно имеет разделы, связанные с развитием детей:

«В последние годы возможно раннее интеллектуальное развитие малышей. Уже с 1,5 лет детишек обучают счету, чтению, иностранным языкам, музыке. Однако, исключая из жизни крохи “примитивные” детские игры, родители совершают большую ошибку. Благодаря игре малыша можно не только развивать, но и ... помочь ему справиться с массой проблем»¹.

Однако цифра 1,5 года вовсе не обозначает начало периода, когда необходимо начинать развивать ребенка. Например, журнал «Счастливые родители» имеет раздел «Развитие». В апреле 2009 г. он включал три подраздела:

«1–2 года. Что и как следует развивать у ребенка в возрасте от года до двух лет

1–2 года. Приучаем к горшку без принуждения и стрессов

0–3 года. Как привить ребенку любовь к чтению»².

Статья «Как привить ребенку любовь к чтению» начинается с подзаголовка «Ни дня без строчки»:

«Начинать читать ребенку книжки можно с первых дней жизни. Разумеется, новорожденный не поймет ни слова из сказанного, но его будет успокаивать мамин размеренный голос...»³.

Примеры можно продолжить. Важно зафиксировать тот факт, что развитие ребенка начинается и его рекомендуют начинать с рождения. Или, по-другому, хорошие родители – это такие родители, которые начинают развивать ребенка самое позднее сразу после рождения, а до того обеспечивают условия для подобного развития.

«Я когда еще была беременная, мне говорили, что нужно слушать классическую музыку, чтобы ребенок был спокойным, и что он так уже будет развиваться. И сейчас мы ему включаем разную классическую музыку» (Наталья, Москва, 25 лет, замужем, трое детей).

«Я ходил с женой в консультацию. Мне казалось, что можно безо всяких УЗИ обойтись – я к врачу пристал, зачем оно надо. Все равно же будем рожать. Она мне чего-то маловнятное ответила, я запомнил только, что сказала, а вдруг даун. Я, правда, не понял, можно ли это вылечить, если уже есть. Неприятно, конечно, и хорошо, что все

нормально у нас оказалось, а так бы только держались лишнего» (Сергей, Москва, 27 лет, женат, один ребенок).

Итак, раннее развитие становится нормой. Все, что не оценивается с точки зрения здоровья, оценивается с точки зрения развития. Например, в московских загсах при получении свидетельства о рождении ребенка родителям дают бесплатное специализированное рекламно-информационное издание «Основы здоровой семьи» – один из шести его крупных разделов специально посвящен развитию ребенка⁴.

В принципе, для современного человека данное положение дел может казаться естественным. Тем не менее отметим, что в обществе сегодня выбираются именно такие критерии – здоровье и развитие, а, например, не красота или доброта. Хорошие родители – это родители, развивающие своего ребенка. Причем, по-видимому, обычная (общеобразовательная) школа «хорошими родителями» не считается достаточной для того, чтобы ребенок хорошо развивался. Поэтому параллельно с основной школьной программой для ребенка выстраивается вторая программа:

«У меня у старшего много курсов: он два раза в бассейн ходит, ... еще информатика два раза в неделю – у них нет этого в программе. Еще он ходит на английский дополнительный. Еще карате у него два раза в неделю. Ну вот у него в понедельник информатика, вторник – информатика и карате, среда – бассейн, четверг – английский и карате и в пятницу – бассейн.

...Я думаю, что в этом году новая школа, новый преподаватель... Если в той школе первые три класса с него преподаватель пушинки сдувала, то сейчас жесткий преподаватель, и не очень ему нравится. Ему тяжело, у него тройка в четверти появилась, он переживает и даже давай, говорит, от чего-нибудь откажемся. Я говорю – выбирай, от чего. Он говорит: бассейн – нет, карате – нет, информатику тоже хочет, а английский надо. Даже нечего отменить ребенку» (Татьяна, Санкт-Петербург, 30 лет, замужем, двое детей).

Идея развития в раннем детстве далее реализуется в рамках развития, параллельного школьному. Этот императив развития вызван многомерностью современного мира и необходимостью реагировать на нее со стороны системы образования. Тем самым, помимо большого количества предметов в школе и длительного

¹ ShapeМама. 2009. № 1. С. 37.

² Счастливые родители. 2009. № 4. С. 6.

³ Там же. С. 122.

⁴ Основы здоровой семьи. Справочно-информационный сборник для молодых родителей, регистрирующих детей в ЗАГСх Москвы и Московской области.

обучения в ней, ребенок, по мнению родителей, должен осваивать еще ряд навыков и компетенций. Значительное число этих необходимых к освоению компетенций занимает практически все время ребенка и требует от него значительных усилий.

На следующем этапе эти освоенные компетенции и навыки (а также представление о том, что неосвоенных компетенций и навыков еще больше) начинают требовать применения:

«Мне говорили, что я одаренный ребенок, что я многое могу, я учился в хорошей школе, где нам тоже постоянно твердили, что мы лучшие. Мы не верили, но в подсознании, видимо, осталось, потом я поступил в престижный институт — там та же ситуация. Уже с третьего курса многие работали, было ощущение, как будто (может это и глупо звучит) ты многое можешь, что ты что-то сделаешь. У многих это было — кто карьеру строил, кто за границу поехал, те, кто в институте остались — там были не только ботаники, — верили, что они науку двинут. В общем, всем было не до детей. Была в группе одна девчонка — про нее всем было понятно, что она «дура», так вот она к пятому курсу была беременной, только она одна. Дети начали появляться только сейчас к 30, причем какой-то волной — то ни у кого не было, — то с интервалом в несколько месяцев человек 5—6 я знаю. Почему так, я не знаю, может, надоела карьера, может чего-то достигли, может, захотелось детей — не знаю. Почему-то было ощущение к концу института, что жизнь только начинается» (Валерий, Москва, 31 год, женат, один ребенок).

Таким образом, цикл устремленности на «развитие» замыкается. Родители развивают детей, далее развитие требует применения, т. е. самореализации (или дальнейшего развития), и подросшие (развитые) дети откладывают рождение своих детей на более поздний возраст.

Идея развития и связанных с ним самоопределения и самореализации сегодня встроены в институт образования. Этот институт имеет собственную логику и собственный тайминг. «Ребенок — подросток — молодой человек» проводит в образовательных учреждениях, школе и вузе, значительный промежуток времени. Период самостоятельной активной жизни начинается сегодня, самое раннее, после школы и даже позже — как правило, на середине или в конце вузовского периода, в ходе которого человек оказывается отгороженным от многих сторон жизни¹. Определенный уровень обра-

зования требует дальнейшего образования и — в пределе — не заканчивается на протяжении всей жизни.

Так получилось, что на эту институциональную обусловленность накладывается биологическая специфика: наиболее продуктивный фертильный период заканчивается годам к 30—35 годам. В 22 года большой ребенок покидает вуз, а в 30 его фертильные возможности начинают снижаться. На это же время приходится активная самостоятельная жизнь молодого человека (как мужчины, так и женщины)². Бессмысленно говорить, что нынешнее поколение — карьеристы. Молодые люди, не видевшие жизни, либо просто хотят ее посмотреть, либо же боятся стать плохими родителями, чувствуя, что не готовы к этой роли:

«Смотрите, сейчас мне 20, еще нужно доучиться. Потом, вероятно, придется получать второе высшее. Потом работа, еще много всего. У меня ощущение, что я еще толком жить не начала. Не то что дискотеки, мальчики и т. д. Нет — общее какое-то ощущение, что ты только-только жить начинаешь. Что ты сама что-то делаешь, сама натыкаешься на что-то, что-то неправильно, что-то сама хочешь начинаешь. Ты долго была примерной дочерью и делала то, что хотят родители. Это я не к тому, что я маменькина дочка. Вы знаете, вот вы спрашивали, чего ты хочешь от жизни, — а я понимаю, что у меня это совсем недавно появилось, чтобы я сама что-то хотела. Есть какое-то чувство, что ты должен что-то прожить, что меня еще толком самой-то нет. И здесь ребенок. Я хочу детей и семью хочу, но хоть чуть-чуть самой собой побыть. Потому что дальше если ребенок — наверное, надо жить его даже не хотениями, а минимальными потребностями — кормить, гулять, лечить, учить. Поэтому пока — немного времени побыть самой» (Евгения, Москва, 20 лет, не замужем, детей нет).

сказать, что наибольшее влияние на него имеют сверстники, и осуществляется оно в многочисленных паузах, которые появляются в ходе учебного процесса и которые возникают из-за специфической конструкции современной отечественной школы. См.: *Рогозин Д., Солодова И., Турчик А.* Типичное и особенное в жизни школьного учителя информатики // Социальная реальность. 2007. № 6. С. 5—21.

² О влиянии пролонгированного образования на откладывание деторождения см.: *Meron M., Widmer I.* Unemployment leads women to postpone the birth of their first child // Population-E. 2002. Vol. 57 (2). P. 301—330; *Rindfuss R., Morgan S., Offut K.* Education and the changing age pattern of American fertility. // Demography. 1996. Vol. 33 (3). P. 277—290. О необходимости повышать образование для увеличения шансов на рынке труда и об альтернативных издержках материнства см.: *Female labour market behaviour and fertility. A rational choice approach / J.J. Siegers, J. de Jong-Gierveld, E. van Imhoff* (eds.). Berlin: Springer Verlag, 1991.

¹ Вместе с тем образование и тем более воспитание ребенка в школе осуществляется как минимум не только учителями. Правильнее

Некоторые итоги. Мы попытались продемонстрировать, как работает одна из двух основных категорий, в терминах которых российскими респондентами осмысляются сегодня ситуации возможного/предполагаемого деторождения. Как было показано, категория «своя жизнь»/самореализация обозначает не столько построение карьеры и не относится к проблеме заработка. Она связана в нарративах респондентов с двумя (в свою очередь, связанными) группами смыслов — постоянного/бесконечного развития и, в еще большей мере, желания освоить или хотя бы по возможности почувствовать многообразие сегодняшнего мира.

При этом фигура ребенка осознается как «пауза» в жизни родителя. Вместе с тем жизнь в современном мире воспринимается респондентами не как линейный процесс, в котором существуют определенные стадии. Эта жизнь представляется респондентам в качестве практически бесконечного набора альтернативных возможностей. Говоря о своих планах, люди часто не представляют какую-то одну стратегию, одно, уже выбранное направление собственной жизни. Они говорят о многообразии — о постоянно расширяющемся горизонте возможностей. Они хотят постоянно сохранять это многообразие — работают на нескольких работах, получают несколько дополнительных образований и т. д. Основная их задача состоит в том, чтобы удерживать это многообразие возможностей, чтобы не выбирать что-то одно, а пытаться обеспечить собственное присутствие во многих сферах жизни, побывать во многих регионах мира. В этом контексте потенциальный родитель ставит вопрос о самоопределении, но не в том смысле, что он хочет это самоопределение реализовать, а в том, что он, по его молчаливым предположениям, может оставаться человеком современного мира только до тех пор, пока не самоопределился, не выбрал (эквивалент вечной молодости). Любое самоопределение, по этой логике, сворачивает многообразие возможностей. И дети воспринимаются как конец самоопределения, финальный отказ от многообразия («Я не хочу рожать детей, потому что дети — это навсегда»). Негативный характер подобных оценок определяется, скорее всего, не тем, что человек/родитель не сможет теперь заниматься каким-то другим, вполне конкретным делом (таких дел, отметим, респонденты часто и не называют), но тем, что ребенок воспринимается как нечто несовместимое с потенциальным многообразием возможностей. Ребенок отрицательно оценивается

не сам по себе: он хорош как один из вариантов описанного многообразия, но плох, когда приходится делать «окончательный» выбор и ребенок становится «единственным» вариантом.

Чтобы понять, как и когда идея развития/самореализации в такой форме прививается потенциальным родителям, мы поставили вопрос о том, как эта категория появляется в биографиях респондентов. Нами были выделены 4 точки появления этой категории.

1. *До рождения будущего родителя.* Родитель родителя (в панике) обращается за информацией по поводу того, как справиться с такой большой ответственностью, как ребенок. Приходится обращаться к врачам (необходимо встать на учет женскую консультацию, где врачи делают все, чтобы родитель смог родить полноценного, хорошо развитого ребенка (а например, не дауна). Кроме того, он обращается к различного рода знакомым, интернет-форумам, глянцевым и иным журналам. Из этих различных источников он слышит две вещи: нужно заботиться о здоровье ребенка¹ и его развитию — в том числе и до рождения.

2. *Ранний возраст будущего родителя.* Родитель будущего родителя после рождения ребенка обязан пройти ряд процедур, связанных с тем, чтобы рожденный ребенок появился в стране/государстве. Практически все родители должны получить свидетельство о рождении (кроме того — хотя и не обязательно — получить государственную субсидию, оформить гражданство и т. д.). Это он делает в отделении ЗАГС, где ему выдают материалы для молодой семьи, родившей ребенка. В этих материалах можно видеть повторение картины, зафиксированной на прошлой стадии — развитие и здоровье.

3. *Детсадовский, школьный и институтский возраст будущего родителя.* Будущий родитель помещается на 9–15 (и более) лет в образовательные институты. Семья фактически утрачивает свое влияние на ребенка/будущего родителя. В образовательных институтах, будущий родитель помимо предметных знаний, получает представление о необходимости развиваться и учиться как можно дольше. Область неосвоенного/проблемного всегда оказывается гораздо большей, нежели область освоенного. Школьная программа имеет тенденцию сопровождаться параллельной программой. Первое

¹ Вопрос о том, как институт медицины влияет на мотивацию деторождения (по-видимому, в первую очередь, благодаря ему в дискурсе о деторождении удерживается категория «ответственность»), мы вынуждены оставить за рамками данной статьи.

институтское образование — дополняться вторым и последующими образованиями.

4. *Постинститутский возраст будущего родителя.* Выходя из-под власти институтов обязательного и «крайне желательного» образования, будущий родитель обладает помимо прочих двумя идеями: 1) он еще самостоятельно не жил и жизни не видел, до рождения ребенка, он должен жизнь увидеть; 2) все то, что он получил в образовательных институтах, все то, что было в нем развито, требует применения. На этом основании он готов неопределенно долго откладывать рождение ребенка.

Итак, мы попытались показать, что идеи самореализации/развития, фиксируемые категорией «своя жизнь», удерживаются в дискурсе в ходе работы (и благодаря функционированию) института образования. Ряд историков и культурологов связывает осознание детства как особого этапа человеческого существования¹ именно с возникновением институтов обязательного образования. Н. Постман, а вслед за ним У. Канингем писали, что детство как отдельный этап жизни и особое отношение к нему возникли вместе с развитием печатной культуры. Поскольку роль текста в европейских обществах на протяжении новейшего времени и в ходе образовательной революции возрастала, школа стала местом для освоения навыков

работы с текстом, а детство получило значение отрезка жизни, необходимого для этого освоения².

В последнее время ситуация начинает меняться в двух направлениях. Во-первых, цикл обязательного образования увеличивается. Соответственно и «ребенок» становится все более долгосрочным и сложным проектом. Во-вторых, текстовая культура получила значимого конкурента в лице культуры образной. Сегодняшних детей называют «детьми четырех экранов», имея в виду телевизор, компьютер, мобильный телефон и кинотеатр. Образная культура требует меньше времени на усвоение, и этот процесс оказывается для детей гораздо более интересным, нежели социализация к печатной культуре. Молодые родители вынуждены конкурировать в деле воспитания собственного ребенка со школой и телевидением — ребенок становится существом, на протяжении больших временных отрезков (учеба, свободное время) не контролируемым. Родители все больше и больше отвечают только за физическое обеспечение ребенка. Рассчитывая свои силы, они принимают во внимание, что «*больше чем одного ребенка вырастить это очень сложно — и морально, и по деньгам*». Тем самым для многих сегодня рождение и воспитание детей становится слишком большим и пугающим проектом.

¹ Филипп Арьес (указ. соч.) продемонстрировал, что специфический образ чувств по отношению к ребенку сложился в европейской истории сравнительно недавно и именно это ценностное отношение выделило детство в качестве особого периода жизни. Критику и альтернативные подходы историков см., например: *Hendrick H. Children, childhood and English society 1880–1990. Cambridge (England): Cambridge UP, 1997; Калверт К. Дети в доме: материальная культура раннего детства, 1600–1900. М.: Новое литературное обозрение, 2009.*

² *Postman N. The disappearance of childhood. New York: Dell Publishing Co., 1982; Cunningham H. Children and Childhood in Western Society Since 1500. London; New York: Longman, 2005.*

СОЦИОЛОГ: ПРОФЕССИЯ И ПОЗИЦИЯ

О Леваде.

Интервью с Алексисом Береловичем

От редакции. Т. В. Левада выпустила в этом году сборник воспоминаний и статей о Ю.А. Леваде¹. Первое издание вышло очень маленьким тиражом, и Тамара Васильевна готовит сейчас новое, расширенное и дополненное издание. Она включила в него ряд новых материалов, в том числе и воспоминания тех, кто не смог дать их в первую книгу. Мы попросили нашего давнего друга и коллегу, профессора Сорбонны Алексиса Береловича рассказать о своих отношениях с Ю.А. Левадой.

Интервью было взято в сентябре этого года Львом Гудковым.

— В отличие от многих, кто писал воспоминания о Юрии Александровиче в первом сборнике, я познакомился с ним поздно, уже во время перестройки.

Это какой год?

— Это было, когда он первый раз приехал в Париж на большую конференцию. Там были все активно действующие интеллектуалы перестройки. Он тогда заметил, не без иронии, что в Париже организовали смотр «прорабов перестройки». Это было в Сенате, а тема — естественно, что-то о перестройке и будущем Советского Союза. Это был 1988-й, если я не ошибаюсь. Я, конечно, о Леваде тогда уже много слышал. Он был у нас дома, по-моему, с Леонидом Абрамовичем Гордоном. А потом, когда начались первые опросы старого ВЦИОМа, я захотел с ними ознакомиться. От Леонида Седова, с которым я был давно знаком, я узнал о Борисе Дубине, мы как-то созвонились, и он меня позвал к вам во ВЦИОМ. Вы еще находились

в гостинице «Дом туриста». Я там был только однажды, и у меня сохранились ваши первые бюллетени на такой желтой бумаге — публикации опросов, первые выпуски. Я их даже недавно использовал. Меня тогда сразу поразила деловая, веселая и доброжелательная атмосфера, которая вызывала желание к вам приходить.

А потом, когда я уже приехал работать в Москву в 1994-м...

По-моему, раньше. Мы ведь с тобой встретились в 1992 году на конференции в Ливорно? И ты тогда уже был к нам «вхож», своим человеком был².

— Да, но работать в Москву я точно приехал в 1994 году и тогда стал бывать у вас относительно часто, ходил на семинары. И конечно, был момент, когда я с Левадой стал ближе; я не могу сказать — сдружился, потому что мы с ним как бы в разных категориях, и он человек, который, как многие подчеркивают, всегда держал некую дистанцию.

Он тебя выделял и отзывался о тебе, можно сказать, с нежностью.

— Как ни странно, я испытывал к нему то же чувство, в особенности — под конец. Но одновременно он вызывал ощущение большой силы, даже просто физической — он занимал много места. Даже когда он просто сидел, ничего не говоря, все равно все притягивалось к нему. И, само собой, ощущение духовной силы, интеллектуальной. В то же время я ощущал в нем какую-то незащищенность, странную смесь силы и незащищенности. Его мудрость, умение видеть людей «насквозь» сочеталась в то же вре-

¹ Воспоминания и дискуссии о Юрии Александровиче Леваде. К 80-летию со дня рождения. / Сост. Т.В. Левада. М.: Изд. Карпов Е.В., 2010. — 471 с.

² Конференция «Новая Россия и Европа», октябрь 1992-го. Леваде каким-то образом удалось вывезти в Италию почти всех сотрудников своего отдела. С итальянской стороны в конференции принимали участие В. Страда, С. Понс, В. Заславский, А. Романо и др. — *Прим. Л.Г.*

мя с постоянной доброжелательностью. Изначально он все-таки предпочитал отнестись к человеку доброжелательно, только потом могло возникнуть отторжение.

Поближе мы сошлись, когда он приезжал читать лекции в Школе Высших социальных исследований. Это примерно конец 1990 года.

Он тогда начал снова учить французский....

– Да, это было очень трогательно, как он мобилизовал свой французский язык и как настойчиво читал лекции по-французски. Так как тогда никакого Power Point'a не было, он заранее к каждой лекции рисовал на больших листах ватмана рисунки. Он писал на них цифры, рисовал диаграммы, а потом их комментировал. Это было очень интересно. Я их долго хранил, но при многочисленных переездах, к сожалению, они куда-то затерялись. Он прочел 4 лекции по 2 часа – это норма для таких приглашений. Две вещи меня тогда поразили очень сильно. Во-первых, его полная непритязательность в быту. Я часто занимался по работе в «Доме наук о человеке» с людьми, приглашенными из Советского Союза, и почти всегда с их стороны были претензии: то не тот квартал, то не та квартира, то не тот этаж, и т. д. Юрию Александровичу тогда нашли маленькую двухкомнатную квартиру в «плохом» районе Парижа, как считается среди приезжающих из Москвы, которые очень сильно реагируют на цвет кожи. Ему это было совершенно безразлично, вернее – даже интересно. Меня очень смущало, что это был 4-й или 5-й этаж без лифта. Я чувствовал себя из-за этого очень плохо. Но он отринул все мои попытки поискать что-то другое. Это была очень глубокая черта его характера. И она очень интересно связывается с другой его чертой. Политически он, конечно, не считал, что все хорошо и надо только приспособиться, конечно, нет. Его позиция была обратная. Но для себя он принимал вещи такими, какие они есть, и считал глупостью тратить силы на какое-то их изменение. Пусть вещи идут своим чередом, важно сохранить свою внутреннюю свободу по отношению к ним. Если забегать вперед, я это полностью ощутил, когда власти закрывали ВЦИОМ. Я тогда затрепыхался, организовал сбор подписей по Интернету и т. д. Ему было решительно все равно. Т. е., я думаю, может быть, ему было приятно, что некоторые люди оказали ему поддержку. Но бороться в этой ситуации – это ему казалось, опять-таки, совершенно пустой тратой времени.

Почему, по-твоему? Ему это было неважно?

– Мне кажется, что помимо того, что называется в обиходе «философским» взглядом на жизнь, у Левады было глубокое ощущение несовершенства мира (и людей!), и отсюда для него вытекала не только моральная необходимость действия, но и – в некоторых случаях – понимание его тщетности. То, что я говорил про квартиру, по-моему, связано с его отношением к приватизации государством старого ВЦИОМа. Мне это до конца не понятно, может быть, это мои западные привычки, но все же не только. Юрий Александрович считал тогда подобную реакцию слишком поверхностной, борьбой, которую не стоило заводить. Может быть, конечно, потому что знал, что для него речь шла не о спасении работы, знал, что работу коллектива можно будет продолжить. Видимо, он все-таки это заблаговременно обеспечил...

Обеспечил площадку.

– ...и поэтому остальное ему казалось второстепенным. Мне казалось, что это не второстепенный вопрос – это принцип борьбы с произволом, и поэтому он необходим. И я был поражен его некоторой отрешенностью. Ты об этом, кажется, говорил, он достаточно часто считал, что это все слишком мелко, и на это не стоит обращать внимание. И что люди, которые слишком мелки, не заслуживают того внимания и тех усилий, которые нужно было бы потратить, чтобы бороться против них. Тогда меня эта черта поразила.

Вторая черта, которая меня тогда поразила, – это политическая страсть. И именно реальная страсть. Его явно всегда интересовала наука, правда, я был лично с ним знаком только в то время, когда эта наука была связана с общественной жизнью – когда уже существовали старый ВЦИОМ, а потом Левада-Центр. Как было до этого – я не знаю. Его интерес к политике – это было не только общественное мнение в Советском Союзе и позже в России. Он из тех редких людей, которые хорошо знали политическую жизнь во Франции и вообще в мире, он реально ей интересовался. Помнишь семинар в 2005 году, когда то ли я напросился, то ли меня попросили, я уже не помню, рассказать о молодежных волнениях в пригородах Парижа? Насколько же ему это было интересно, и насколько он сам был информирован! Он прочитал французскую прессу в Интернете и очень хорошо знал, что там происходило. И этот интерес не был связан с тем, что происходит в России. Вот это меня тогда поразило: его страстность, большой интерес ко всему, что

окружало и заслуживало, по его мнению, интереса. И вместе с тем способность не обращать внимания, не интересоваться тем, что, как он считал, этого не заслуживает.

По-моему, в первой вашей книжке «Есть мнение!» или еще где-то он пишет, что для него ВЦИОМ — это был инструмент для понимания общества. Именно инструмент, который волей случая попался ему в руки. Я думаю, если бы его не было, он бы нашел другие и работал бы по-другому. Но он смог сделать из этих опросов инструмент, который ему был нужен, чтобы изучать то, что его интересовало. Это — одна сторона дела. Другая заключается в том, что он надеялся (по-моему, как раз эта надежда у него с годами ушла) — что ВЦИОМ сможет способствовать созданию общественного мнения, показывая читателям, показывая сообществу результаты опросов, что это сможет способствовать образованию того, что можно будет назвать общественным мнением. Поэтому он был так заинтересован, чтобы результаты опросов публиковались именно в широкой прессе. В этом смысле для него, как мне представляется, ВЦИОМ был важен не только в деле науки, но и политики. Под конец он меньше в это верил, он констатировал, что общественное мнение в полном смысле этого слова так и не образовалось.

Мне кажется, что после избрания Путина (а это был переломный момент для него и для Центра), в особенности в последние годы он окончательно решил для себя, что надежды увидеть на своем веку в России что-то демократичное не осталось. Он производил впечатление человека глубоко отчаявшегося, вернее — человека, живущего без надежды. И разуверившегося в возможности создать общественное мнение, в его воздействие на происходящее.

Меня очень сильно поразила его замечательная статья «Восстание слабых». Всем — научно, политически, нравственно, этически. Она была о протестном движении пенсионеров в 2005 году. Уже само название было этически нагружено. Может быть, те, кто считают, что наука должна «добру и злу внимать равнодушно», могут и не понять, и не одобрить его позицию. Я же, наоборот, думаю, что было очень важным сказать, что это был бунт именно слабых и что катастрофа в том, что он не вызвал отзвука в общественном мнении. И что на него не обратило внимания и интеллектуальное сообщество. Для Левады это была очень глубокая рана.

Нравственная проблема, я думаю.

— Да, конечно, которую он переживал все-

таки как шестидесятник. Он сам говорил, что он шестидесятник, понимал, что принадлежит этому поколению. Так вот то, что это поколение (не говоря уже о следующем) не нашло в себе в новой обстановке необходимые нравственные силы, — это глубоко его затрагивало.

Если еще говорить о личных воспоминаниях, то я всегда был от него под очень сильным впечатлением: когда с ним встречался, когда он выступал на семинарах, в любой обстановке, даже в гостях у меня дома. И я чувствовал какую-то чрезмерную необходимость быть умным, что ли. Мне всегда хотелось говорить с ним о вещах важных, а не о кошках, там, или собаках. А может быть, ему надоедало все это?

И еще из личного, очень поразившего меня и в очередной раз очень понравившегося. Мне по долгу службы приходилось несколько раз содействовать разным встречам «больших» людей, приезжавших из Франции в Россию, с Левадой, поскольку было известно, что я связан с его Центром. Я обычно сопротивлялся, но время от времени приходилось просить Юрия Александровича, не может ли он встретиться с неким «N». Как-то должен был приехать какой-то очень важный человек — друг нашего президента, председатель какой-то комиссии, я точно не помню, чтобы в очередной раз ознакомиться с российскими проблемами и в том числе — с общественным мнением. Он захотел встретиться с Левадой, чтобы тот ему рассказал про общественное мнение, про ситуацию в России и т. п. Это было где-то в 2004-м. Этот человек захотел встретиться в ресторане «Пушкин». Пришли мы в этот «Пушкин», более китчевое место, конечно, трудно найти. И он задал несколько общих, необязательных вопросов: ну как тут у вас сегодня? И дальше в том же роде. Было видно, как Левада закрылся, стал все чаще отвечать только «да», «нет». Слава богу, с нами был Борис Дубин, который поддержал какой-то минимальный разговор. Т. е. полное нежелание поддерживать банальный разговор, отсутствие всякого интереса к званиям, регалиям и т. п. Или человек его интересовал, или не интересовал. И если не интересовал, то тут, кем бы он ни был... А если интересовал — то поразительно, насколько он мог полностью мобилизоваться и заинтересоваться. Он очень любил разговор, любил, чтобы рассказывали, а когда понимал, что это формально, то выключался.

Другой такой случай был, когда он приезжал в Париж, и один очень известный социолог захотел с ним встретиться. Мы все вместе ужинали. Французский социолог постоянно задавал

вопросы и иногда слушал ответы. Юрий Александрович мне говорит — ему главное показать, какой он умный. Помню, это умение Левады сразу понимать такие вещи очень меня тогда поразило. Умение видеть, кто есть кто.

И еще хотелось бы особенно вспомнить его очень большое внимание к Марии, к Елене, ко мне, как он интересовался нашей жизнью¹.

Я хотел тебя спросить об отношении к Леваде других людей, общей реакции на Леваду, об этом, например, пишет Габович², что из Левады делают икону...

— Я читал это и ловил себя на том, что эти его слова вызывают во мне глубокое раздражение. Потом думал, что оно совершенно необоснованно, что какого черта я чувствую такое раздражение — ведь он говорит совершеннейшую правду: не надо делать из Юрия Александровича икону, надо критически разбирать его работы, а не петь ему дифирамбы. А потом все равно раздражался...

И у меня были абсолютно те же самые чувства.

— Потом я попробовал понять, откуда это раздражение. Я подумал, что у Левады были неразрывно связаны научная, политическая и нравственная позиции. И поэтому оценивать его, говорить о нем, вспоминать о нем как о личности — это просто необходимо. Когда ты о нем говоришь, об этом многие часто вспоминали, то невольно возникает разговор о его моральном авторитете.

Я думаю, что у многих и многих раздражение вызывала именно эта его позиция, определенное понимание науки, ценностно, этически нагруженное...

— У вас была дискуссия: публичная социология — не публичная социология. Мне кажется, что социология — это все-таки не археология. Т. е. если ты занимаешься современным обществом, что все-таки и является предметом социологии, ты не можешь говорить о нем так, как если бы ты говорил о Древнем Риме, это будет неправда. А если ты так говоришь, то ты под покровом научности просто бежишь от своего долга, в том числе — долга ученого. Ведь лишение пенсионеров льгот, расизм, состоя-

ние образования, здравоохранения — когда ты это описываешь, ты же не описываешь нравы древних греков, ты описываешь судьбы людей твоего времени. И описывать это так, как будто это тебя совершенно не касается, мне кажется просто безнравственным. Насколько я знаю, великие социологи совсем не были безразличны к социально-политическим вопросам. Можно назвать Мосса, Дюркгейма, Вебера. Помоему, об этом имеет смысл говорить. Социолог должен просто по своей работе часто давать какие-то оценки, высказывать мнения, давать консультации как специалист, и это имеет политические последствия. Причем в некоторых случаях эти высказывания и оценки используются затем совсем не с нейтральной позиции. Естественно, это надо иметь в виду. Я думаю, что внутри своего сообщества, внутри Советского Союза, России Левада вызывал раздражение по двум причинам. То, о чем я говорил, — одна из них.

Другая самая очевидная причина — незапятнанность, у него, конечно, в этом смысле был авторитет.

Ты помнишь, в интервью Дмитрию Шалину, он пытался долго и, как мне кажется, с трудом объяснить свои отношения с диссидентами?

— Вопрос про диссидентов — это отдельный разговор.

Но он имеет непосредственное отношение к науке.

— Мне кажется, что у диссидентства была смесь... его политическая и интеллектуальная база была, конечно, тоже нравственной. Но была в диссидентстве и такая, я бы сказал, почти экзистенциальная компонента, которой у Юрия Александровича не было. У него было политическое неприятие общества, но в своем обиходе, обычной жизни он принимал эту действительность такой, какая она есть: жизнь течет так, как она течет. В общем, возможно, это затрудняло его переход к диссидентству.

Да, точно.

— Ему надо было понять, что такое то общество, в котором он жил. И в этом и заключалась его политическая деятельность. Я о диссидентстве с ним не говорил, но, судя по его интервью, диссидентство его все же мало интересовало, даже если он и отдавал ему должное. А еще, что, наверное, сильно раздражало в Леваде других — это его отношение к своему коммунистическому прошлому. Он и не калялся в своей принадлежности к коммунистической партии, и не утверждал, что он был в партии, чтобы было проще бороться против коммунизма. Т. е. все эти мел-

¹ Мария Феррети, жена А. Береловича, историк, профессор университета в Витербо (Италия), в нашем журнале опубликована ее статья: «Расстройство памяти: Россия и сталинизм» (2002, №5, с. 40-54), Елена — их дочь..

² Имеется в виду статья Михаила Габовича, опубликованная первоначально в немецком журнале *Osteuropa*, а затем в переработанном виде в нашем «Вестнике»: *Габович М.* К дискуссии о теоретическом наследии Юрия Левады // Вестник общественного мнения. 2008. № 4 (96).

кие уловки были совершенно ему чужды. Да, он был член компартии. И то, что он это принимал как часть своего прошлого, как и то, что его это нравственно не опускало (в отличие от других), это, по-моему, вызывало у бывших коммунистов — которые в то время юлили, чтобы как-то оправдаться, — еще большее раздражение.

Мне кажется, он понимал, что он человек своего поколения, и относился к этому с чувством собственного достоинства.

— Да, именно, именно. Да, вот моя жизнь была такая, и я на этом стою, не отрекаюсь от этого. Это, конечно, самая достойная позиция, которую можно иметь. Это тоже вызывало глубокое раздражение.

Я хотел спросить тебя о круге людей, с которым его связывают как ученого, как представителя поколения. Многих из них ты знаешь непосредственно. Ты смотрел фильм Архангельского?¹ Все они были в таком же положении, которое многим сегодня кажется несколько двусмысленным, да они и сами это отчасти сознавали, а некоторые хотели бы в связи с этим как-то объяснить. Например, Грушин, колотясь о начальство, раз за разом начинал делать тот или иной институт изучения общественного мнения, чем-то важным платя за это — то ли глубиной анализа, то ли обещаниями что-то там продвинуть по партийно-пропагандистской линии. Во всяком случае, он не раз признавал это и говорил об этом круге, что мы, конечно, были сервилисты (так он сам уже в 90-е годы пишет) и т. п. Не он один, и не в нем в данном случае дело. Важно, что дальше должно было бы последовать какое-то объяснение этого, а его не было. А от Левады никто этого, как мне кажется, и не ждал, и это отличало Леваду от других представителей этого круга. Его отношение к науке действительно было другим. Ведь «сервизм» был не в том, давать консультации власти или не давать, вписываться в систему или не вписываться. Важна внутренняя независимость, автономность. Для Левады важным было сохранить внутреннюю последовательность в занятии наукой. Я должен быть последователен в своем понимании, должен создавать свой инструмент таким, чтобы не было стыдно. И додумывать важные вещи до конца. Здесь проходит некая граница, отделяющая Леваду от этого круга. Эскапизм в чистую теорию (чистую философию, отвлеченную социологию и т. п.), а это характерно для очень многих сильных фигур этого времени, не буду их называть, в некотором плане отражает такое же чувство зависимости и неполноты,

¹ Цикл телевизионных передач «Отдел», созданный А. Архангельским и показанный в сентябре этого года.

что и те комплексы, о которых поминал Грушин. У Левады вроде бы этого не было. Может быть, потому что — это то, о чем ты говоришь, — он был погружен в повседневность или в современность. Но за этим стояло и его «историческое», генетическое понимание современности. Это сложный комплекс историчности, современности и личной ответственности как ученого. Именно он не позволял ему погружаться в занятия абстрактной или чистой теорией.

— Вообще для социолога у него было редкое ощущение истории. Это очевидно даже в деталях. У него была невероятно цепкая память на все политические события, их подробности. Как хорошо он помнил все, что происходило в Советском Союзе, скажем, начиная с 1930-х годов. Всегда мог сказать, кто кем был и что произошло — фантастическая память. Но это не просто память, это был признак глубокого исторического интереса к миру и ограниченной роли в его работе всевозможных общих универсальных концепций — как бы безвоздушных, отвлеченных.

Теперь и я добавлю дегтя в бочку меда. Я ведь тоже старался подумать о том, что его и вас отделяет от других. Вы — Левада и его сподвижники — постоянно думали и писали в парадигме архаичности и модерности. Я стал думать в связи с этим об интересе группы Левады в 1960-е годы к структурно-функциональной теории. Возможно, это был поиск самоорганизующегося общества и в некоторой степени утопии о нем, в противовес обществу, в котором вы жили, где царил полный (или стремящийся к полноте, тотальности) контроль над ним политической власти. И не только в противовес контролю, но и полной управляемости общества со стороны политической власти — т. е. «ручное управление» тоталитарного режима versus саморегулирование либерального модерного режима. Ответ на такое видение советского общества (воспринимавшегося как «ненормальное», как общество, которое должно когда-то исчезнуть) или, точнее, поиск выхода из него, поиск другого общества будет основываться на теории, позволяющей понять, в чем его специфика. И ответы вы как раз находили в структурно-функциональной теории. Левада не стал чистым теоретиком, но изначальный импульс идет от структурно-функциональной теории. И это опять-таки связывается с политической позицией или проблемой оснований оценки тех или иных явлений. Например, вспомним наши с вами дискуссии о социальных сетях. Вы видели в этом черты архаичности российского

общества, которые мешают переходу к модерному обществу, я же мог видеть в этом и черты как раз вполне современного общества. Откуда это различие в оценках и понимании? Мне кажется, оно как раз политическое, и происходит оно от глубоко разных жизненных политических опытов. Парадигма, которую вы построили, связана с тем будущим, которого именно вы желаете для этой страны. И это было и у Юрия Александровича. Так что можно видеть в этом ограниченность подхода (как это и делает Габович), а можно, напротив, видеть силу такого подхода.

Я думаю, что парсонсовский подход выбирался не только по тем причинам, о которых мы говорим. Левада, и мы с ним об этом говорили, ясно понимал и особенности этого метода, и его границы, специфику направленного этим подходом внимания. Но такое концептуальное моделирование еще и давало возможность уйти от «кухонного» представления об истории, которая движется или направляется только лишь заговорами наверху. Разговоры о Хрущеве или Брежнев, потом — о Горбачеве: если бы они поступили так-то, а не иначе, то вышло бы то-то и то-то. Это очень примитивный и продолжающий существовать сейчас способ объяснения. Парсонсовский подход сразу же направлял внимание на более сложное и равновесное устройство общества. Что Леваде, конечно, не нравилось в Парсонсе, так это его утилитарный рационализм и отсутствие истории. А Левада — действительно, человек с очень сильным историческим сознанием. Он никогда не был чистым последователем Парсонса.

— У Левады был очень сильный интерес к культуре и понимание важности культуры. Существует превратное понимание «вашего» типа советского человека, как антропологического. Конечно, это не антропология в узком смысле этого слова, мол, существует некий особый человек, *homo sovieticus*. Для Левады и для всех его соавторов это, конечно, культурный тип.

Конечно. Насколько я себе представляю, его интересовала не некая антропологическая сущность, а то, как лозунг о новом человеке, проект нового общества с большим или меньшим эффектом претворялся на практике, и что после этого осталось.

— Это — не хочу сказать культурологический, — но интерес к культуре. И из этого следует ваша не то, что разочарованность, но, пусть грустная, констатация, что советский тип человека, его черты, которые нарабатывались в течение двух поколений, сидят очень глубоко и во многом сохраняются. Мы видим подтверждение этого.

Уже надоело объяснять, что мы не «пессимисты», а у нас есть трезвое понимание этого процесса воспроизводства. А когда раз за разом говорят, что, слушая вас, хочется повеситься, то...

— Нет, вешаться не надо. Но вот тоже сюжет на эту тему. Читая «Коммерсант», я увидел, что фирма «Х» уже расторгла свои отношения с Батуриной по строительству какого-то комплекса, на другой день после отставки Лужкова. Ведь не ушли от прежнего, не ушли.

И чем дальше, тем больше это понятно.

— Не ушли. И то, что воспринималось вначале (это уже касается Юрия Александровича) как выход из системы — перестроечные годы, оказалось встряской системы, а не выходом. И ваша работа вела к этому пониманию. Вопрос не в оптимизме, а в понимании. С одной стороны, многие черты, которые нам казались очень важными для советской системы, ушли намного быстрее, чем думалось, идеология, скажем. А другие, менее заметные черты оказались, наоборот, остовом. Это и держало систему, увы.

Это не скоро пройдет. Причем это черты не отмеченные, плохо осознаваемые и очень слабо рационализированные. Как раз это, как я понимаю, больше всего интересовало Леваду.

— Да. Несмотря на то что его инструментом был опрос общественного мнения, его все-таки интересовала социология, построенная на человеке. Так было изначально, поэтому и возник «советский человек». Социология, изначально построенная на человеке, а не на классе, не на группе. И это, конечно, отличает его от других.

Если вернуться к другой теме. Нас — на Западе особенно (Габович — один из многих) — упрекают, что мы тем самым слишком подчеркиваем российскую уникальность. Но это не уникальность, это специфика.

— Да, Габович настаивает на этом и считает, что поэтому ваши работы интересуют только тех людей, которые занимаются Россией, и не могут быть востребованы мировым сообществом. С одной стороны, действительно, вашими работами, насколько я знаю, интересуются люди, преимущественно занимающиеся Россией. Есть, конечно, и языковые преграды, хотя это слишком поверхностное объяснение. Но тем не менее.

Но есть факт уже менее очевидный. Ваши работы всегда привязаны к анализу общественного мнения. Я не могу сказать, что это отталкивает. Но получается, будто ты заведомо будешь узнавать только о данном обществе в данный момент. Поэтому я думаю, что людей, которые специально не интересуются Россией,

мало волнует, что они там думают сейчас о том или другом. Мы говорим, что «советский человек» — культурное явление, и, если память меня не подводит, Юрий Александрович говорил, что черты, которыми он описывается такие: лукавый, пассивный, приспособляющийся и т. п. Но вообще-то это черты всеобщие. Специфична же для «советского человека» некая комбинация этих всеобщих человеческих черт. Homo sovieticus — это homo sapiens, но его история усилила некоторые из этих черт, создала некое их устойчивое сочетание. Конечно, трудно описывать советское общество, не думая о двоемыслии. Но почему-то очень мало исследований этого феномена в западных обществах. Можно взять все черты, которые Юрий Александрович выделил в «советском человеке», и увидеть, что они встречаются во всех обществах.

Мне кажется, что в этом и заключаются разные интенции социологии Левады и современной социологии, целиком направленной на исследования заверщенного транзита, перехода к модерности. А вещи консервативные, которые вскрывают и показывают более сложные и более архаические пласты общества или его культуры, они современную социологию не привлекают, не вызывают интереса, внимания. Это изучается где-нибудь в Гвинее, а в своем современном обществе это как бы вне поля интереса. Конечно, двоемыслие наверняка есть и у американцев, и у французов...

— В Советском Союзе оно, конечно, принимало, более очевидные, выпуклые формы.

Т. е. структурообразующие функции, а, скажем, на Западе они играли или играют какую-то другую роль?

— Ведь повсюду то, что говорится публично и приватно, — разнится, есть разные «уровни» деления на публичное и приватное. Я, конечно, нисколько не хочу тем самым снимать специфику Советского Союза и говорить, что и сейчас везде одно и то же. Разговор о Сталине как менеджере или сталинизме как форме модернизации — это ведь и понятное желание включить историю Советского Союза во всеобщую историю, и вроде бы так и надо. Но это исключает из рассмотрения некоторые глубоко специфические советские черты, и поэтому, по-моему, неприемлемо. Неприемлемо это, но, с другой стороны, также неприемлема и полная оторванность от остального мира Советского Союза как чего-то совершенно специфического. Ведь все это произошло в XX в., на нашей планете, а значит изначально можно считать, что это имеет какое-то отношение и к остальной части человечества.

И захватило довольно немалое количество людей.

— Да. Если вернуться к Юрию Александровичу, то часто в этой вот связи хотелось не соглашаться, спорить. Но не считал нужным — и это опять-таки в его характере — вступать в подобные разговоры, уводящие его от его собственной проблематики. Он считал: я пишу вот про это, я так понимаю, а если ты не понимаешь, не согласен, сам думай, я разжевывать не буду.

Я как редактор приставал к нему каждый раз: Юрий Александрович, ну разверните, слишком герметично написано... «Я подумаю» — и оставлял все как есть. Это проблемы понимания читателя.

— Что немножко противоречит тому, что он, как я говорил, придавал значение тому, чтобы материалы были в СМИ, газетах.

Да, но речь в таких случаях скорее идет об очень важных и сложных для него ходах мысли. В СМИ предполагалось другое или адекватное понимание, но в других текстах была даже некоторая зашифрованность, некоторые тексты, мне кажется, написаны им для себя.

— Да. Есть ощущение, что ему было важно самому понять, и когда он понимал, что он описывает, то дальше....

Дальше он терял интерес.

— Это, конечно, затрудняет обсуждение его работ, понимание читателями. Но тогда возникает вопрос: как он сам понимал свое место в науке? Или он даже не задумывался над этим?

Нет, задумывался, это совершенно точно. Безусловно, он понимал важность того, что он делает, но это не приводило ни к самоупоению, ни к самовозвышению. Это был для него просто факт. То, что он хотел сделать, соотношение, масштабы того, что он понимал, и того, что он не понимал и хотел понять, исключало самоупоение.

— Все его статьи — это то, что он понимал. У него был и инструментарий, и личный опыт, и прекрасное знание истории, Советского Союза — все это сделало из него человека, который мог это описать. Его дело было в том, чтобы зафиксировать свое знание и понимание.

Мне кажется, это было для него самое главное.

— В общем, такая феноменология. А потом — разбирайтесь.

У него не было времени. Он вызывал у меня такое чувство, что время его очень ограничено. И поэтому он не тратил его на то, чтобы довести свои работы до какой-то законченности, не говоря о системном изложении.

— Понять, насколько все то, что он сделал, соотносится с социологией в целом, а не

с локальными проблемами Советского Союза и России — эту работу просто предстоит еще сделать, она возможна на том материале, который он оставил. Работа, конечно, не из самых простых.

Она даже не начата. Я вижу в его работе некоторые возможности новых направлений в социологии или возможность нового движения, хотя не думаю, что оно реализуется. Но как другое направление современной социологии — оно возможно. И тогда выявление таких же или сходных структур в других обществах позволило бы иной подход в сравнительном анализе обществ, открыло бы совершенно другие измерения в устройстве и существовании современных обществ. И сняло бы вопрос об уникальности советского материала.

— Тот тип описания, который использует Юрий Александрович и вы, позволяет выйти из традиции описания общества, опирающегося на классы, группы и т. д., явно неадекватного для постсоветской реальности.

Конечно, когда не маркирована ни социальная стратификация, ни даже институциональные структуры. Разве ты можешь разобрать нынешнюю судебную систему без структуры двоемыслия, коррупционных отношений? Это же не дефекты, это ее жизнь и идея. Поэтому накладывать на это категориальную сетку институтов европейского или американского типа — это бессмысленно, не с этого надо начинать. Если ты начинаешь с этого, то ты получишь только отклонения от этой нормы, только «патологию». А подходить-то надо как раз с другой стороны. Но вот что я хотел еще спросить: меня на последней Шанинской конференции зацепило, когда ты говорил, что для анализа здешней ситуации нужны какие-то иные средства, возможно что-то вроде социологии Левады. Что ты имел в виду? Ты тогда говорил о брежневском времени, об интеллигенции...

— Я сейчас точно не вспомню. Но, наверное, я хотел сказать, что это такой тип социологии, который позволяет отойти от макросоциологических подходов. Стремление построить социологию начиная с человека — это делал не только Левада. Но то, что сделал Левада, в интеллектуальном плане намного сильнее, чем обычный анализ по социальным группам. Или — я ничего плохого не хочу сказать об этих социологах, некоторые из них очень достойные люди — чем все попытки описания российского общества через его стратификацию, которые мне кажутся совершенно неудачными.

В этом есть определенный резон, потому что тоталитарный режим стирал различия между

группами или классами. Вся практика была направлена на то, чтобы стереть групповые границы, снять с иерархии маркировку культурных характеристик. Разрушение межслоевых или классовых различий было систематическим образом проведено, однородность или серость общества возникла как результат приспособления к такой тоталитарной практике, идеологии.

— Но в то же время выработывались другие маркировки — кто свой, кто не свой. И они были очень четкие. Лев Рубинштейн, по-моему, в одном из своих эссе говорит, что если человек реагировал на такой-то стих и мог его продолжить, то это означало, что он «свой». Характерно, что, приводя фрагмент этого стихотворения Мандельштама, он и сегодня не уточняет, чье оно. Кто не знает, тому и не надо... Мы все это помним.

Правда, вся эта пафосная риторика о рабочем классе, о шахтере, сталеваре и т. д. никакого отношения к реальному положению рабочего не имела, но все же она немножко способствовала ощущению принадлежности к какому-то классу. Но хотя эта идеологическая пропаганда и давала людям какое-то ощущение принадлежности к классу, она не вела к формированию чувства солидарности, к созданию реально действующих профсоюзов и проч. Надежды на такие процессы появились в 1990 году, после первых забастовок, но они не оправдались. Сегодня категория рабочего класса «работает» меньше, чем когда-либо. Потому что когда читаешь исследования о рабочих, возникает вопрос, что это за рабочие — нефтяники, живущие так-то и так-то, или рабочие какого-нибудь местного предприятия, которое давно «лежит», скажем, в Пензенской области. Что между ними общего — да ничего, в общем.

Кроме слабой отсылки к прежним идеологическим образцам.

— То же самое можно сказать и про интеллектуалов — между международно востребованными учеными и преподавателями ведущих и хорошо оплачиваемых вузов и каким-нибудь учителем нет ничего общего. Так что социально-профессиональный или классовый, групповой методы анализа структур общества не работают, надо искать другие.

Я вообще не вижу проблемы в том, чтобы использовать разные методы. Какая разница, если они работают, это проблема исследователя, как их сочетать и соединять в интерпретации. Почему надо исключать один метод в пользу другого?

— Во Франции неприятие опросов еще сопряжено — не только во Франции, но во Фран-

ции особенно — с фигурой Бурдые, который был, как ты знаешь, активный противник опросов общественного мнения. Он говорил, что это чистый артефакт, что вы получаете не общественное мнение, а реакцию на вопросы социологов в данной ситуации. И, по-моему, даже кто-то из вас об этом писал, что в большинстве случаев опросы общественного мнения делаются для выяснения политической ситуации (какие будут выборы, например) и в коммерческих целях и что в глазах общественного мнения опросы стали синонимами социологии.

Последнее — это эффект старого ВЦИОМа. Просто мы во ВЦИОМе начали задавать вопросы, которые раньше социологи не решались задавать, поэтому массовые опросы общественного мнения постепенно стали отождествлять с социологией как таковой.

— Наверное. Но во Франции такие опросы считаются скорее побочным продуктом социологии и малоинтересной формой изучения общества.

Другой вопрос. Когда ты попал сюда в 1990-м или раньше, окунувшись в российский, советский контекст социальных наук, чем он отличался от французского? Там же были свои собственные установки и цели, свои правила, свои границы. Но, наверное, поле важных идей или оценок, позиций было гораздо шире? Почему я спрашиваю? Опять-таки в связи с шестидесятниками. Мне иногда кажется, что вклад шестидесятников сильно завышен, действует инерция их собственных самооценок и ощущения ими своей значимости. Ведь тогда это был шок от первых попыток «открыть» общество, от возможности самого выхода за пределы советского изолированного мира. Реально шестидесятники осваивали круг идей, который был уже давно представлен, отработан на Западе. Но им казалось, что они сами дошли до каких-то вещей, которые в общем уже составляли основу мировой науки, философии. Это в какой-то степени можно сказать о Мерабе Мамардашвили, еще в большей мере — об Аверинцеве. Или о Грушине, открывшем «массовое сознание» — ведь он действительно был убежден, что именно он открыл этот феномен, что никто до него эту проблему не трогал. Так что такой взрыв, подъем просто был связан с освоением другого языка, другого кругозора. А сам круг новых идей был не так уж и значителен. Когда мы с Левадой на эти темы говорили, он всегда иронически относился не только к собственным инновациям (хотя, по-моему, несправедливо совершенно), но и с осторожностью и дистанцированно говорил, например, о Мерабе. Хотя понимал его место и значение для того

времени. Мне кажется, что атмосфера во французских социальных науках была тогда в гораздо более спокойном или академически рутинном состоянии. Хотя вы же все еще были тогда на волне осмысления перелома 60-х годов?

— Я все-таки начал ездить сюда с конца 60-х, бывал в 70-е, но более интенсивно — после 1987 года, когда стало легче ездить, когда начались совместные проекты и т. д. Что меня тогда поразило. Не только то, что открывали и проходили заново то, что было уже открыто. Но и то, что это могло принимать почти случайный характер. Напечатали Вебера, все набросились на Вебера, а если бы напечатали кого-нибудь другого?.. Тексты попадали в Россию — а тем более раньше в Советский Союз — без их истории и без их контекста.

Что ты имеешь в виду, массовую социологию или что? Попал, скажем, в научный оборот Бурдые и все стали его последователями?

— Бурдые и во Франции имел успех — он, а не кто-то другой, и на это есть свои глубокие причины. У меня есть такая гипотеза — это система, все объясняющая, целостная система. Поэтому понятно, почему она получила такую популярность в России, после того, как исчезла предыдущая всеохватывающая система объяснения. Вдобавок это социология, где изучаемый — объект, а социолог — всезнающий субъект, что тоже нашло здесь благодарную почву.

Кроме того, у Бурдые есть такой разоблачительный пафос, подозрительность, что тоже очень подходило для России. Но есть в его популярности в России и доля случайности. Т. е., скажем, два социолога из Института социологии очень увлеклись Бурдые, начали его переводить раньше других, и это тоже сыграло свою роль. Хотя мы видим, что помимо случайности все-таки есть какие-то более глубокие причины успеха того или другого автора. Почему такую популярность получили так называемый «цивилизационный подход», сравнительная история цивилизаций Тойнби?

Или эти нынешние диссертанты, которые пишут: мы пользуемся цивилизационным подходом, но с некоторым учетом и подхода, изучающего смену формаций? Совершенно непонятно, как это совмещается, я думаю, просто никак. Но надо что-то написать.

Так что имела и имеет место некая случайность и неполное восприятие авторов, восприятие их как отдельных островков, а не понимание в общей системе мыслей и идей, языка. И часто это происходит с громадным нарушением хронологии развития знания, что тоже поразитель-

но. Теперь это немножко урегулировалось, но раньше... Меня всегда поражало, когда писали о последних работах Деррида, переводили их, тогда как первые его работы были еще не переведены. Почему-то переводили именно последний писк моды. Получается такой постмодерн без модерна, это меня тогда очень поразило.

Второе, что меня поразило, — это уже скорее именно в социологии, только не надо это понимать как критику социологов. Но так получилось, что тогда, в конце 1980-х, полностью отсутствовали так называемые качественные методы. В основном занимались опросами и анализировали статистические данные. Понятно, что в условиях контроля советской власти, надо было сперва отдать на проверку свои вопросы. Но в результате пропадали и навыки прямого общения с объектом твоего изучения. В случае изучения рабочих, например, все сводилось к тому, что раздал анкету по заводу и получил ответы. А идея, например, включенного наблюдения?

А Алексеев?

— Это все-таки единичные случаи. И я это отчасти связываю с другой чертой уже не общественных наук, а вообще статуса интеллигенции здесь. Здесь существует громадный разрыв между интеллигенцией и остальным населением. С этим связан некий тип социологии. Он начисто не принимает идею, что человек, которого ты хочешь изучить, о котором ты хочешь написать, — он такой же субъект, как и ты. Его мнение о себе — оно столь же ценно, что и твое мнение о нем, и твое мнение о себе. И это тоже было достаточно ощутимо для меня. Не будем говорить о политическом аспекте, ведь в основном западноевропейская, в первую очередь французская, социология была на 80% левая, а как ты знаешь все, что связано с «левым», было здесь (и есть), мягко говоря, не в моде.

Что еще очень отличает французские гуманитарные и социальные науки от советских, потом — российских? Я сейчас говорю про старый семинар Левады. Я читал посвященный ему сборник, и там был список выступавших на старых семинарах Левады. Это был очень узкий круг людей. То, что там были люди из разных дисциплин: философы, историки, социологи, антропологи, экономисты и т. д., — конечно очень хорошо. Но мне кажется, что это не была так называемая, немножко набившую оскомину междисциплинарность, а это было связано с тем, что интеллектуальная элита ощущала себя очень узкой. Сконструировать что-то можно было, только собрав людей из разных дис-

циплин. Это ведь было совершенно нормально для московского интеллигента, интеллектуала: купить книгу Гаспарова о стихе, Аверинцева о ранней византийской поэтике и Баткина об итальянском Возрождении. Т. е. вещи совершенно разные. Но так формировался круг и идей, и людей, которые друг друга знали, считали, что они вышли на некий интеллектуальный уровень, и позиционировали себя как бы вне советской власти... Это было некое сообщество, которое на Западе не могло существовать.

Почему?

— Я, правда, не вхож в высокоинтеллектуальные парижские круги — может быть, они существуют и они такого же типа. Но из того, что я знаю, все-таки научная среда настолько профессионализована, что можно специально созвать семинар, где встретятся социологи и экономисты, занимающиеся именно данным конкретным вопросом. Но чтобы было такое блуждание по разным дисциплинам, мне кажется, в западной среде это невозможно.

Скорее всего, да. Достоинство по нужде.

— Да. Это и достоинство, и, конечно, знак отсутствия необходимых интеллектуальных, научных сил...

Ограниченности, бедности...

— ...и бедности. Но, наверное, и необходимости создавать какие-то общие предпосылки работы, выхода из так называемой системы марксизма-ленинизма в общественных науках. Помнишь, как Синявский определяет соцреализм? Это не хорошо выстроенная идеологическая система. Если попробовать определить его по разным текстам, это оказывается совершенно невозможным. Он говорит: «Это тот большой сундук посреди комнаты, на который ты все время натыкаешься, когда ты в темноте». То же можно сказать и о марксизме-ленинизме, а семинары являлись совместным усилием выбраться из этой темной комнаты. Этот сундук занимал так много места, хотя был совершенно пустой, как и его ответвление — соцреализм, и, чтобы думать, надо было собирать людей из совершенно разных областей, которые узнавали друг друга и как-то вместе старались что-то продумать, найти способы думать, выходявшие за рамки общеобязательного.

Это очень ощущается и в перестроечное время. Вот такое сообщество людей из разных дисциплин, которые между собой...

Типа Московской трибуны?

— Ну да, типа Московской трибуны. Или вроде тех первых семинаров, которые начали проводить в конце 1980-х. Где люди все время

обменивались местами, те же люди в разных комбинациях в одних и тех же местах или почти все время те же. Это тоже было, по-моему, очень характерно в то время. Мне кажется, что сейчас это исчезло почти напрочь. Первым делом, это поколение ушло.

Поколение ушло. Если говорить о старых левадинских семинарах, то туда народ набивался еще и потому, что печататься нельзя было, а здесь сохранялась возможность высказаться. Но это действительно была сборная публика, отчасти собранная таким вынужденным или «искусственным» образом, силой обстоятельств. Действительно, это очень «тонкий слой». Я помню, как один из знакомых повел себя не так, как от него ждали, и Михаил Абрамович Виткин, заместитель Левады по сектору в ИКСИ, вздыхая, говорил: «Круг узкий», а Левада ему возражал: «Не круг узкий, а слой тонкий». Причем большая часть публики была настроена потребительски. Одни — действительно именно работали, т. е. обсуждали, проговаривали и комментировали каждый доклад, но это было небольшое число людей. А остальные — приходили только смотреть и слушать, что сильнейшим образом раздражало Леваду. И в какой-то один из последних семинаров он, совершенно разозлившись на публику за такое отношение («сделайте нам интересно»), просто прервал работу семинара. Это был тот редкий случай, когда Левада вышел из себя.

— Да, как бесплатный спектакль немножко. Но такая форма семинарной работы во Франции в первую очередь была, конечно, очень распространена, хоть и не точно в такой же форме. На лекции Барта или Фуко в Collège de France приходили как на звезд. И, конечно, это не были рабочие семинары. Говорят, что Фуко старался всеми возможными ухищрениями отсеять всех праздных слушателей и сделать рабочий семинар. Он назначал свои семинары в 8 часов утра и т. д. Но ничего не получалось в смысле отсеивания.

Так что такое имело место и в конце 1980-х, и в перестройку, и сильно меня поражало и своими хорошими, и своими плохими сторонами. Не ограниченность своей дисциплиной, так же как и отважное замахивание на всеобщие вопросы, которые уже никто не смел задавать на Западе, вроде: «Современный человек» или там «Взаимоотношения общества и власти»... Темы, которые заведомо невозможно обсудить, потому что они всеобъемлющи. Конечно, ставить некоторые глобальные вопросы время от времени не мешает. Но в этом всегда есть риск словоблудия, общих мест. Мне предлагали сделать

сборник «Человек и общество», а я говорил: «А что вы предлагаете не включать в сборник?» Не понятен характер отбора, может быть все! А для профессионала такой стиль, скорее всего, будет считаться моветоном. А в России это могло быть, и меня, я помню, тогда это сильно поразило. Один коллега здешний сказал (и мне кажется это очень верным), что лучшие историки в России — на уровне международном. И там лучшие социологи, скажем. И лучшие экономисты и т. д. Но то, что «ты — свой», означает в этих кругах гораздо больше, чем профессиональное признание, это намного лучше, важнее для человека. Поэтому следующий уровень отличается очень резким снижением профессионализма, качество профессиональной среды наращивается очень медленно, а сама среда в этом плане — очень разреженная. Допустим, взять, ну не знаю, какую-то одну узкую тему. Ты хочешь созвать симпозиум по демографии. И тебе нужны демографы... Сразу же тебе приходит в голову три имени, и все! Поэтому получается не семинар по демографии, по узкой и специальной проблеме, а что-то вроде «Россия 60-х годов». И все. И так во всех областях, в некоторых, конечно, больше людей, в других их совсем нет. Вот это мне кажется одним из важных отличий. Тогда как во Франции, в Англии, то же самое — в Германии, в Италии мне кажется похуже будет, когда ты берешь какую-то достаточно узкую тему, допустим, бедности, ты можешь найти десяток, не знаю, два десятка человек серьезных специалистов, занимающихся этими конкретными вопросами. В России иначе, при том что есть просто целые области знаний, которые были вообще не затронуты, а теперь освоены достаточно наспех, поверхностно. Понятно, что не было политических наук, политической социологии и т. п., хотя и она, конечно, что-то с большим-большим трудом нарабатывает. Но дело не в них, а в общем положении.

Поэтому на таком фоне и возникает эффект отдельных фигур, который скрадывает все дефициты, бедность интеллектуального слоя, разреженность ученой или профессиональной среды... А отсюда, естественно, и возникает и раздражение против таких людей. И чем профессиональнее работает человек, тем больше он должен вызывать раздражение среды, поскольку есть спрос не на профессионализм, а на мудрость такую, всеохватную что ли, так?

— Да. Да. Да. Наверное, есть еще некоторые традиции, формы общественной мысли в России, так что эта фигура мыслителя уходит далеко в прошлое, еще в досоветское время. Это

очень странно, когда пытаешься перевести это на французский, у тебя получается *Le penseur*.

Пафосно?

— Нет. Просто потому, что нет *penseur* — мыслить. Это совершенно точный перевод. Получается как бы, что сама идея мыслит. Ну скажи мне, кто он там: философ, логик, историк философии. Не знаю там, кто он, а такой мыслитель — это немножко непонятно, т. е. мне кажется, что это просто разные фигуры. И это совсем не обязательно благо. Она может иметь некоторые ложные тона...

Но Архангельский пытался сконструировать именно вот это... Фигуру мыслителя вне собственной проблематики этого человека, без того, о чем он думал, обо что бился, а как бы из внешних реакций, восприятия среды.

— Да! Интересовал чистый образ мыслителя. Но опять-таки сейчас, по-моему, это уходит. Мы видели это на примере Солженицына, который пробовал занять место «властителя дум», скажем. Когда он приехал, он пробовал занять эту роль, играть эту функцию, но она явно не сработала. Время ушло.

Это имело значение только для закрытого общества.

— Я думаю, да, такое возможно только в закрытом обществе или в обществе открывающемся, когда начались большие сдвиги в представлениях, не всех, но у части населения, интеллигенции... Я помню, как все ожидали, что будет, когда пройдут первые выборы. Какие напряжения были по поводу — как его? — Васильева с его «Памятью». Ждали, что будет ошеломляющий успех, а потом пойдут погромы. Были глубоко убеждены в этом, а если ты говорил, что это чепуха, то тебя считали за... пособника, что ли. Была полная оторванность людей друг от друга. Не было профессиональной среды, коллективной материи знания, которая бы держала ее на определенном уровне понимания. А напротив, было время очень сильного подъема, дававшее тебе ощущение, что ты вдруг входил в общество на его переломе, когда... Возникло ощущение большой востребованности, спроса на интеллигента... в 1988-м, в 89-м, 90-м, конечно... И это не просто ощущение, это была реальная востребованность, которая, впрочем, очень быстро иссякла по целому ряду причин, и если прямо сказать, то в силу общей несостоятельности этого слоя, отсутствия профессиональных разработок. Открылось, что есть целые области, по которым нет ничего... Ну, просто не существовало здесь никаких работ. И сразу стало видно, кто есть кто... Я не в научном смысле,

а просто такое воспоминание. Фантастическое отсутствие конкретного знания. Поэтому, если подумать, то за эти двадцать с чем-то лет, что прошли, не так уж мало сделано, кое-что, конечно, уже наработано.

Я тоже склонен считать, что все-таки это не были пустые годы, описаны многие вещи, раньше были просто абсолютные белые места, дырки знания...

— Очень многое было сделано, но я думаю, что это будет за рамками нашего разговора, если будем говорить там об экономических условиях, которые приводят к тому, что самые одаренные люди идут не в науку, а ...

Не будем. Я думаю, что есть интеллектуальный вызов, и он самодостаточен, и будут всегда люди, которые работали бы в любых условиях. В этом смысле Левада был человеком не «свободным», он — наверное, я придумываю, но мне так кажется — зависел от внутреннего голоса, требовавшего от него полной отдачи, отказа от многого, что составляет «блага жизни». Ты вот говорил, что он выделялся на этом фоне...

— Фантастической самодостаточностью.

Что стоит за этим?

— Все!

Невключенностью в советские правила?

— Так тоже нельзя сказать. Знаешь, я вспоминаю мой любимый анекдот — правда, за него мне уже влетело несколько раз за мою, так сказать, гендерную некорректность. Липкин приводит свой разговор с Гроссманом. Гроссман ему показал рукопись (просто я переводил воспоминания Липкина) «Жизни и судьбы». Это был, ну, как бы журнальный вариант, он сделал сокращения, убрал самые «непроходимые» места, в чем его и упрекнул Липкин: «Почему ты как бы идешь впереди цензуры?» На что, он говорит, Гроссман съезвил: «От кого я слышу такое? Ты всю жизнь переводил несуществующих — как их? — акынов и т. д.». На что Липкин ему говорил: «Мой отец говорит, что правоверный еврей должен, конечно, ходить в синагогу, но может время от времени пойти и в бардак. Но он должен знать, что когда он в бардаке, он не в синагоге». Мне показалось, это очень мудрая поговорка. То, что бы я хотел сказать о Юрии Александровиче... Мне кажется, его полностью или сильно отличало от многих, это вот понимание (мы вокруг этого уже ходили и говорили), он вполне понимал, что он в бардаке, ну, то, что он в Советском Союзе... Но раз, так сказать, судьба, жизнь так распорядилась, что я там, ну вот в бардаке, я в нем живу, то я стараюсь сохранить свое достоинство и свое лицо

и именно там, где мне пришлось жить. В некотором смысле такая позиция немножко близка, я бы сказал, что сравнение здесь немножко странное — тут меня точно могут остановить, сказать «дяденька заговорился» — его позиция близка к Пушкину.

А ты хочешь сказать, что остальные...

— Ну не все остальные, они боролись против этой системы или хотели... Как сказать? Конечно, они понимали, где они живут, многие хотели... Но у них не было вот этой...

Точки равновесия в отношении этой жизни?

Да, да. Ну да. Просто у него было вот такое отношение, такой его обычный взгляд: да, это не весело, что видим вокруг, мир, в котором мы живем, он таков, и... У него этого было предостаточно. Что его сильно отличало от многих, так это удивительное сочетание трех составляющих, которые и давали ему эту самодостаточность: полное понимание того, в какой стране он живет, ее законов; принятие правил игры; но принятие только в той мере или до тех пор, пока они не посягают на его достоинство и уважение к самому себе. Я функционирую в этом обществе, понимая, что я это делаю в этом обществе, правила которого мне далеко не близки; но я в нем функционирую до тех пор, пока это не заставляет меня выходить за рамки неких правил, которые я сам себе назначил. Вот это было, по моему, его самоощущение и основа его самодостаточности. Он никак не зависел от суждений других. Совершенно. Все эти черты очень четко проявились во время истории с лекциями в университете [которые он читал во Франции. *Прим. Л.Г.*].

Никому не хотел понравиться?

— «Нравится — не нравится» или «ценят — не ценят на Западе» — это его совершенно не интересовало.

Он по каким-то своим собственным меркам судил себя, скорее именно себя, потому что все-таки к другим он относился немножко по-другому.

— Да. Да. Да.

Но в конце концов это частная вещь. А как Левада воспринимал то, что волновало французских социологов на тот момент, я не имею в виду профессиональные вопросы, а шире — ценностный горизонт, проблемы человеческого характера?

— В конце 80-х годов?

Да.

— Ну, понимаешь, это все-таки был не совсем мой круг. Этот круг был достаточно узким, и лучше было бы об этом поговорить с кем-то другим. 1980-е — это приход к власти левых,

1981 год — избрание Миттерана после 25 лет правления правых, смена целого поколения, которое в свою очередь пришло после 10 лет правления де Голля. Но это не значит, что все интеллектуалы были левыми и почти коммунистами, это ложная идея. Был университетский истеблишмент, в университетах были разные люди, в большинстве своем правые. Но социология была тогда как раз исключением. Не совсем устоявшейся академической дисциплиной. Было много живых еще людей с критическим отношением к происходящему. Но после прихода к власти в 1981 году очень быстро обнаружилось, что они ничего не могут сделать — реального изменения общества не было. Были маленькие варианты одной и той же политики. Особенно в конце 80-х годов. Среди левых было очень глубокое разочарование, на которое ложится очень быстро крушение советской системы. Надо было тогда осмыслить несостоятельность левых реформистских партий (типа социалистов), их неспособность к изменению, глубокому изменению политики и социально-политического курса, понять значение крушения советской системы. Уже не было приверженцев той системы, не было людей, которые считали, что Советский Союз — это образец, которому надо следовать, даже среди коммунистов. Были какие-то остаточные явления внутри коммунистической партии, но именно остаточные, потому что в основном компартия говорила, что советский вариант — неудавшийся, мы сделаем лучше. Это была совершенно официальная позиция французской компартии, после венгерских событий, после чешских. Еврокоммунизм и т. д. Но, если вернуться к нашим темам. Была группа Турена, они искали (после потери надежд), может ли рабочий класс сыграть историческую роль в изменении французского общества, быть мотором глубоких социально-политических изменений.

Что-то вроде гуманизации социальных отношений...

— Да, в общем выхода из капиталистической либеральной системы в какую-то другую, боюсь сказать, социалистическую, но какой-то вариант более справедливого общества. Все-таки существует, причем и до сих пор, достаточно сильное неприятие общества, каким оно является и сегодня, конечно. И дистанцирование интеллектуалов по отношению к системе, к власти. Изменилось после всех поисков сознание, да, сегодня доминирует вот такая система, нам это не нравится, но изменить ее мы не можем, хотя кое-что сделать можно. Больших идей не было,

явно отсутствовали альтернативы, возможные варианты больших изменений, больших проектов. Но что-то можно было делать. Вокруг этого все и вертелось. И ничего не находилось.

Я пытаюсь как-то соотнести вашу ситуацию и здешнюю. Есть некоторый параллелизм оценок ситуации, поиск оснований изменения и сил, которые могли бы дать толчок к изменениям, некоторая общность настроений, но только...

— Знаешь, это очень старое наблюдение, подтвержденное с обеих сторон: здешние в кавычках «правые», стоящие ближе к диссидентской среде или настроениям, чувствуют себя в идеологическом плане ближе к правым, но жизненно — ближе к левым, потому что... Это совершенно очевидно. Можно проследить по знакомствам, кто с кем общался. Нежелание, которое проявилось у них изначально, свободу, которую они дали сами себе, следовать правилам игры, будь то они жесткими, как в Советском Союзе, или намного более свободными, как на Западе. Все равно устанавливается дистанцирование по отношению к общепринятому. Это более сильные установки, чем идеологические различия.

Его поначалу интересовали эти люди. Я познакомил его с некоторыми из них. С Т., например. Надо добавить, что он очень умный. Он, действительно, очень умный. Но он любит это демонстрировать. Нет, не всегда, ну многим, во всяком случае, с Левадой это было именно так, и Левада именно это отметил в качестве отличительной черты характера этого человека. И для него это было важным в контексте восприятия и понимания французской ситуации.

Разницы идеологической? Характера, как раньше говорили, «жизненной позиции» или что?

— Не совсем. Я все-таки... Я стараюсь так вспомнить свои ощущения в то время... Но, конечно, я плохой пример в этом смысле. Поскольку я уже немножко знал раньше ситуацию в СССР, а во-вторых, я полностью разделял все надежды и иллюзии, что было достаточно распространено, конечно, на Западе... Уж, если говорить о таком соотношении надежд и реальности.

Ты имеешь в виду иллюзию надежды французскую?

— Нет, нет.

В отношении перестройки?

— Во время перестройки. Да. А можешь ли ты вспомнить, чтобы отойти от советского времени, как вы встретили перестройку?

Вначале я очень сопротивлялся, трудно было заново поверить в то, что в советской жизни что-

то может измениться (хотя я был уверен, что система неизбежно развалится, вопрос — когда?), и Левада как бы корил, выговаривал мне за это... Потом, конечно, мы все включились, и сам Левада первым загорелся. Первый опрос по «Советскому человеку» — он ведь считал, что это — «уходящая натура», он же писал об этом в 1992 году — и потом только пересмотрел эти свои оценки. Но вообще какая-то тревога или сомнения возникли довольно скоро, буквально с того же 1992-го или 1993-го. И чем дальше, тем их становилось больше...

Не знаю, как для Левады, а для меня, для Бориса Дубина был очень важен наш тогдашний разговор с тобой после событий 1993 года¹. Это была неожиданная встряска, усилившая сомнения и по поводу дальнейшего развития страны, и по поводу того, что мы упускаем из виду, из внимания что-то важное, то, что не вписывалось в наши представления о будущем развитии и так резко проявилось.

— Если перечитать статьи того времени, то они все-таки строились тогда... происходящее описывалось в парадигме смены поколений: старое поколение, которое уходит, и новое, которое приходит...

Я, да и все мы, так и писали...

— Она, конечно, была очень сильна, и она соответствовала данным опросов, которые вы получали, но ...

Опять-таки до 1993-го.

— Да. Но, в то же время это была некая проекция собственных надежд на получаемые результаты...

Эти настроения или иллюзии закончились уже к 1995 году, примерно так. Ты был тогда на нашем секторском Старом Новом годе? Помимо

¹ Это был отдельный небольшой семинар в отделе Левады о положении в России после октябрьских событий в Москве в 1993 году. Зимой 1994 года (тогда еще ВЦИОМ располагался на Никольской улице) А. Берелович и М. Феретти очень резко и очень взволнованно говорили нам о недопустимости насилия в политике и о тяжелейших последствиях, которые будет иметь нелегитимный роспуск парламента и расстрел Белого дома. Мы в общем и целом не приняли тогда их доводы (как водится, несколько «свысока» — иностранцы! — воспринимая их оценку происходящего), явно, как сейчас это видно, не понимая глубины конфликта и предлагаемой ими исторической рамки рассмотрения проблемы. Для нас тогда — это был плохой, но все еще единственно возможный практический выход из ситуации начала гражданской войны в России. Уже через несколько месяцев ход событий показал справедливость их критики и полную правоту А. Береловича — началась чеченская война, повлекшая за собой изменение режима и приход к власти тех сил, которые в дальнейшем будут связываться с Путиным. Допустимость насилия, казалось, в исключительном и, конечно, «единичном» случае, стала оправданием произвола в политике «ради благих целей» и условием восстановления распадавшихся тогда тоталитарных институтов или их сохранения. — Прим. Л.Г.

нас, еще был Виктор Заславский, который чуть ли не в первый раз после своего отъезда из Союза был тогда в Москве. Но в тот вечер атмосфера у нас была тягостная, психологически тогда это был для нас не праздник, была какая-то подавленность. Я помню, что это стало переломом, с которого начало рассыпаться чувство уверенности, что все идет правильно, и общая работа отчасти тоже. Надо было делать что-то новое...

— Да, тогда ты начал интересоваться именно всем тем, что не вписывалось в вашу парадигму, например, теми, кто не отвечает на вопросы.

Да, возник вопрос, кто же не отвечает в опросах. А потом — проблемы зависти, негативной идентичности, неотрадиционализма. Весь путинизм вылез из этого. Тогда это только-только обнаружилось, уходили иллюзии и надежды — у Левады, наверное, это произошло еще раньше, не знаю. Мы уже начали писать вторую книгу о «советском человеке», но она не получилась. Не смогли. Левада один продолжал писать и это потом стало его «Ищем человека»¹. Я написал тогда свои три листа. А больше никто не написал. Понимаешь? Моя глава об этнических отношениях называлась «Неполучившийся праздник». Т. е. уже тогда возникло ощущение очередной неудачи.

— Думаю, что для поколения Левады, это было еще более острое ощущение, им тем более не хотелось расставаться с идеей демократических изменений. Это был как бы второй тур, и вот... Ты помнишь, как настаивали люди шестидесятых годов на том, что второй раз после «оттепели» дается шанс и нельзя его пропустить. Честно говоря, я не помню, говорили ли мы на эту тему с Юрием Александровичем, но, по-видимому, до начала 1990-х, он считал, что шанс был.

Был.

— Был. И конечно, с этим расстаться ему было трудно. Болезненно и трудно. Но у него была очень сильная установка (она и видна по всему его поведению, еще в советское время), которую можно выразить девизом нескольких знатных домов во Франции «Fais ce que dois, advienne que pourra», что значит «Делай должное и будь что будет» или скорее «Что бы ни было, делай должное». «Будь что будет», может, и не так сильно, поскольку я не могу отрицать очевидное, но вот «Что бы ни было, делай должное» — это проступало совершенно ясно.

Опять вспоминаю один из наших с ним разговоров. Это было не в последние месяцы, а примерно за год-два — разговор именно по поводу долж-

ного. Я ему говорил, что я тугодум и редко когда сразу понимаю, что надо делать, как правильнее, как надо было бы сделать. А он в ответ мне привел позицию Сахарова, говоря: «Если не знаешь, как поступать, поступай морально».

Я только через какое-то время, почти задним числом могу сформулировать «как надо» было бы, я — советский человек, у меня нет того безусловного морального чутья, как у него, императива — как надо поступать не по готовому. Он был готов, а мы не готовы. Что значит «должное»? Когда ситуация неопределенности и так плохо, и так плохо... Какой из этого может быть выбор? Но Левада мне на это — я сейчас не помню точно — что-то вроде того: «Ну, вообще говоря, все тугодумы». Потом не напрямую, а как-то косвенно добавил, сказал вроде того, «чтобы не было соблазна самоудовлетворения». Как один из признаков этого соблазна — не ждать или не искать внешнего одобрения и признания... Нельзя поддаваться соблазну такого ощущения награды и этого удовлетворения. Вот этого не должно быть. Не то что ты должен себя ненавидеть или не хвалить.

— Это христианская позиция.

Да, наверное. Но как знать, что есть «должное», в нашей ситуации, для разрушенного совершенно сознания. Меня потому и завораживал Левада.

— Да, от ощущения, что у него это совершенно...

...Абсолютный моральный... компас, понимаешь? Он всегда не то чтобы знал, нет, но он в разных ситуациях выбирал почти безупречный способ действия. И для меня это было, пожалуй, самое главное. Еще раз, глубоко убежден, что от этого зависело и его отношение к науке, и разработки, и все-все. Все на этом держалось.

— Да, это верно. Наверное, хотелось бы сказать еще об ощущении от вашей группы, в конце 1980-х — начале 1990-х, игры, веселости. Вы вместе что-то делали, что-то вместе открывали и понимали, и вы этому радовались. Дирижабль у вас висел².

Дирижабль был от отчаяния. Это такая тоска была, я тебе честно скажу. Но... хотя игра была, и это было вещью очень важной. Левинсон фонтиранивал, Седов пел и все...

— Да, наверное. Но тем не менее... Поэтому, наверное, надо говорить не об учителе и учениках, а, скорее всего, о старшем и его младших сподвижниках. Не было у вас этой патриархальной атмосферы, столь типичной в русско-советских институтах. У вас был какой-то

¹ Левада Ю.А. Ищем человека: социологические очерки, 2000–2005. — М.: Новое издательство, 2006.

² См.: <http://www.polit.ru/analytcs/2010/05/05/levada.html>

климат, в котором ты себя чувствовал хорошо. Приятно было к вам ходить, и не только по научным причинам, а просто для удовольствия.

Это во всех левадинских секторах. В старом секторе Левады (еще в ИКСИ) это меня больше всего тогда захватило. Когда я первый раз только туда пришел. Даже трудно ее описать — эту атмосферу, сейчас трудно объяснить... И эта его свобода в обращении с авторитетами, такое было тогда ошеломление. Речь ведь не о страхе, мешавшем думать, а о железных рамках сознания, из которых ты не мог выскочить. А вот свобода, которую Левада себе не то что позволял, а она была для него вещь естественной и органичной, она распространялась на всех и создавала то самое пространство сектора, о котором ты говоришь.

— Он вполне понимал, какую роль он играет в группе и кто он. Но это не было иерархично, не было этой российско-советской иерархии, от которой все-таки так тяжело...

И да, и нет. Он понимал, что иногда он начальник, что он лидер. И это было естественно. Он не указывал, что делать, просто было ясно, что он может больше других. Сейчас вспомнил вот такой случай. Прокуратура запросила отзыв на какую-то там статью, которую заподозрили в экстремизме или провоцировании национальной вражды, что-то такое... Не помню сейчас. Но надо было написать отзыв. По нашим данным, это не «приводило к разжиганию конфликта» и вообще проблема была дутая. Сама по себе какая-то склочная история, но дело не в этом. Я написал отзыв, подписался сам и показал ему. А он говорит: «Нет. Это я должен подписать как директор, это официальный отзыв...» Он совершенно четко понимал вот эти границы, в том числе и административную ответственность. Это не было бесструктурным.

— Нет, нет. Но для него это была конвенция все-таки, понимаешь? Вот правила, которые мы приняли, я — начальник, я выполняю функции начальника. Но это не значит, что...

...что это распространяется на все. Нет, конечно.

— Но я продолжу. Это и определяло его некую серьезность и в то же время легкость в некоторых отношениях. Это понимание конвенциональности, конвенции, которая существует, и которую он считал нужным соблюдать. Но он никогда не забывал, что это все-таки конвенция, что это не суть.

Мне кажется, что он даже, наоборот, иногда хотел, чтобы этого не было, такие отношения его иногда тяготили. Ну, вот один пример. Когда Левада только что стал директором, когда коллектив проголосовал за него как директора, он собрал нас, завотделами и ведущих сотрудников, с предложением ввести совет при нем, установить что-то вроде коллегиальности управления¹. Понимаешь? И все сказали: «Нет, правьте, правьте, а мы будем, это самое, ваши подчиненные». Никто не захотел разделять ответственность и вникать в нее. И у него мелькнуло в лице что-то такое: «Эх, вы! Демократы». Я это видел, но тогда не вдумывался, не захотел...

— Ты не рассказывал. Это я в первый раз слышу и очень интересно, что ...

Я это никому не рассказывал.

— Да-да, но просто интересно, что он...

Не идеализировал нас, он настолько трезво видел людей со всеми слабостями и достоинствами и принимал такими как есть. Слабостей оказалось больше, чем мы сами о себе думали.

— А, может быть, его окружали слишком большим для него пиететом таким. Да? Вот что... Может быть, ему хотелось более равноправных каких-то отношений?.. Но так получилось...

С нашей стороны это было совершенно естественно. Может быть, ему и было в таких условиях некомфортно, и ему это, может быть, и не нравилось, но...

— Но по-другому не получалось.

¹ В феврале 1992 года.

ТЕОДОРУ ШАНИНУ 80 ЛЕТ

**Дорогой Теодор,
поздравляем Вас с юбилеем!**

В Левада-Центре знают, что Ваш жизненный путь пролегал через несколько стран, и в каждой Вы оставили заметный след своими делами и свершениями. Мы имели счастье на протяжении уже достаточно долгого времени соприкоснуться с Вами, воочию видеть то, что Вы сделали для нашей страны.

В Левада-Центре все знают о Вашем уникальном вкладе в развитие социального знания в России. Вы посвятили свой труд судьбам российского крестьянства и истории первой русской революции. Вы один из тех очень немногих, кто закладывал основы изучения и преподавания социальных наук на современном уровне и языке. Вы создали Школу, давно носящую в народе Ваше имя.

В Левада-Центре ценят Ваш вклад в создание и существование такого уникального института, как ежегодные конференции, начинавшие работать под брендом «Куда идет Россия?». Каковы бы ни были пути России с тех пор, свет на них проливали дискуссии на этом самом представительном форуме в среде социальных исследователей.

В Левада-Центре знают, что Вы из тех немногих ученых, кто стоял у истоков качественной социологии в нашей стране. Вы работали в поле, но Вы занимались и анализом собранного материала, и методологией этого анализа, а также и самой процедуры исследования. Вы обобщили этот опыт в монографиях и методических пособиях, которые были немедленно разобраны практиками.

В Левада-Центре следят за Вашими выступлениями в российских средствах массовой информации. В этих выступлениях Вы всегда демонстрируете свой собственный взгляд на социальные процессы в мире и в нашей стране, — взгляд, который отличается трезвостью и бескомпромиссностью, столь необходимой нам сегодня.

В Левада-Центре не забывают, какие теплые и уважительные отношения связывали Вас с Юрием Александровичем Левадой.

Левада-Центр, его руководство и все его сотрудники желают Вам сил для продолжения Ваших славных дел!

Реплики с поля

В последнее время, особенно со стороны наших зарубежных заказчиков, возрос интерес к изучению общественного мнения населения северокавказских республик. В связи с этим наш Центр, по мере возможности, стал более тщательно репрезентировать эти республики в наших национальных выборах. Опросы в них сопряжены с большими препятствиями. Это терроризм, межнациональные конфликты, милицейский беспредел, блокпосты и поборы на дорогах, административные барьеры при проведении опросов. Кроме того, мы сталкиваемся и с другими трудностями, а именно с непониманием русского языка и с тем, что вопросы в анкетах в большой мере ориентированы на российское население, которое живет в нормальных условиях, а не в экстремальной ситуации на Северном Кавказе. Об этом свидетельствуют приведенные ниже реплики респондентов из Дагестана, которые участвовали в опросе Левада-Центра 7–11 октября 2010 г.

Сулейман-Стальский район:

Анк. 3 « В Дагестане очень сложная ситуация. Почему на обстановку с коррупцией в Дагестане никто не обращает внимание? Устроиться на работу практически невозможно. Наша семья живет только за счет пенсии отца и подсобного хозяйства»

Анк. 4 «Устраивают каждый день эти террористические вылазки, зарабатывают на этом деньги. Каждый такой поход на террористов оплачивается бойцу 38 тыс. рублей час. Мы тоже хотим участвовать в борьбе с террористами, за такие деньги за час работы».

Анк. 7 «В Дагестане должны 10 октября проходить выборы глав местного самоуправления, я даже не знаю, кто туда идет, о какой демокра-

тии может идти речь. Чиновник настолько уверен в своих силах, что даже не хочет составить свою предвыборную команду. Он знает, что он и так пройдет. Это ли демократия?!»

Анк. 8 «В последнее время Путин и Медведев – близнецы и братья. Все возвращается на круги своя. Был КПСС, теперь будет ЕРВР – Единая Россия в России. Как раз по телевидению пошли разговоры о национализации предприятий. Дайте хоть немного подышать свободой. Хотя бы пару поколений. Для демократии нужно время, чтобы человек осмыслил и действовал, зная что от него все зависит».

Анк. 9 «Из нашего села молодежь уезжает, работы нет. О модернизации и силиконовой долине только мечтать. Мы зимой топим печь кизяком и таскаем воду за 3 км. Об Интернете и компьютерах мы даже не мечтаем».

Махачкала:

Анк. 1 «После ликвидации боевиков в одной спецоперации наша соседка узнала своего сына. После выяснения обстоятельств, она нашла своего сына мертвым якобы уничтоженным боевиком. С нее вымогали 35 тысяч евро за труп сына. Сейчас она торгуется. Вот вам коррупция. Это все делается в открытую. Никто не боится быть наказанным, пойманным».

Анк. 2 «В этих спецоперациях погибает очень много людей, которые к террору никакого отношения не имели. Доказать это никто не может. Всех бросают в общую яму».

*Вступительная заметка и публикация
Елизаветы Дюк*

АВТОРЫ НОМЕРА

БЕРЕЛОВИЧ Алексис (Сорбонна, Париж)

БОРУСЯК Любовь Фридриховна (Государственный университет — Высшая школа экономики)

ГУДКОВ Лев Дмитриевич (Аналитический центр Юрия Левады)

ДУБИН Борис Владимирович (Аналитический центр Юрия Левады)

ДЮК Елизавета Алексеевна (Аналитический центр Юрия Левады)

ЗАБАЕВ Иван Владимирович (Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет)

КУЛЫК Володымыр (Институт политических и этнонациональных исследований НАН Украины)

ЛИДЕРМАН Юлия Геннадиевна (Российский государственный гуманитарный университет)

НОВИКОВА Людмила Александровна (независимый исследователь)

ОКОЛЬСКАЯ Лидия Александровна (Институт социологии РАН)

СИДОРЕНКО Алексей Аркадьевич (Портал Global Voices Online)

SUMMARY

Values and Norms of Sociological Profession on the Sites of Departments and Chairs (by Lydia Okolskaya). The issue of values and norms existing in sociologists' professional community is examined on the example of socializing texts addressed to students by lecturers of sociology at the Universities. The analysis of addresses to applicants and students of sociology on the sites of 111 Departments and Chairs preparing them is carried out. These addresses are considered to be representative fragments of professional discourse in University sociology. Lecturers' ideas on the role of sociological science in the life of society, on professional values and norms, as well as on the spheres of sociological education application are scrutinized. Mass and non-mass value attitudes characterizing sociologists' professional community are singled out. The research findings show that the majority of sociological Departments and Chairs from the beginning turn their applicants to getting «broad» education which will help them to find a job outside sociology; they demonstrate pragmatic attitude to education and actually do not put normative restrictions on sociologists' professional activity. From mass discourse perspective the state needs sociological science for effective managing the society, therefore social function of sociologists involves advising the authorities' representatives. Non-mass attitude is opposite in its meaning: it prepares students to work in their professional field, stresses the values of commitment and social good, place normative demands on young people. Sociological science is viewed as a resource of society modernization from inside through popularization of scientific achievements and social reflection brought about by it.

Personality Psychological Defense Mechanisms under Totalitarian Regimes (by Ludmilla Novikova). Relying on memoirs evidence of the Soviet epoch and developing the ideas of neo-Freudism (E. Fromm et al.) the author explores peculiarities of human psychics that contributed to forming up

«homo soveticus» (the Soviet man), were working in the totalitarian period and to a certain extent have continued their work after the USSR collapse. Rationalization and moralization, displacement, merging with a group and identification with aggressor, idealization, affect isolation, separate thinking, multiplication, projection, autoaggression, etc. are scrutinized. Attempting to defend himself from the repressive machine of the state with the help of these mechanisms and adjusting to life under totalitarian conditions «the Soviet man» gets accustomed to such means of adaptation, relaxation and compensation: they become the features of «collective character» and continue affecting people's behavior after totalitarian regimes collapse.

Why is Conception of Performance Art not Popular in Modern Russia? (by Julia Liderman). The pretext for writing this article was the court verdict passed in July 2010 on the organizers of art exhibition «Forbidden Art 2006» according to the Clause 282 of the Russian Federation Criminal Code (rousing religious hatred). In the course of this trial it was found out that the representatives of art, academic, journalist, human rights communities who were expressing their opinions and evaluations and taking an active part in court procedures and in its public discussions hadn't got the mechanisms of influence on the character of the law suit and on the court decision of this case. The author analyzes the arrangement of art life in today's Russia (market, galleries, museums, magazines), media and institutional conditions of social communications and symbolic functions of modern art in the country. The paper deals with the issues of an autonomous zone of an artist's experiment and understanding art as critical reflection on the present time, of social frameworks of such understanding and the factors limiting and excluding it from the history of modern art, from actual life of intellectual community, other groups and layers of audience. Particular attention is paid to the changes which performance as an artistic form of free social action has undergone in recent

years in the described Russian context and in which lack of an artist's rights on autonomy, criticism and search is exposed.

The Present and the Future of the Russian Internet (by Alexey Sidorenko). Using statistical data from Internet and his own calculations on their basis the author analyzes the process of internetization of the Russian informational environment in comparison with the same process in other countries and against the background of trends in the development of Russian media space itself (the pace of growing access to Internet in the largest cities of Russia and socio-cultural factors influencing it). Describing the future of Internet in the Russian society the author points out the growth of Internet influence as a trustful source of information, the sphere of public\social and civil initiatives, a ground for forming up political leaders, and, on the other hand, increasing legislative and actual regulation of Internet by the state through bureaucratic and economic mechanisms, as well as the reaction of different social groups to the attempts of such impact. In this context various scenarios of possible development of Internet in connection with hypothetical changes of the Russian society and its political arrangement (optimistic, pessimistic and inertia variants) are scrutinized in the article.

Reading as a Value among Young Russian Intellectuals (by Lubov Borusyak). The author analyzes the present attitude to book and reading in the group of «middle class» female representatives in Moscow (by their records in popular Internet portal) and among metropolitan educated well-off youth (by their records in the social net «In contact»). Reading, except easy one, is in fact absent in Internet correspondence of Moscow educated and well-off women of 30-40 years, the only remnants being anxiousness – and such records are also scarce – about their children reading little, not willing to read. Meanwhile for metropolitan educated and well-off youth books are of heightened symbolic significance which is demonstrated in Internet communication. The range of significant patterns (favorite authors and books) for youth is made up of writers and works which had been the core of «intellectual», «difficult» reading of intelligentsia in the late Soviet period except the most vivid «school» symbols (for example, A.Pushkin), socio-critical prose of the Soviet period – from Zoshchenko to Trifonov – being practically absent. The author of the article views this as a process of transition from one value system of the Russian society to the other, the decay of old cultural codes which occurs

gradually affecting not all the groups of society and not in the same degree. The former intelligentsia has lost its influence in the society but its values still persist in educated youth who don't seek for new semantic references.

On Reading and Non-reading Today (by Boris Dubin). The author comments on the main points of Lubov Borusyak's article relying on the data of the surveys carried out by Levada-Center. They show that the facts of non-reading reveal rather tense relationships between generations in today's Russian family, conflicts between school students, as well as between students and teachers at school, weakness or break of shared cultural space in domestic and intra school communication. These tensions and conflicts in most cases remain symbolically non-generalized and culturally non-worked up. According to L.Borusyak's data the basis of literature culture even of the most educated and prosperous Moscow youth consists today of relic patterns of «high culture» transmitted to them by parents of intelligentsia background. However these patterns are not directed at present Russia and its problems and promote isolation of advanced youth in exclusive circles and clubs of «their own people». Thus sociologists point out decreasing scale of communications between various groups of fragmented Russian society, unification and massovisation of its contents. On the other hand, in the present Russia one can witness the transfer of symbolic significance from some semantic zones of life to others mainly marked by garish tokens of the entertaining, fashionable, youthful and female. Books and reading in general leave the spheres of high semantic significance. The space of generalized symbols and patterns of cultural diversity decreases in the country, intellectual activity aimed at their development and spreading being extremely feeble.

The Native Language and Language of Everyday Usage: Which should Language Policy be Guided by? (Volodymyr Kulyk). The article analyzes the importance of language identity and practice as factors affecting people's preferences with regard to the language situation in society and language policy of the state. In Ukraine, from which empirical data are drawn, this issue has lately acquired political relevance as the ruling coalition has submitted a draft language law which introduces the main language of everyday usage as a criterion of the linguistic composition of administrative units and, accordingly, statuses of languages on their territories. The regression analysis of the survey data on different aspects of the language situation and the

language policy shows that in most cases the native language has a stronger impact on language-related attitudes and policy preferences than everyday language which, therefore, should not be used as its substitute for the purpose of the language policy. This finding is arguably applicable to other societies with a large-scale discrepancy between language practice and identity.

«Own life», Education, Childbirth. Motivation of Reproductive Behavior in Contemporary Russia (by Ivan Zabayev). The paper presents the data of qualitative research of the inhabitants of Moscow and several other big Russian cities (80 semi-standardized biographical interviews of 2,5 hours average duration) within the frameworks of the research project «Family and childbirth in Russia. Categories of parental consciousness». The author investigates the issues of subjective, semantic aspect of social intentions and actions of the Russians having many or one-two children, or married but having no children, inquiring what meanings typical actors attach to their behavior, in what categories they define for themselves the situation of desired/non-desired childbirth. At the given stage of the project the main category of the analysis is the value of self-realization in the form of parents' and potential parents' beliefs about «their own life», necessity of «development» and striving for «diversity» of life experience. The decision of having children is a considerable limiting and restraining factor in connection with

such ideas: the values of self-realization, «their own life», «development» clash with the values of «childhood», «family life», and «continuation of life in children».

About Levada . Interview with Alexis Berelovich. In an extensive interview in 2010 French sociologist, historian, translator of Russian fiction and scientific literature Alexis Berelovich shares his recollections about Yury Levada whom he had known since late 1980-s. A. Berelovich expresses his thoughts about Yu. Levada as a person, a researcher, a manager, a public figure in the environment and against the background of «shestidesyatniki» (intelligentsia of the 60-s), about his scientific ethics, his interest both to history and to the present time, about Levada's theoretical views and research projects (above all about the project «The Soviet man»), on peculiarities of analytical approach and sociological work of the Center which Yu. Levada headed and which was named after him.

The team of Levada-Center congratulates **Theodore Shanin** on his 80-th anniversary.

In the section **Remarks from the Field** Yelizaveta Dyuk publishes the statements of Dagestan residents which in October 2010 they asked interviewers to put down into their questionnaires besides their responses and which characterize the present tense situation in the North Caucasus.

ПОДПИСНОЙ КУПОН
ПОДПИСНОЙ КУПОН НА 2010 год

на комплект из _____ номеров (№1, №2, №3, №4 – нужное вписать)

«Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии»

Стоимость 1 номера – 220 руб. (включая НДС 10%)

Мы перевели сумму* _____ (включая НДС 10%) за подписку на «Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии» платежным поручением № _____ от _____ на расчетный счет

40703810100010000119 в банке «Кредит-Москва» (ОАО) г. Москвы.

Корр. счет **30101810700000000501** БИК **044583501** ИНН **7705466756**

Получатель: Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр)

Просим выслать по адресу: _____

Куда. _____

Кому. _____

Телефон (e-mail) для связи _____

Предпочтительный способ доставки (почта, самовывоз)

Заполненный купон и копию платежного поручения отправьте, пожалуйста, по адресу: 125319, Москва, ул. Черняховского, д. 16, или на электронный адрес direct@levada.ru, или на факс (495)229-38-25

С 2009 года редакция осуществляет подписку на **электронную версию** журнала (файл формата PDF).

Стоимость подписки на один номер — 118 рублей (включая 18% НДС).

По всем вопросам подписки, пожалуйста, звоните по тел. (495) 229-38-10 или пишите на direct@levada.ru

* Стоимость подписки следует уточнить по тел.: (495) 229-38-10 или по электронному адресу

direct@levada.ru

ORDER FORM

for 2009

The Russian Public Opinion Herald

Data. Analysis. Discussion

1 issue – USD 22

1 year subscription (4 issue) – USD 88

January–March

April–June

July–September

October–December

Subscription fee for _____ issue Quarterly

USD _____ transferred to:

Beneficiary: Levada-Center, RUSSIA, Credit-Moscow

Bank. SWIFT code : CRMORUMMXXX

Acc. № 40703840400010000119

113054, Russia, 6-th Monetchikovsky, 8

Correspondent Bank: Commerzbank, Neue Mainzerstrasse 32-36, 60311, Frankfurt/Main, Germany

acc. № 400/8866709/00 SWIFT code: COBA DEFF

Please send the Journal to:

Name _____

Address _____

City _____

Please fax this order form to: +7(495) 229-38-25 or mail it to direct@levada.ru to Levada-Center, 16 Chernyakhovskogo Str, Moscow, 125319, Russia.

For further information, please contact us via email direct@levada.ru or by phone +7(495)229-38-10